

Трое из леса

Юрий НИКИТИН

Откровение

«ЭКСМО»

1997

Никитин Ю. А.

Откровение / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 1997 — (Трое из леса)

Сэр Томас Мальтон Гислендский, доблестный рыцарь, не отличался особой сдержанностью, и однажды в сердцах сказал такое, что в день его свадьбы явился некто в обгорелых доспехах и утащил невесту... в ад. Вы думаете, сэр Томас разлучился с любимой навеки, ведь не каждому же смертному под силу найти дорогу прямо в преисподнюю? Как бы не так! Его друг, русский калика Олег, похоже, в тех местах уже бывал...

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	65
Глава 10	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Юрий Никитин

Откровение

Часть I

Глава 1

В ближайшем лесу спешно рубили деревья. Пахло свежей зеленью и древесным соком. Из деревень гнали скот, на широких телегах везли разделанные туши. Во дворе королевского замка всю ночь перестукивались топоры, ветерок гонял ажурные кольца сосновой стружки. При свете костров плотники сбивали просторный помост для знатных рыцарей. Из подвалов королевского замка загодя выкатывали бочки самого старого и дорогого вина. Доблестный рыцарь сэр Томас Мальтон торопился отпраздновать свадьбу.

Два дня тому на военном сходе рыцари провозгласили его королем. И хотя самые старые и опытные предлагали сперва провести церемонию коронации, а уж потом жениться, Томас был непреклонен.

Его невеста, гордая и сильная женщина из северных земель, которая прошла с ним дальний и опасный путь, уже освоилась в странном для нее королевстве, распоряжалась дворцовой челядью как собственными слугами. А рыцари научились произносить ее имя полностью, уважительно трактуя его смысл.

Гости на свадьбу молодого короля, пусть еще не коронованного, начали съезжаться на третий день после его победы над демонами Стоунхенджа. Крижина, бывшая невеста, после недолгих колебаний все же на свадьбу не осталась, к великому облегчению Томаса. С нею отбыла почетная охрана наемных воинов под началом старого рыцаря МакОгона.

Отец и дядя Эдвин не спали ночами, ошалелые, счастливые, готовили и свадьбу, и будущую коронацию и тревожились о землях, что теперь попадали под руку последнего из рода Мальтонов, который не только вернулся живым, но и сумел добыть на развалинах горящего Иерусалима святыню христианства – Грааль, привезти в Британию...

Венчание готовил старый рыцарь Макдональд, большой знаток геральдики, обычаев королевских дворов, главный распорядитель на больших охотах. Суровый и неутомимый даже в свои годы, он мог сутками не слезать с седла, рубиться в первых рядах, на пирах пил и ел за троих, а если чего и избегал, то разве что соленых огурцов, потому что голова в бочонок не пролезала, а если и пролезала, то очень щипало глаза. Сейчас он остановил молодых воинов-оруженосцев, наставлял строго, но по-отечески:

– Меч при церемонии ставьте на колено правой руки... Пальцы согните в локте, на лице должен быть восторг и обожание, перед вами король... Эй, оруженосец, не делай умное лицо, ты все-таки в будущем отважный рыцарь! И вы двое, чего спите, стоя на ходу?.. Грудь вперед, не сутулиться! В вашем возрасте я себе уже сапогами ноги до задницы стер, а вы со ступеньки на ступеньку тащитесь, как три дня... Вспомните о будущем! А сейчас что вас больше занимает, что говорю вам я, Макдональд из клана Макдональдов, или тот дохлый голубь, что летает над двором?.. Вот так, плечи шире... Теперь видно, что молодцы. С такими мальчиками, будущими рыцарями, наши прекрасные дамы могут спать спокойно.

А на другом конце коридора дядя Эдвин торопливо наставлял челядь:

– Ладно, не надо мыть полы ежедневно, но хотя бы каждый день надо!.. Это ж не свинарник, теперь это родовой замок короля... Кто сказал, что гусей подавать на стол потом, когда

поедят свиней? Гусь свинье не помеха. Эй, кто там ходит с красным носом, как огурец? Напиваетесь и ползаете вокруг себя на четвереньках, будто свадьба уже в разгаре!..

К полудню начали съезжаться гости. Слуги разбирали коней, гостей вели в комнаты, где те могли стряхнуть пыль и даже умыться.

Старый Макдональд предложил Томасу облачиться в королевские доспехи: покрытые золотом, с роскошными рисунками, украшенные лучшими мастерами Британии. Томас метнул на раззолоченные доспехи взгляд, полный неимоверного презрения:

– Это?.. Тонкие листки металла, которые проткну пальцем?

– Это парадные доспехи, – объяснил Макдональд значительно. – В них не воюют, а изволят являться простому народу. Дураки падки на все блестящее. Потому таким доспехам у нас цены нет! У меня вон как сияют! Да и пировать в парадных легче...

Томас непреклонно покачал головой:

– Я в своих тяжелых латах могу бежать за конем, прыгать через копьё и накрытый стол. Я не опозорю себя этой дрянью. К тому же хоть король не был ребенком, на меня это не налезет.

Макдональд смерил молодого рыцаря уважительным взглядом. Последний из рода Мальтонов удался ростом, шириной плеч, руки длинные, как весла, и толстые, как бревна. Грудь выглядит так, словно уже надел доспехи под вязаную рыцарскую рубашку. Лицо дерзкое, в глазах огонь, сила и нетерпение в каждом слове и жесте. Если бы такие остались в Британии, они разнесли бы ее в щепки. К счастью, мудрые головы, спасая покой страны, придумали крестовый поход в дальние страны, где почти все герои и сложили головы...

– Как скажете, мой король, – сказал он, впервые называя Томаса королем, хотя коронация была назначена через неделю, когда прибудут епископы и посланцы от соседних королевств. – Но король может венчаться и вовсе без доспехов.

Томас буркнул с неудовольствием:

– Без доспехов я как голый. Мы там, в песках Сарацинии, в доспехах и спали... иначе бы не выжили. Ладно, что-нибудь придумаем.

К вечеру перед гостями распахнулись двери главного королевского зала, больше похожие на ворота. Огромное помещение блистало, Томас велел повесить все оружие королевской коллекции на стены, а из ближайшего монастыря привезли две телеги толстых, как годовалые поросята, свечей. Сейчас они горели ярко и весело, отражаясь на блестящих клинках, широких лезвиях мечей, топоров, на поножах, дорогих шлемах, на позолоченных и посеребрённых панцирях.

Сверху, где обычно располагались арбалетки, торжественно грянули трубы. Гости входили, переглядываясь многозначительно: этот Томас Мальтон торопится жениться больше, чем заполучить корону из рук властителей церкви.

Макдональд, помолодевший от осознания, какой важной церемонией руководит, орлиным взглядом поглядывал, как зал заполняется, оставляя свободной середину, как знатные рыцари и просто знатные люди располагаются у стен сообразно их рангу, родословным и размерам угодий.

Пара оруженосцев носилась по залу, выполняя его распоряжения, с середины зала гостей потеснили – место для короля, а когда трубы звонко и торжественно протрубили трижды, Макдональд медленно и неспешно вышел вперед. Все взоры были на нем, голоса утихли, только в задних рядах шикали друг на друга.

Макдональд оглянулся на Томаса, тот в нетерпении бьет землю сапогом, как конь копытом, глаза дикие, вот-вот все испортит, и Макдональд поспешно вскинул руку:

– Дорогие гости!.. Сейчас...

Под ногами, в глубинах земли, негромко предостерегающе заворчал. Пол слегка дрогнул, ворчание стало громче, донесся треск, словно некто незримый пробирался наверх, ломая слежавшиеся пласты земли. Разговоры стали умолкать, гости встревоженно посматривали на Томаса. Томас растянул губы в успокаивающей усмешке.

Макдональд снова набрал в грудь воздуха, сказал громче:

– Дорогие...

Гул стал громче. С потолка посыпалась труха, тяжелые каменные плиты в самом центре зала вздыбило, будто из-под земли в них ударило тараном. Из щелей вырвались струйки черного дыма. К аромату ладана примешался запах гари, серы и горящей смолы. Гости в страхе бросились под защиту стен. Женщины визжали пронзительно и некрасиво.

За струйками дыма с шипением выстрелило оранжевыми искрами. Под ногами дрогнуло снова. Плиты тяжело рухнули, в середине развороченного зала открылся страшный дымящийся зев, взвился столб черного дыма. В дыму из красно-черного ада как на ладони подняло человека в обгорелых доспехах.

Томас ощутил, как гадливая тошнота подступила к горлу. Лицо выходца из ада было в струпьях засохшей крови и волдырях от ожогов. Шлем разрублен, а с ним и голова. Страшный багровый шрам прошел через все лицо, шею, а заканчивался на середине груди. Обе половинки лица были сложены небрежно, правая на палец выше. Крики ужаса и отвращения стали громче.

– Гудвин! – услышал Томас чей-то крик.

Томас задержал дыхание. Кровь бросилась в голову. Несмотря на страх, он ощутил и дикую ярость. Неделию тому этот молодой наглец оскорбил его в присутствии множества рыцарей. За что и получил такой удар мечом, что только силы ада смогли слепить его из двух половинок!

Он ощутил множество взглядов, все-таки уже назван королем, до коронации – один шаг, и, собрав волю в кулак, спросил грозно и с придыханием:

– Разве я приглашал... оттуда?

Из обугленного рта Гудвина, в запекшейся крови, в язвах, вырвались хрипы. Он пытался заговорить, но криво сросшийся рот дергался в судорогах. Наконец остатки нижней губы лопнули, брызнула ядовито-желтая кровь, тут же почернела и взвилась иссиня-черным дымком. На мраморных плитах появились мелкие язвочки.

С нечеловеческим усилием он прохрипел:

– Я... за своим...

В мертвой тишине Томас спросил неистово:

– За своим? Я тебе что-то должен помимо еще одного достойного удара?.. А то и двух? Эй, подать мой острый меч и моего коня!.. Э-э, коня не надо, а меч неси, да побыстрее, пока это пугало не удрало. А ты, святой отец, чего пятишься, как небольшая красная рыба? Брызни пока что святой водой! Да не скупись, это не вино.

Священник, дрожа как осиновый лист, воздел кверху крест и толстую книгу:

– Изыди!.. Изыди, именем Девы Марии...

Голос его прозвучал как бляение заблудившегося ягненка в ночном лесу. Исчадие ада вперило в него грозные очи. Багровый огонь в них разгорелся, словно угли костра на ветру, стал пурпурным, как зарево пожара.

– Что бляешь?..

– Тебе, – пролепетал священник, – нет власти над чистыми душами...

– Здесь нет... чистых, – ответил обгорелый рыцарь. Он тужился, страшно гримасничал, в зале слышались частые шлепки, будто кипы белья равномерно бросали на каменный пол: жены рыцарей падали без памяти, а мужья с готовностью подхватывали и уносили на свежий воздух. – Вы из трюма... А я пришел... за своим...

В дверях слышались крики. Как грецкие орехи, трескали рыцарские панцири. Гости выскакивали, топтали друг друга. Томас вскрикнул с нарастающей яростью:

– Сам ты скот из Ноева трюма! Кто тебе обещал?

– Ты, – ответил выходец из ада.

– Я?... – изумился Томас. – Что я обещал?

Обгорелый вытянул руку с указующим перстом. Рыцари расступились. В глубине зала стояла Ярослава в подвенечном платье. Она была как никогда прекрасна в белом, женственная и чистая, ее розовый рот приоткрылся в изумлении и испуге.

Томас набрал в грудь воздуха для страшного вскрика, после которого выходец оттуда наверняка рассыплется, а рыцари почувствуют узду... но что-то заставило умолкнуть. Во взглядах рыцарей прочел нечто, что послало по спине неприятный холодок. Этот болван тогда спьяну или сдуру крикнул при всех рыцарях, что отдаст свой голос за Томаса, если тот отдаст ему Яру. Томас тогда ответил «да» и тут же разрубил наглеца от кончика шлема до середины груди. Тогда все восторгались таким мощным ударом, такими рубят вепрей на охоте, а сейчас смотрят... осуждающе?

– Отдать тебе свою невесту? – крикнул Томас. – Скорее в аду снег пойдет!

– Разве твое слово стоит дешевле одежды раба? – проскрипел Гудвин. – И такого человека хотят в короли?

В зале осталось не больше двух дюжин рыцарей. Эти обнажили оружие, смотрели сурово и с достоинством. Выходец из ада не поколебал их верности сюзерену, который еще до свадьбы велел отворить подвалы с вином для знатных и благородных. За их спинами шуршали платьями две-три бесстрашные до глупости женщины. И рыцари, и женщины ожидающе смотрели на Томаса. Тот вскипел:

– Что смотрите? Как будто это обгорелое говорит... говорит... я даже и не знаю, что такое для вас важное!

Старый Макдональд сказал с усилием:

– Сэр Томас... Мы называли тебя королем. Уже созывают епископов для твоей коронации. Но ежели для рыцаря любое обещание свято, то для короля – вдвойне.

Томас вскрикнул в изумлении и страхе:

– Какое обещание? Вы с ума сошли! Этому... этому разрубленному и осмоленному в аду кабану... да где там кабану – гнусному подсвинку?

Рыцари отводили взоры. Макдональд развел руками, голос старого рыцаря был полон достоинства и печали:

– Ты – король. Мы готовимся присягнуть тебе в верности. Но и ты присягнешь нам! Ты принесешь присягу защищать, вершить суд праведный и скорый, быть верным слову, блюсти заветы рыцарства и чести... А этот обгорелый, как ты его назвал, он все еще рыцарь.

Томас сцепил зубы. Да, он однажды даже лесному черту всю ночь пояс шил, потому что на вопрос за спиной: «Кому шьешь?» – брякнул сдуру: «Черту!» – и вынужден был держать рыцарское слово, но одно дело – отдать пояс, другое – любимую женщину!

Он в отчаянии огляделся. Калики нет, пьянствует с челядью. Хотя понятно, что посоветует: да пошли, мол, этого смоленого в то место, где черное солнце светит, только и всего! Какое еще слово? Да еще перед мертвяками? Побывал бы в рыцарской шкуре... Хуже того – в королевской.

– Я обещал, – проговорил он с трудом, – хоть и несколько опрометчиво... рыцарю, но за обещанным явилась какая-то осмоленная свинья из преисподней. Пусть рыцарь и приходит, тогда и поговорим.

Он перевел дух, огляделся. Все сгрудилось у стен, женщины прятались за спины могучих рыцарей. Гудвин, черный как ночь, проскрежетал страшно:

– Разве... меня... кто лишал... рыцарского звания?

Томас отпарировал:

– Сейчас соберем совет и лишим! Только и всего.

– Не... сможешь, – ответил Гудвин. – Я... я... рыцарь.

Щека лопнула, мясо вывернулось багровыми краями, но кровь потекла черная как смола, а запах горелого мяса стал густым и едким. Женщины вскрикивали, выглядывали из-за спин мужчин. Макдональд кашлянул, покосился на благородного Эдвина. Дядя Томаса стоял бледный, губы вздрагивали. Он ощутил на себе взгляды, в лице было отчаяние, страстное желание помочь племяннику, но лишь вздохнул и сказал хрипло:

– Да и... *De mortuis aut bene, aut nihil...*

А Макдональд, приободренный поддержкой ученого рыцаря, добавил с неловкостью:

– Да и не просто мертвый, умереть можно и от обжорства, а убитый. Благородным мечом, а не мельничным жерновом простолюдина, как стряслось с... запамätовал имя, помню только кличку... гм...

Он умолк, Томасу показалось, что толстая дубленая кожа старого рыцаря чуть изменила цвет, словно бы престарелого боевого рака окунули в кипяток, но кличку назвать вслух не решился. Гудвин же развернулся в сторону сгрудившихся мужчин:

– Я вынужден... обратиться к... рыцарству...

Он скрежетал, пытался выговорить что-то еще, но из рассеченного рта вылетали только хриплые звуки. Потекла зеленая слюна. В зале послышался вскрик, еще одну женщину четверо мужчин торопливо понесли к выходу.

Старый Макдональд оглянулся на молчащих рыцарей. Лицо старого воина было суровым, но спина гордо выпрямленной, грудь широка, от всей фигуры веяло знатностью и благородством:

– Я думаю, что выражу общее мнение... Да-да, мы ведь живем сообразно чести, а не простой целесообразности. Будь ты простолюдином, то должен дать по ушам этому обгорелому и забыть о нем, но согласно чести обязан сдержать слово! Ибо этот обгорелый является правопреемником рыцаря, которого мы знали. К тому же, как видим, он и в аду помнит о рыцарском слове, о наших обычаях и обетах. Так неужто ж мы, рыцари Пресвятой Девы Марии, забудем о наших клятвах верности и чести?

Томас скрипел зубами, смотрел с ненавистью. Ну да, как он забыл, что обгорелый Гудвин по материнской линии в дальнем родстве с этим трухлявым пнем! А какая верность королю, это все слова, если на другой чаше весов – кровные узы?

Примчался оруженосец с мечом Томаса. Запыхавшийся, красный от усилий, он упал на одно колено, попытался красиво подать королевское оружие на вытянутых руках, но не удержал, меч с таким жутким грохотом обрушился на каменные плиты, будто упал с башни.

– Ваше величество!..

Томас зарычал от бешенства. Он сам не помнил, как меч очутился в его руке, да мало кто заметил, настолько стремительно двигался молодой рыцарь, который королем не родился, а успел побывать на коне и под конем, умел держать удары и наносить их сам.

– А вот теперь посмотрим!

Рыцари, вельможи, самые отважные из женщин, что не покинули главный зал, прижались к стенам. Томас встал у края ямы, загораживая выходцу из ада дорогу обратно. Гудвин прохромал, страшно припадая на левую ногу, к Ярославе. Она дрожала и смотрела жалобными испуганными глазами. За последние дни она из отважной воительницы превратилась в робкую овцу, какой и надлежит быть приличной британке.

Томас выругался, бросился вдогонку. Гудвин оглянулся, жутко захохотал. Внезапно он ухватил Ярославу за руку, и, чего Томас не ожидал, под обгорелым и Ярославой дрогнул пол, плиты провалились, оба исчезли в мгновение ока. Взметнулась белая фата, пронесся отчаян-

ный крик: «Томас!», гулкий скрежещущий хохот. Из провала выметнулся дым, а запах серы заглушил аромат фимиама.

Томас в два прыжка очутился возле новой ямы. Сильные руки рыцарей ухватили за плечи. Сзади ударили под ноги, свалили, оттащили. Он яростно вырывался, но те же руки держали крепко, священник поливал святой водой, пугливо бормотал латынь. Он трясся, как былинка под ударами ветра, вода лилась мимо, священник в ужасе оглядывался на зияющий провал, где трещало, слышался рык, глубокий рев, затем наверх выдавило землю и каменные плиты. Разбитые, с оплавленными краями, будто обжигали в неведомом горне, но все-таки прежние плиты его замка.

– Убрался, – пролепетал священник. – Вы видели? Видели, как святая вода отогнала?..

Томас поднялся на ноги, мокрый как рыба, прорычал страшно:

– Ты на кого воду тратишь?

Его цепко держали, заломив руки за спину. Священник пугливо пятился. Лик молодого короля ужаснее, чем у выходца из преисподней!

Томас повел плечами. Держат почтительно, но крепко. Не враги, в глазах сострадание.

– Оставьте меня, – выдавил он, – я должен посоветоваться...

Рыцари переглянулись, отодвинулись, но когда Томас пошел вниз по лестнице, сзади слышал их шаги, звон доспехов и стук тяжелых сапог по каменным ступеням. Пару раз рассерженно оглядывался, но рыцари старались держаться за пределами видимости, что в замке с его крутыми поворотами, узкими ходами просто.

Стены шатались, его бросало от одной к другой. Как утопающий, он набрал в грудь воздуха и тащил себя через отчаяние и страх вниз к людской, а потом чутье заставило свернуть в сторону конюшни.

Из раскрытых ворот вкусно пахло свежим сеном. Конские ясли уходили двумя рядами вдаль, посреди пролегла солнечная дорожка от дальней двери напротив. Ближайшие кони смотрели добрыми коричневыми глазами, потом повернули головы в сторону целой копны сена в углу конюшни.

Калика возлежал лохматый и все в той же варварской безрукавке из волчьей шкуры. В красных, как закат, волосах запутались оранжевые соломинки, а зеленые глаза сонно закрывались. В правой руке был кувшин, а еще два пустых лежали у ног. Вид у калики был задумчивый и неспешный.

– Что, – сказал он с вялым беспокойством, – еще и не начиналось?.. Томас, я не пойду, и не уговаривай. Я вас поздравил, а в королевский зал не пойду, это ж тебя только опозорю!

– Сэр калика, – прошептал Томас.

Олег сказал с пьяной усмешкой:

– Удивлен, что я не исчез, когда все закончилось?..

– Ох, сэр Олег...

Калика объяснил с пьяной обстоятельностью:

– Я еще здесь, ибо не решил, как мне удалиться... отсель, из Оловянных островов. Пойти ли пешком, аки странник, либо сесть на Змея, а то и вовсе... гм... В первом случае лучше мыслится, во втором двигаешься быстрее, а в третьем вовсе за один миг р-р-р-раз – и со всеми удобствами сразу в нужном месте, но совсем не мыслится... Не мыслится, зато приятно. Как мыслитель, я хочу идти пешком, но как человек, навроде простого дровосека или там короля, хотел бы лететь... и чтоб не дуло...

Томас сказал мучительно:

– Сэр калика...

– Беда в том, – рассуждал калика, – что во мне два человека. Оба тянут в разные стороны! И такую драку затевают, что ребра трещат, а голова гудит, будто сижу в колоколе, а по нему

твои монахи лупят со всей дури. Или от церковного усердия, что одно и то же... Гм, все же пойду, видать, пешим. Только вот как ноги не замочить в проливе...

– Сэр калика, – проговорил Томас с болью, – Ярослава исчезла.

Калика поднял усталые глаза. Томас видел в них, как сэр калика ловит ускользающую мысль, затем огонек погас, перед Томасом было лицо смертельно усталого человека. Эти двое, понял Томас потрясенно, что живут в сэре калике, оба обладают неимоверной силой и оба бьются яростно и до конца. А сам калика – лишь оболочка, поле боя двух могучих Олегов!

Томас сказал тихо:

– Прости...

В оружейном зале перед его глазами поплыла стена с мечами, боевыми топорами, кинжалами, палицами... С ними воевали и умирали его славные предки. Так неужто ж он, Томас Мальтон, станет цепляться за ныне бесполезную жизнь?

Пальцы потрогали рукоять меча его деда, с которым тот воевал и погиб под Хортом. Славный меч, он не подвел деда, да и дед его не опозорил.

Томас упер рукоять в стену, холодное острие прорвало рубашку на груди против сердца. Он задержал дыхание, шепнул едва слышно: «Яра, я иду...» – и расслабил мышцы, чтобы лезвие вошло легко и высвободило душу. Он качнулся вперед, острие прорвало кожу и плоть, но тут сильные руки ухватили за плечи, грубый голос заорал над ухом. Его свалили, ухватили десятки рук, держали, как крестоносцы богатого иудея. В голове был туман, в мыслях он уже встретился с Ярославой. Но запах солдатского пота, грубые голоса и холодный каменный пол привели в чувство. Его все еще держал Макдональд, теперь уже кастелян королевского замка, воины спешно связывали Томасу ноги. В распахнутую дверь врывались привлеченные криками новые воины. Пахло горящим деревом, смолой.

– Как вы посмели... – прошептал Томас. – Я – ваш король...

– Еще нет, – ответил кто-то.

А другой голос добавил:

– И не будешь, если дурак!

Запруда век не удержала слезы. Хлынули двумя потоками, оставляя на щеках широкие дорожки. Макдональд, раскрывший рот для злого окрика, для него Томас все еще не король, а мальчишка, которого он учил ездить на коне, медленно сомкнул челюсти, тяжело перевел дыхание.

Глава 2

Олега едва не сбила с ног визжащая женщина, а потом за нею тяжело прогромыхал орущий благим матом мужик в железе пудика на два и с перьями на шлеме. Сперва Олег решил, что мужик готов измордовать жену за пересоленный суп, потом услышал его вопли, что уже все кончилось, можно возвращаться в банкетный зал, столы как раз накрыли, и Олег подумал одобрительно, что Томас молодец, церемонию бракосочетания провел быстренько, пока что не по-королевски.

Ворота распахнуты настежь, народ из окрестных сел и замков еще прибывает, но стражей на воротах впятеро больше обычного, оружие только в зубах не держат, суетятся, орут сорванными голосами. Олег ощутил, что выныривает из глубоких дум, и тут только заметил, что весь королевский замок взбудоражен как муравейник, куда бросили сочную лягушку.

– Что-то стряслось? – спросил он в пространство.

Народ не отвечал, почему-то шарахался, а кто-то даже брызнул на него из крохотной баклажки. Олег понюхал, но ничем не пахло. Он повернулся к стражам, те в полном вооружении, трезвые и злые, орут и расталкивают народ в воротах.

– Какие-то у вас свадьбы странные, – сказал Олег с недоумением. – Больно на собачьи смахивают. Все-таки короля жените, не простого кобеля.

Старший страж поглядел с отвращением:

– Ты из леса вышел, что ли?

– Из Леса, – подтвердил Олег, подумал, добавил задумчиво: – Давно, а будто вчера... Сейчас какой век? А страна какая? Гм... Слушай, пикт, чего все орут и мечутся? У вас ритуалы такие?

Страж нервно огрызнулся:

– Сам ты... пикт. В самом деле из леса! Да не простого – дремучего. Тут дьявол уволок невесту короля. Ухватил как волк овцу – и в лес. В нору то есть. Потому мечутся, святые мощи собирают. Уже пронесли по всему замку гвоздь из Гроба Господня, две левые руки Иоанна Крестителя, детский череп Фомы Неверующего... Огромный дьявол такой явился, весь красный, как вон ты, только от него серой воняло, а от тебя... даже не пойму чем.

Олег вздрогнул, ощутил, как под натиском тревоги разом очищается взор, по телу пробежала холодная волна. Он ощутил свое тело, и стражник невольно отступил, когда Олег распрямился и раздвинул плечи.

– А Томас? – спросил он.

Стражник дернулся, вытянулся. Этот голос... или похожий он слышал тридцать лет тому, когда в славной битве англы и саксы разгромили наголову норманнов, тогда хрипло и страшно голос герцога МакИтры вывел к победе.

– Стерегут!

– От чего?

– Дабы не бросился на меч! Двенадцать лучших рыцарей королевства стерегут!

– Благодарю за службу, – бросил Олег коротко.

Он помчался в замок, а ошастливленный страж кричал вдогонку:

– Рад стараться!.. Служу Британии!.. Боже, храни короля!.. Бей Мордред!

Томас, как зверь в клетке, метался по малому залу, откуда уже вынесли все оружие, ревел, как дикий зверь в лесу, и кричал так страшно, что за окном в испуге взлетали голуби. Вдоль всех четырех стен зала блистало железо. Сперва Олег подумал, что прибавилось рыцарских статуй, но у двенадцати железных исполинов были подняты забрала, суровые лица смотрели с глубоким сочувствием и полной беспомощностью.

– Томас, – сказал Олег торопливо, – возьми себя в руки.

Томас разъяренно гаркнул:

– Еще чего! Стану я всякую мерзость брать в руки!.. Да, я – мерзавец, позволивший увести невесту прямо из-под венца! Я не только королевского меча, даже простой булавы недостойн, разве что палицы, как у тебя...

– Ну-ну, зачем уж так... Пусть сплеховал, ты такой от природы, но как же другие? У тебя ж народу, все ищут, с кем бы подраться!

Томас ответил с едкой горечью:

– Отдали. Без спора.

– Почему? – изумился калика.

– Потому что мертвый. А к мертвым уважение надо иметь.

– Мертвый, – изумился калика. – А по мне так дохлый, а не мертвый. И ты дохлому отдал невесту? Что-то я, видать, слишком долго в пещере просидел. Сложные вещи понимаю, а простые – хоть кол на шлеме теши.

Томас, не слушая, грохнул кулаком о стол. Слезы оросили лицо, он взвыл, как раненый зверь, потерявший детенышей:

– Но почему?.. Ведь она чиста! В рай – еще понимаю, хотя в задницу этот рай, но как могли в ад?

В зеленых глазах калики было глубокое сочувствие. Когда Томас ухватился за горло, будто пытался удушить себя собственными руками, калика толкнул молодого короля прямо на ложе. На лице калики отразилась горькая насмешка.

– Понять хочешь? Веру? Разве не ваш отец церкви изрек: «Верую, ибо нелепо»? Ишь, понять... Это еще почище, чем понять Русь.

– Но, – простонал Томас, – где же справедливость?

Он поперхнулся и умолк, лицо калики было таким, что вот-вот разверзнется потолок и его поразит божий гнев за богохульство даже только в мыслях. Но калика перевел дыхание, вздохнул, могучая грудь опустилась. Все еще гневным голосом сказал сдержанно:

– Пора взрослеть, сэр Томас. И довольно искать справедливость на свете. Ее нет, понимаешь?

– Но как же...

– Она есть только в нас самих. И остается там, куда приносим. – Похоже, калика понял, что хватил через край, поправился: – Иногда остается. На некоторое время.

– А потом? – спросил Томас убито.

– А потом суп с котом. Грош цена той справедливости, за которую не быются ежечасно. А вообще-то ты зря так рвешь жилы в крике, а сердце в плаче. Нет-нет, потеря в самом деле велика, но убиваться не надо. Прими с христианским смирением...

Томас вскочил, как подброшенный катапультой. Лицо побелело, кожа натянулась так, что желваки едва не прорывали кожу.

– Да пошел ты...

– Ага, – сказал калика со злым удовлетворением, – поскреби англа, отыщешь ли христианина?

– А что? – выкрикнул Томас. – При чем тут христианин?

– А то. Чего на меч кидался?.. Ваша рабская вера учит смирению. Гордость и честь для вашей веры – смертельный грех. Кто кинется на меч, того даже хоронят не на кладбище, где люди! А за оградкой, где собак закапывают...

Томас пробурчал, отводя взор:

– Ну уж и собак...

– Ничего, – сказал Олег насмешливо. – Не думаю, что всех можно превратить в рабов. Всегда найдутся люди, которые предпочтут кровью смыть позор, бесчестье. Даже своей, если чужую пустить не сумеют.

Томас поспешно оборвал разговор, смутно чувствуя какую-то правоту язычника, но не желая с нею соглашаться:

– Но ты-то, презренный язычник? Как бы поступил ты?

Калика произнес задумчиво:

– Мы еще живы, а значит, жива возможность вырвать Яру из рук адских сил. Но главное – ты не должен так уж молотиться головой о стены. Хоть камни здесь на совесть, но и голова у тебя... Особенно лоб...

Томас подпрыгнул. Глаза были дикие.

– Как? Она в аду!.. Ее уволок обугленный мерзавец в адское логово к чертям собачьим!

– Да, но она – красивая женщина.

– И что? Говори, и что с того?

– На красивую женщину и злой пес не гавкнет. Не зря говорят: не родись счастливой, а родись красивой. Счастье, как и богатство, может уйти, а за красоту всегда будут биться как рыцари, так и драконы, великаны, гномы – и эта мелкота туда же! – Змеи, Кощеи... А девка только сиди у высокого окошка да поплеывай семечки на дерущихся. Кто бы ее ни завоевал, все одно не обидит. Это богатство можно отобрать, а девку под зад коленом, но с красивой так не выйдет! Любой мужчина скорее богатству даст под зад коленом.

Томас ощутил, как сведенная болью грудь чуть расправляется. Во тьме забрезжил сла-а-абенький лучик надежды:

– Ты хочешь сказать...

Калика удивился:

– Я уже сказал яснее ясного. Красивых женщин не трогают даже волки в лесу. Ты зря терзаешься, представляя, как ее там мучают. Голову наотрез, что и пальцем не тронут. Кто ворует жемчужину, чтобы стучать по ней молотком? Поверь, Яра в безопасности. Наоборот, к ней приставлены всякие, чтобы ненароком пальчик не прищемила, красоту не испортила.

Томас на миг посветлел, но тут же брови сшиблись на переносице снова.

– Кто это всякие? Хвостатые?

– Хвостатые тоже люди, – возразил калика. – Ты с сарацинами якшался? Ну, представь, что эти хвостатые тоже сарацины. Другой веры, но тоже... гм... что-то умеют.

Томас тяжело вздохнул, но Олег видел, как сторбленная спина чуть распрямилась, а плечи раздвинулись. Только голос все еще оставался встревоженным:

– Но как бы ее... ну, понимаешь, не вздумали... силой.

Олег ахнул:

– Томас, ты в своем уме? Ее ж не плотник похитил, который не чует разницы между кухаркой и женой хозяина! Ее уволок хоть и мерзавец, но все же рыцарь! И то не для себя, а для кого повыше.

– Повыше?

– Ну да. Ворон ворону глаз не выклюет, а кус мяса отберет. Мужчины друг другу уступают замки, земли, даже коней иногда, но не женщин. Женщин отбирают, выкрадывают, уводят. Так и твою Яру уже мог отнять у твоего мерзавца какой мерзавец повыше рангом. А раз выше, то еще больше знает разницу между женщиной, которую берут силой, и женщиной, которую надеются уговорить... Так что Яра сейчас в безопасности. Ее накормили, напоили, переодели. Перед ней пляшут шуты, а адские барды поют адские песни.

Томас все яснил лицом, словно тучка сбежала с утреннего солнышка.

– Спасибо, ты меня успокоил. Но я должен поспешить вырвать ее из гнусных лап злодеев.

– Да, – согласился калика, – спешить надо. А то с этими нарядами, песнями да плясками еще и голову задурят. Все-таки женщина! Тем более красивая. Да и драгоценностей могут надарить полные сундуки, каких ни у одного короля не найдешь...

Рыцарь вскочил, поспешно напяливал сапоги. Брови снова сшиблись на переносице. Похоже, вспоминал, успел ли подарить своей невесте хотя бы колечко.

Калика наблюдал с любопытством:

– И куда ж ты?

– Спасать! – огрызнулся Томас.

– А куда?

– Не знаю. Потом придумаю. Мне в седле моего боевого коня только и думается. За столом дяди Эдвина я засыпаю, как жаба в болоте, а когда трясет, то в голове как бы взбалтывается... Такое всплывает!

Калика брезгливо поморщился:

– Представляю. Лады, собирайся. Поглядим, вдруг да мне по дороге. Вот только пролив...

Томас отказался от королевских доспехов из тонкого, как пергамент, листа, покрытого золотом, и теперь тяжело поворачивался в толстом железе, похожий на окованный металлом таран, которым пробивают ворота крепости. Калика оглядел его с головы до ног оценивающе, зябко передернул плечами, будто это железо предложили надеть ему.

– Люблю молодца и в половце. Да ты хоть дорогу в ад знаешь?

Томас остановился на миг, но тут же с помощью оруженосца надел через плечо широкую перевязь с двуручным мечом.

– Откуда?

– Так как же попадешь туда?

Томас принял из рук верных рыцарей щит, надел на локоть.

– Ты подскажешь.

– Я? С какой стати?

– Ты, – ответил Томас со сдержанной яростью, – где только не побывал, а в аду как раз полно твоих дружков. И в котлах, и среди тех, которые под котлы дрова подкладывают да вилами несчастных тыкают, как ты меня, когда будил ни свет ни заря. Да и разве святой обет рыцарства...

Он осекся, ибо зеленые глаза горели откровенной насмешкой. Оруженосец молча застегнул на поясе Томаса толстый ремень с кинжалом в дорогих ножнах. Лицо юноши было торжественное и суровое, а на человека в звериной шкуре смотрел с нескрываемым отвращением.

– Ну ладно, – сказал Томас раздраженно, – из тебя рыцарь, как из... Но просто дружба? Ладно, мы так и не сдружились. Ну просто христианское участие... А, черт! Или чисто мужское сочувствие? Наше мужское понимание?

Оруженосец прожигал варвара в звериной шкуре ненавидящим взором. Калика подумал, отмахнулся с небрежностью:

– Бред мелешь, как дурная мельница Сампо, что все море засолила. К тому же я не знаю туда дорогу. Раньше можно было пролезть через дупло Прадуба... иные звали его Ясенем, было такое Мировое Древо неизвестно какой породы. Вершиной достигало небес, даже выше, а корни висели в подземном мире. По дуплу как-то раз... гм... Но уже в тот раз дупло было такое агромадное, что я натрясся, когда лез. Вот-вот, думаю, свалится. Такое упадет на голову, даже рыцарю прическу испортит.

Он умолк, а Томас спросил жадно:

– И что же?

– А недавно я проле... проходил в тех краях. Гляжу – нет Дерева. Только холм, но какой! Да еще тлением тыщалетним отдает. Рухнуло, значит. Стояло-стояло, а потом зачем-то рух-

нуло. А я так и не поглядел, что за червяки его точили. Сколько хотел поглядеть, да все время не хватало.

Томас не понял, как могло не хватить времени человеку, который зачем-то годами сидел в пещерах, но спросил о своем:

– Может быть, обознался? В благородной рассеянности, свойственной святым людям... ну, для чертей святым, перепутал пустыни Аравии со снегами Имира?

Калика вяло пожал плечами:

– Да вроде бы место то. Гора, что торчала на востоке, так же и торчит, разве что чуть осела, а озеро, что было слева, – так и видно, что было озером, только теперь там лес. Даже река, что гордо несла корабли, осталась на прежнем месте. Только уже без воды, но русло угадать можно, если присмотреться как следует.

– А ты присмотрелся?

– Да, было любопытственно. Так что там не пролезть. На месте пня все завалилось, заросло, сплавилось, слиплось, а деревянный пень обратился в камень...

Томас буркнул зло:

– Магия? Дерево само себя превратило в камень?

– Ага, – согласился Олег. – Я видел, как целые рощи обращались в камень. Не сразу... постепенно.

По лицу пробежала легкая тень, и Томас поверил, что деревья в самом деле могут превращаться в камень. Но только постепенно.

От стены донесся прерывистый вздох. Оруженосец, испугавшись, что привлек к себе внимание, вытянулся и замер, став неотличимым от ярких фигур на коврах.

– А какие-то другие пути? – спросил Томас с надеждой.

Калика морщил лоб:

– Я слышал, ваши попы наловчились вызывать демонов, души распродают косяками. Если попробовать заарканить такого демона, чтобы отнес в преисподнюю? Думаю, сделает такое с радостью.

Томас стукнул кулаком по столу:

– В моем королевстве нет чернокнижников!

– Думаю, – сказал калика суховато, – сейчас ты сам об этом жалеешь. Но не обольщайся, что выкорчевали ересь всюду. На твердолобии мир держится, а на ереси развивается. Будешь королем – на всякое непотребие прикрывай один глаз. Чересчур много нельзя, сгинете, но малость оставить надо. А этого достаточно, ибо для любого королевства одного-двух умных людей хватит с лихвой!.. Что я такое слышал по дороге, что мать того хлопца, которого ты расколол, как гуляющая девка богатого щеголя... ну, от макушки и до задницы... что его мать – ведьма?

Томас вздернул брови. На лице проступило сильнейшее отвращение.

– Мать Мангольда?

– Ну и что?

– Да я ни за какие... – начал рассерженно Томас. Его грудь выгнулась и раздалась в размерах. На скулах выступили красные пятна.

– Хорошо сказано, – одобрил калика. – Красиво, гордо. Я думал, ты за Ярославой бросишься сломя голову. А ты выбираешь, чтобы ножки не испачкать.

Томас поперхнулся, смотрел дико. Тряхнул головой, пробормотал:

– Прости. Но почему она станет нам помогать?

– Если она ведьма, то еще и доплатит, только бы отправить в преисподнюю такого верного сына церкви.

Томас подумал, нехотя кивнул. Но лицо разгладилось, в глазах заблестело радостное нетерпение.

– Вулф, вели седлать моего коня!.. Сэр калика, а может быть, ты съездил бы со мной к этой проклятой ведьме? Тебе все одно где баклуши бить, то есть предаваться благочестивым размышлениям, а мне в разговоре с ведьмой лучше бы иметь рядом ведьмака. Еще страшнее и гаже, чем она сама, чтоб уж напугать так напугать...

Тяжелый грохот взорвал утреннюю тишь. За Томасом и каликой грузным галопом неслись две дюжины тяжеловооруженных рыцарей. На двух дюжинах настоял Макдональд: король всюду должен являться лишь в сопровождении богатой и могучей свиты, иначе будет умаление королевского достоинства. Тогда Томас съязвил зло: а не надо ли брать все две дюжины и в то место, куда даже короли пешком ходят, но Макдональд, поразмыслив, решил, что туда достаточно и одного оруженосца, дабы расстегивал многочисленные крючки и пряжки. Да и времена ненадежные, в разбойники подались, обеднев, даже бывшие герои крестовых походов.

Замок Мангольда поднялся из утреннего тумана мрачный и недобрый, злобно грозил небу остроконечными крышами с копьями флюгеров. Он высился на холме, насыпанном среди равнины, основание холма утопало в тумане, и рыцари невольно придержали коней.

– Вперед, – велел Томас нетерпеливо, – там всего лишь туман.

Он пришпорил коня, даже пригнулся вперед от нетерпения. Рыцари сгрудились сзади, переговаривались встревоженными голосами. Туман здесь постоянно, но это не простой туман, а туман вокруг замка колдуна, что продал душу нечистому!

Томас заставил коня двинуться через вязкую белую стену. Торчащие уши еще слабо виднелись впереди, но с боков раздавалось жутковатое уханье, топот, вроде бы и не родной конский, зловеще звякало, лица сразу покрылись капельками влаги, а потом и вовсе водяной пленкой, под ногами чавкало как в болоте, а оглянувшись, трудно было рассмотреть даже свой хвост, то есть хвост своего коня. Лишь далеко впереди раздавался настойчивый голос, что звучал словно из-за дальнего леса, хотя молодой король должен был ехать всего на два-три конских корпуса впереди.

Олег слышал за спиной шепот множества голосов, что бормотали одну и ту же молитву. Судя по всему, никто дальше трех первых слов не знает, рыцари тоже люди, но зато все чувствуют себя как бы под добавочным доспехом.

– Вперед, вперед, – слышался голос Томаса. – Нас ничто не остановит.

Олег сказал негромко:

– Да туман-то обыкновенный. Ничего чародейского.

– Правда?

– Чем хошь поклянусь.

– Знаю я твои клятвы! Но спасибо, утешил. А то уже мороз по шкуре пробрал.

Олег покачал головой:

– А мне кажется, ты только рад, что кто-то пытается встать у тебя на дороге.

Томас оглянулся по сторонам, понизил голос:

– Сэр калика, признаюсь честно. Король из меня, как из сарацина священник. Не рожден я править, моя рука привычна к мечу. Но сейчас взялся, ведь остальные еще хуже. Ты погляди на их рожи! Да и надо свой родовой замок поправить! А там поглядим.

В тумане копыта стучали совсем глухо, конские фигуры расплывались. Наконец белый мрак стал таким плотным, что Томас уже не различал даже уши своего коня. Впереди слышались растерянные голоса рыцарей, в плотном тумане не видно даже конских копыт, не то что дороги, и тогда послышался властный уверенный голос старого Макдональда. Судя по радостным голосам, он взялся вести отряд напрямик без всякой дороги.

Томас успел подумать, что странновато это, как это выведет без дороги, даже птицы в тумане сбиваются с пути, но впереди уже загрохотали копыта, а рядом калика чему-то загадочно усмехнулся и тоже послал коня вперед.

Когда туман начал рассеиваться, Томас с облегчением увидел, что не потерялись, едут плотной группой, а вдали из редющего тумана уже проступают крыши замка. Под копытами прошмыгнул юркий зверек, Томас бросил:

– Деревня близко... Хорек явно за курами охотится.

Кто-то из рыцарей поправил почтительно:

– Это суслик.

Томас не успел буркнуть, что ему все равно, как раздался грозный окрик Макдональда:

– Король сказал «хорек»! И никаких сусликов.

В ответ Олег слышал только невнятное бормотание, рыцарь оправдывался, объяснялся, а строгий голос Макдональда приобрел отеческие нотки:

– И вообще, доблестный рыцарь, голова у рыцаря, чтобы думать, а мозги, чтобы соображать. Поправлять короля – это вам чревато боком, а мне неловко: все-таки я сам отбирал отряд сопровождения... Эх, вывести бы вас в чистое поле, поставить лицом к стенке да зарубить к чертовой матери, чтобы на всю жизнь запомнили!..

– Да я...

– Молчать, когда вас спрашивают! Я тебе руки оборву, чтобы не болтал когда попало.

Над замком колыхалась странная черная туча. Ее заносило то вправо, то влево. Время от времени от нее отрывались и падали вниз темные точки. Когда подъехали ближе, кто-то из рыцарей громко ахнул, узнав невиданную стаю черных воронов.

– К добру ли? – прошептал он. – О, Езус Кристос...

Томас зло бросил:

– Конечно, не к добру! Но для тех, куда едем.

Мост был поднят, а над воротами блестели шлемы. Томас сорвал с луки седла боевой рог, громко и страшно протрубил, могуче раздувая щеки. Рев пронесся долгий и грозный, в нем были свирепость дикого зверя, жажда крови.

Однако со стены крикнули достаточно нагло:

– Кто такие?

Томас сказал люто:

– Ваш король! И если сейчас же не откроете ворота во всю ширь, то, клянусь святым гвоздем в рукояти моего меча, разрушу ваш замок, смету холм, а на этом месте велю вырыть озеро, где поселятся жабы!

Олег ощутил, как вздрогнули и застыли рыцари за его спиной. Томас был страшен, как бог англов прошлых лет, свирепый и грозный, а ладонь его уже метнулась к грозному мечу.

Он напомнил:

– У тебя ж давно того гвоздя нету.

– Да ладно тебе, – огрызнулся Томас. – Что за мелочный человек!

На воротах уже задвигались, началась суета. Вниз крикнули торопливо:

– Сейчас откроем! Сейчас...

Послышался хрип, Томас увидел, как высокий воин ударом кулака в железной рукавице вогнал шлем говорившего в плечи. Воин повернулся к пришельцам, лицо было грозное, с пылающими очами, крикнул громовым голосом:

– Никто не смеет...

Томас и его рыцари видели, как в слабом рассвете за спиной великана блеснули острые копья. Воин выгнулся от предательского удара, быстро повернулся и ухватил одного за горло, но второй налег на копье, и дерзкий рухнул с высокой стены, увлекая жертву.

Конь Томаса вздрогнул, когда два тела с металлическим звоном грохнулись на вытоптанную землю. Наверху была суета, снова торопливо крикнули: «Сейчас, сейчас...», ворота

начали открываться. Заскрипело, загремели цепи, подъемный мост пошел вниз, как гигантская челюсть. Вход открывался темный, тесный.

– Не западня ли? – пробормотал Макдональд. – Пусть сначала проедут люди, потом поедем мы.

Томас поколебался, но перед глазами встала Ярослава, он ощутил такую острую боль в сердце, что стиснул челюсти, чтобы не выдать себя криком. Выдавил сквозь зубы:

– Гадать некогда. Идем.

Бревна моста глухо вздрагивали под конскими копытами. По обе стороны ров был глубокий, заполнен водой, со дна просматривались сквозь мутную воду острые колья. Над воротами в башнях были узкие отверстия для арбалетчиков, а немного дальше виднелись еще одни ворота. Томас нахмурился, подозревая предательство, но створки тех ворот медленно пошли в стороны.

Когда миновали ворота, вороний крик стал оглушительным. Черные тени мелькали над головами, перечеркивали ясный свет солнца. Больше всего ворон вилось над угрюмой башней, что одиноко высилась на темной стороне замка. Таких башен было четыре, но от южной веяло злом, могильным холодом.

За воротами дорогу перегородил коренастый немолодой воин. Лицо суровое, в шрамах, глаза бывшего и опытного рубака – холодные, прицельные. Рядом с ним и за его спиной маячили еще с десятков, все в неплохих доспехах и с боевыми топорами, но Томас обращал внимание только на этого человека, в глазах которого были достоинство и верность своему сюзеру.

– Я – сэр Малькольм, – сказал он Томасу. – Брат Клотильды и дядя Мангольда. Замок вверен в мое распоряжение.

– Я Томас Мальтон из рода Мальтонов, – ответил Томас резко. – На всеобщем воинском сборе я провозглашен королем. Со мной лучшие из рыцарей, достойнейшие представители знатнейших родов королевства. Я приехал повидать Клотильду. Сам Сатана не сумеет мне помешать сделать то, ради чего я приехал.

Сэр Малькольм поклонился, но в голосе его прозвучала насмешка:

– Боюсь, сэр король, что это невозможно.

Макдональд бросил, набычившись, предостерегающе:

– Если вам, сэр рыцарь, не нравятся ваши гости, мы вам устроим более другие!

А Томас вытащил меч, луч солнца жутко блеснул во всю длину лезвия размером с потолочную балку. Голос его был свиреп, как у сарацина перед боем за торжество веры ислама:

– Да, ты не был на сборе. Но отныне это мое королевство. И всякий, кто противится воле короля, умрет!

Сэр Малькольм, не двигаясь с места, сказал невозмутимо:

– Я не был на собрании воинов, но это не значит, что не признаю волю знатнейших рыцарей. И хотя я сам предпочел бы другого короля, но сейчас говорю: добро пожаловать во владения Мангольдов, где неделю тому прекратился древний род этих великих воинов!

Он слегка поклонился, отступил, давая дорогу. Расступились и другие, хотя смотрели зло, угрожающе, позвякивали мечами и топорами. Томас слез с коня, швырнул поводья в лицо Малькольму. Часть рыцарей спешила вслед за королем, другие зорко посматривали по сторонам, выискивали засевших арбалетчиков. Макдональд с высоты седла критически оглядел сэра Малькольма:

– В каком вы виде, рыцарь? Перед вами целый король стоит!.. А вы и ухом не моргнули! И не трясите мордой лица, если хотите и дальше сохранить какую-то власть и влияние.

Томас, не слушая дальше, бегом бросился в черную башню. Олег догнал уже на ступеньках. Сзади топали трое или четверо рыцарей. Томас бросил через плечо встревоженно:

– Одного я не понял... Он сказал, что невозможно поговорить с Клотильдой, мерзвоннейшей из ведьм, но пропустил меня свободно!

Олег крикнул вдогонку:

– Ты что, ворон не видел?

– Видел...

Томас осекся. Смертельная бледность залила лицо, он как ветер понесся по винтовой лестнице. Олег, хоть и не тащил на себе два пуда железа, едва поспевал: Томас как горный козел прыгал через две ступени. Рыцари сразу отстали так, словно шестой день взбирались на Мировое Дерево.

На верхней площадке была только одна дверь. Возле нее виднелась сгорбленная фигурка священника, тот сидел на корточках. Обе руки бережно прижимали к впалой груди толстую книгу в латунном переплете. Увидев избегающих вооруженных людей, испуганно вскочил, побелел лицом.

– Еще жива? – крикнул Томас, задыхаясь и хватая ртом воздух, как глубоководная рыба.

– Еще... – пролепетал священник, его трясло, он с ужасом оглядывался на дверь.

Олег уловил слабый запах серы, горелой смолы.

– Но она... гонит меня...

Томас спросил быстро:

– Тебя или твою книгу?

Не дожидаясь ответа, рывком распахнул дверь. По ушам стегнул злобный крик ворон, пахнуло дымом, донесся далекий сдавленный хохот, слабый стон, скрежет. Потом в полумраке прорисовалось окно, но по ту сторону так часто мелькали черные тени, что Томас не сразу разглядел широкое ложе с роскошными звериными шкурами, расшитыми подушками. Олег вошел следом в тесную комнату: стены круглые, окна забраны железными решетками. На ложе, только сейчас разглядел, иссохшая безобразная старуха с крючковатым носом, щеки впали, выпученные глаза с ужасом смотрят в потолок. Руки дергаются, пальцы мнут шкуру с такой силой, что слышится скрип.

Олег сказал быстро:

– Закрой дверь!

Томас послушно притянул за собой дверь. Пальцы старухи сразу затихли, а из высохшей груди вырвался глубокий вздох. Веки начали закрываться. Томас вскрикнул:

– погоди!.. Я приведу священников, дабы отмолили твои грехи, но ты за это...

Ведьма прошептала тихо, но ее свистящий шепот был похож на шелест ползущей гадюки, и Томас умолк на полуслове.

– Поздно... Меня ужасает вид Книги... меня терзают слова Откровения... меня сжигает...

Томас перебил:

– Все равно! Что-то всегда можно сделать. Давай договоримся.

Ведьма прошептала, не поднимая век:

– Ночами я творила черное... кровь младенцев... крылья упырей... кости самоубийц из чужих гробов... за что не найду покоя в своем...

– Ну-ну, – перебил Томас с гневным отвращением, – наш прелат говорит, что раскаяться можно и в последний миг жизни.

Ее шепот был едва слышен:

– Брехня... Что натворил, то натворил... Но я прошу... Святой водой обрызгайте мой труп, тогда мне будет нипочем... И гроб мой окропите... И саван... и черный весь покров... А гроб из толстого свинца семью толстыми обручами оковать... внести во храм и пред алтарем прибить к помосту на штырях железных... еще и цепями приковать толстыми, как змеи... И цепи тоже окропите... И пусть священники три дня и три ночи кряду читают заупокойные о моей душе... чтоб сорок на хорах... и свечи чтоб горели...

Рыцари за спиной Томаса начали переговариваться: ведьма совсем обнаглела, хоть это и ее замок, но такие почести разве что епископу, да и то не всякому, а разве что близкому другу папе...

– Чтоб во все колокола, – продолжала ведьма угасающим голосом, – чтоб заперта во храме дверь была... Чтоб воскурjali фимиам во славу бога... чтобы все двери и окна крепкими запорами... до восхода солнца... Всех священников одари... пусть поют трое суток... И тогда все – твое! Земли Мангольдов, замок, подвалы...

Шепот оборвался. Лицо исказилось, она с ужасом смотрела в потолок. Томас хмуро кивнул, отступил на шаг, указал калике взглядом на ведьму. Олег покачал головой: брезговал или боялся покойников, и тогда из-за спины Томаса выступил неустрашимый Макдональд, провел ладонью по лицу ведьмы. Ее веки опустились.

– Видите, – прошептал Томас своим рыцарям укоряюще. – Старик, а не боится ведьмы.

Рыцари мялись, только один пробормотал:

– Так то Макдональд... Она ему еще и не то позволяла.

– Опустить ли, задрать ли, – бросил второй, оправдываясь. – Потому он и дорогу в тумане... Ваше величество, вы в самом деле проявите такую неразумную щедрость?

Томас сказал надменно:

– Почему нет? Все-таки мы отбираем в свое распоряжение... э-э... принимаем под свою милостивую длань немалые земли с селами, лугами, мостами, дорогами, лесом и двумя озерами. Да один этот замок чего стоит! Сэр Макдональд, ты возьми на себя заботу выполнить последнюю волю усопшей. Не скупись на священников, колокола пусть не умолкают, не оглохнем, свечи доставить самые толстые из чистого воска, кузнецы пусть спешно куят цепи... Да увидит весь народ и все знатное рыцарство, что король не хранит зла на мерзавца, который пытался убить его так подло!

Глава 3

Церковь высилась из массивных каменных глыб, между камнями зеленел мох, узкие окна забраны толстыми железными гратами. Колокольная, высокая и тоже великолепно приспособленная для обороны, примыкала слева. По винтовой лестнице можно подниматься только по одному, защитить легко, а стрелки за верхним парапетом могут держать под прицелом весь двор.

Замок висел на воротах пудовый. Священник ключ отыскал не скоро, а когда пытались открыть ворота, то лишь усилиями троих могучих рыцарей сдвинули вросшие в землю створки.

Томас покачал головой:

– Не похоже, чтобы здесь заботились о слове Божьем!

Священник съежился, будто ждал удара. Он не был, на взгляд Олега, похож на пьяницу или бабника. Скорее как раз и был истинным приверженцем новой веры, наивно верил в то, что проповедовал, пытался делать то, что говорил, а оказался чужим в этом жестоком мире, где Бога начали изображать на иконах, что запрещено, Пречистую Деву одели в доспехи и усадили на коня, а святые в рыцарских латах бросились совершать воинские подвиги.

– Господь не в церкви, – пробормотал он. – Господь в сердцах...

Томас перехватил насмешливый взгляд Олега. Тот смотрел как на покойника, мол, такой долго не проживет в мире, где от имени молчаливого Бога говорит все заграбастывающая церковь. Макдональд, оглядевшись, сообщил:

– Забор вокруг храма как год тому упал, так до сих пор и стоит! Мерзость запустения всюду... Эй, ответствуй, почему здесь, как я вижу, водятся крысы и другие насекомые?

Священник втянул голову в плечи. Голос был тонкий:

– Это все козни врага рода человеческого...

– Козни, – прорычал Макдональд свирепо. – А ты чего хромаешь? Рожать, что ли, собрался? У тебя целибат, вот и ходи с прямой спиной, как боевой гусь.

Весь день в кузницах горели все горны, звонко и часто били молоты. Калика отыскал тайную комнатку с награбленными сокровищами, Томас велел взломать, и теперь щедро рассыпал золотые монеты в руки работников.

Гроб изготовили из свинца, двенадцать рыцарей из клана Мангольдов, не доверяя работникам, с трудом втащили его в храм. Обвязав веревками и цепями, подняли на помост перед алтарем. Когда принесли старую владелицу замка, в помост уже вогнали шесть толстых железных штырей с длинными цепями в руку толщиной.

Сэр Макдональд взмахом длани велел опустить умершую в гроб. На лице было беспокойство, поместится ли, делали без мерки, но затем складки на лбу разгладились. Он довольно щелкнул языком: точно по росту.

Томас обернулся, поискал глазами:

– Где священники?.. Я же велел собрать их всех по всем землям, откуда успеваем до вечера!

Дядя Томаса выволок за шиворот трясущегося человека в черной монашеской одежде.

– Прости, Томас, но они еще не слышали, что их ждет и добавочная плата.

Томас бросил коротко:

– Окропи святой водой. Не жалея. За каждую ночь, проведенную в храме с мертвой, каждый получит по сто золотых!

Священник ахнул, подался вперед, волоча вцепившегося в его ворот дядю.

– Конечно, конечно!.. Богоугодное дело!

Он торопливо брызнул святой водой на лицо умершей. Томас услышал, как все ахнули. Лицо ведьмы страшно исказилось, веки медленно начали подниматься. Кто-то из рыцарей попятился, двое вовсе бросились из церкви. Старый Макдональд недогнувшей рукой надвинул веки снова, придержал, и лицо ведьмы медленно расслабилось.

Когда кропили саван, покровы, там вздымались дымки, а на плотной материи оставались дыры с обугленными краями. Вторично лицо умершей исказилось, когда священники хором запели панихиду. Томас украдкой и с тревогой косился на калику, не потерять бы друга, но тому все как с гуся вода, только морщится от чересчур усердных воплей. А потом и вовсе предложил:

– Неплохо бы гроб приковать цепями.

– К чему? – не понял Томас.

– К помосту.

– Да нет, я не о том. Зачем?

– Да так... Не хотелось бы, чтобы начал летать по церкви. Стены обобьет – не жалко, пусть хоть все иконы порушит, но если такая махина саданет в спину, синяком не отделаешься.

Томас ахнул, даже отступил на шаг.

– Ты что? С чего бы гробу... да еще свинцовому!.. летать?

Олег развел руками:

– Не знаю. Предчувствие. Как будто такое со мной уже было. Хотя знаю, что нет. Ложные воспоминания? Но висит же гроб Мухаммада в воздухе вот уже сотни лет?

Томас возразил:

– Так то Мухаммада! Хоть и неверный, но все же святой. Для сарацин. А это тварь, предавшая веру Христа. Сарацины тоже не жалуют предателей. Нет, это не бабочка, порхать не станет.

– Ну гляди, – ответил Олег. – Твой гроб, твоя церквушка, твое королевство.

Грохот сотрясал церковь. Со свода сыпались пыль, мелкие камешки. Шестеро дюжих кузнецов оковали гроб семью широкими полосами железа, а потом еще наложили массивные цепи, прижали ими к полу и закрепили намертво на штырях.

Томас качал головой:

– Надо ли столько всего?

Священники один за другим брызгали святой водой на гроб, цепи, штыри. Все блестели сперва в крупных каплях, потом с гроба на пол натекла большая лужа.

Олег оглянулся на раскрытые ворота. Тени легли резче, длиннее. Небо окрасилось красным. Слышался конский топот, скрипели телеги. Громкий голос Макдональда гремел как раскаты грома, в церковь поспешно вбегали священники, испуганные монахи, срочно привезенные из дальнего монастыря. У всех в руках были книги, священные реликвии, запахло фимиамом и благовонными смолами. При виде Олега шарахались, кое-кто тут же начинал творить молитвы.

Местный священник деятельно загружал всех работой: нанесли связки толстых монастырских свечей, приклеивали перед всеми иконами, в каждой нише и к каждому выступу, к аналоям и образам. Наконец церковь засияла нестерпимо ярким светом, которого не знала со дня основания. Однако вверху чернота стала угрюмее, злее, свод исчез, оттуда веяло холодом, словно открылось черное беззвездное небо.

Томас чувствовал, как мурашки бегут по коже. При контрасте света и тьмы иконы ожили, глаза святых сверкали, следили за каждым движением молодого короля, а черты и без того аскетических лиц стали резкими, как вырубленные топором.

Послышались грубые шаги, в церковь вошел Макдональд. Негромким голосом произнес:

– Ваше величество, солнце зашло.

Томас быстро оглядел церковь:

– Народу вроде бы довольно... Но на всякий случай замани еще пару дюжин монахов. Заплачено будет хорошо. А сейчас накорми, если надо – напои, но чтоб через пару часов все были здесь и начали читать молитвы.

– Ваше величество, – осторожно сказал Макдональд, – нечистая сила появляется вроде бы только с полночи...

– Знаю, но рисковать не стоит. Да и спокуются к тому времени, осмелеют. Ты уже сказал про сто золотых каждому?

– А разве сумел бы столько привести народу? Стены монастыря крепче, чем у этого замка. А так и настоятель прибежал, подобрал рясу.

Когда поздно вечером, плотно поужинав, подходили к церкви, на колокольне раздался звон, а от приоткрытых врат уже доносилось пение. Оно становилось все громче, по мере того как Томас и Олег подходили ближе, увереннее. Когда переступили порог, двое рыцарей молча закрыли за их спинами ворота, и слышно было, как лязгают массивные железные запоры.

Церковь была залита нещадным светом, слишком сухим и выжигающим, на хорах громко и уже слаженно пели монахи. Около дюжины священников стояли перед гробом, у каждого в руках книга, что-то бормотали. Массивный гроб придавил помост, тот словно бы присел под неимоверной тяжестью. Томасу почудилось, что алтарь погружается в землю под тяжестью грехов Клотильды.

– Вроде все, – сказал Томас озабоченно.

– Подождем, увидим, – ответил Олег.

Макдональд бросил на него острый взгляд, вздрогнул, чувствуя себя так, будто оказался голым в чужом лесу среди ночи, и вернулся к рыцарям у ворот. Воздух был теплый, быстро пропитался ладаном и фимиамом, свечи наполняли еще и запахом расплавленного воска. Медлительные голоса певчих сливались, колыхались, взмывали к черным сводам храма, и там тьма как будто отступала, хоть и ненадолго, бледные лица были удлинненные и строгие, а голоса чистые и сильные.

Фигуры священников перед свинцовым гробом колыхались и подрагивали. Томас сперва встревожился, потом понял, что волны фимиама проделывают то же, что горячий воздух в сарацинских пустынях, где показывает даже несуществующие города.

Олег видел, как один из попов упал на колени, бил поклоны и обливался слезами, громко умоляя простить прегрешения усопшей, а другие в рясах громко и мощно гудели как огромные шмели, шелестели страницами книг.

Томас ерзал, ночь слишком тянется, вдруг плечо калики отвердело, а дыхание стихло. Скосив глаза, Томас видел, как напряженно вслушивается красноволосый друг, затем и сам услышал далекий волчий вой. За окнами метнулись гигантские тени, скрывая звезды. Неожиданно и страшно за решетками раздался крик, визг, скрежет.

Стройное пение на миг сбилось, но тут же, словно ища спасения, монахи запели громче, истовее, запрокидывая лица. Священники пали на колени как один, били земные поклоны, громко молились, зывали к своему богу.

– Сэр калика, – прошептал Томас пересохшим горлом.

– Взгляни, – посоветовал калика.

Томас осмотрел себя:

– Что не так?

– На гроб глянь!

Цепи подрагивали, будто их перебирали невидимые руки. Донеслось едва слышное звяканье. Томас с содроганием видел, как железные кольца тряслись, словно пытались рассоеди-

ниться. Священники вздымали к своду руки, молились громко, но все заглушал мощный хор монахов.

Томас то бросал ладонь на рукоять меча, то поспешно снимал, вспоминая, где находится. Калика вслушивался в дикие вопли за окнами, взгляд стал отстраненный. Хрипло и страшно были волки. Казалось, они окружили церковь со всех сторон, заполнили весь замок.

Кто-то вскрикнул в ужасе, Томас быстро повернулся к воротам. Створки подрагивали, засовы тряслись в широких железных скобах. Рыцари вытащили мечи, глупо и бесстрашно встали у двери.

Настоятель монастыря, толстый круглый аббат, метался от монахов к священникам, подбадривал, тряс крестом, брызгал во все стороны святой водой. Вой за окнами не умолкал, только больше стало жутковатого скрежета, словно хищные клювы старались перегрызть железные прутья.

Томас чувствовал, как от жаркого воздуха лоб покрылся потом, а затем и спина взмокла, будто целый день рубился с сарацинами. Запах фимиама лез в ноздри, забивал грудь, там першило, он уже не верил, что ночь когда-то кончится...

...Как вдруг сквозь дикий рев, вой и жуткий хохот явственно прорезался чистый звонкий крик. И следом наступила гремющая непривычная тишина, только хор разом запел еще громче, победнее. Томас понял, что вой и сатанинские крики продолжались долго, он весь мокрый, трясется как осиновый лист. Калика изумленно качал головой.

– Кто бы подумал, что в нем такая мощь...

– В ком? – прохрипел Томас.

– В петухе.

– Это... был петух?

– Не узнал? А кто у вас еще такой же гордый и драчливый, как рыцарь? И такой же умный?

– Сэр калика, – сказал Томас и не узнал своего голоса, – мы выстояли?

– Вроде бы, – сказал калика с сомнением. – Правда, еще две ночи... Только на петуха и надежда. Гм, а с виду дурак дураком. Вот так и суди по внешности.

Рыцари послушали у дверей, потом двое сняли запоры, а остальные обнажили мечи. Ворота открылись со скрипом, свежий утренний воздух пахнул с такой силой, что Томас пошатнулся, ноги сами понесли к выходу, грудь колыхалась, жадно хватая чистую свежесть.

Двенадцать рыцарей, что ночевали в церкви, весь день пировали в главном зале, окруженные жадным вниманием. Им смотрели в рот, наливали в кубки, шикали на тех, кто пытался перебить или заорать песню в другом конце зала.

Если кто из них и подумывал о второй ночи с тревогой, то молодой король раздраженно поглядывал на солнце, что двигалось медленнее крестоносца, которого послали штурмовать крепость, где не было добычи. Старый Макдональд велел привезти из монастыря еще свечей, заранее прилепили рядом со старыми, те непривычно быстро сгорели до половины.

Лишь когда солнце клонилось к закату, лицо Томаса стало несколько озабоченным. Судя по складкам на лбу, молодого короля посетили тревожные думы, а то и неясные страхи. Олег видел, как несколько раз Томас раскрывал уже рот, желая что-то сказать ему, но в последний миг сдерживался, лицо снова становилось суровым и надменным.

Когда стемнело и на черном небе высыпали холодные колючие звезды, они снова направились к церкви. В темноте зловеще кричали вороны, шумно хлопали крыльями. Томас ежился, невольно пригибал голову. Ночью все птицы спят, даже вороны, а если какие и летают, как совы к примеру, то бесшумно, перед мордой пролетит – не заметишь, если крылом не ляпнет.

Старый Макдональд пробормотал:

– Кровли под ними гнутся, проклятые!

– Это вороны, – бросил Томас.

– Да, но...

– Всего лишь вороны, – повторил Томас настойчиво. Он поймал внимательный взгляд калики, повторил с некоторым раздражением: – Ночные вороны! Только много.

– И только крупные, как индюки, – пробормотал Макдональд в сторону. – А то и как кони. Только по весне старый Мангольд ремонт делал, столько денег угрохал. Всю истопчут! На башнях вовсе заново кровлю перестилал...

Ворота церкви открылись с такой неохотой, будто их удерживали невидимые руки. Изнутри пахло могильной сыростью. Воздух был холодный, промозглый, словно внутри церкви был другой мир и другое время года.

Рыцари с горящими факелами зашли первыми, их гулкие шаги сразу потерялись, едва отошли на пару шагов. Красный свет очерчивал трепещущий круг, Томас видел, как рыцари поспешно разошлись к стенам, там вспыхивали один за другим жалкие огоньки свечей, такие трепетные и слабые.

За спиной ругался Макдональд, орал, и вслед за рыцарями в церковь почти вбежали черные, как вороны, монахи. Высокие капюшоны скрывали их бледные лица. Томасу на миг помешалось вовсе, неведь что, но за монахами тесной стайкой вошли священники, их белые одежды казались серыми, потерявшими блеск, а сияния у книг Томас к своему страху не обнаружил.

– Начинайте, – велел Томас, его губы подрагивали. – Что-то свечи горят слабо...

Монахи, стуча сандалиями и оскальзываясь на ступеньках, торопливо взбирались на хоры, священники с опаской приблизились к гробу. К удивлению и страху Томаса, тот стал совсем черным. В тиши и неподвижности он ждал зловеще и угрожающе.

Макдональд внезапно заорал:

– Да зажгите же, мать вашу, все свечи!.. За них уже заплачено!

Он сам смутился своего крика, вздрогнул, а из группы рыцарей крикнули:

– Все вчерашние горят!

– Еще и новые зажгли!

– Все зажигаем!

Макдональд пробормотал:

– Черт-те что мерещится. Только что Моргану видел с Мордредом.

Сзади Томаса вялый голос калики посочувствовал:

– В темноте, а хуже того – в полутьме, всегда всякое чудится...

По спине Томаса пробежала огромная холодная ящерица. Калика вперед не лезет, по сторонам поглядывает быстро, цепко, словно уже примеряет, сколько кому отвесит. Конечно, в чужой костел с языческими богами не попрешь, но раньше за ним избыточной осторожности Томас не замечал.

Ворота захлопнулись гулко и, как показалось Томасу, чересчур легко, быстро. Словно деревянная калитка, которую толкнула детская рука. Но загрохотали тяжелые засовы, заскрипели, а двое рыцарей задвинули железные бруски в широкие уши и снаружи, обнажили мечи и встали рядом. Лица их были бледными и мученическими.

Макдональд вскинул руку, словно перед сигналом к рыцарской атаке, но монахи на хорах уже и так шелестели псалтырями, тянули сперва вразнобой, торопясь от усердия, постепенно выравнивались, голоса звучали громче, мощнее. Священники у гроба раскрыли книги, бормотали молитвы, их монотонные голоса ослабили натянутую тетиву нервов Томаса.

– Наконец-то, – сказал он с облегчением.

– Темновато, – сказал Олег озабоченно.

– Свечей пожалели, – бросил Томас. – Сейчас велю зажечь до единой!

– Разуй глаза, – посоветовал калика тихо. – Да что там... сам знаешь, что только иконы еще не зажгли.

Воздух был странной смесью теплых струй ладана с могильной сыростью. Лики на иконах потемнели, лица заострились как у покойников, только глаза наблюдали за людьми с неприкрытым недоброжелательством.

Томас сжал челюсти, стараясь не выдать дрожь во всем теле. Несмотря на свет от свечей, странно тусклый, на лицах монахов, священников и даже его рыцарей был желтый цвет, как будто только что поднялись из могил. От надбровных дуг падали густые темные тени. Глаз Томас не видел, только чудилось, будто там иногда поблескивают красные дьявольские искорки.

– Ничего, – сказал он с натужной твердостью, – половину срока уже перевалили...

Истошный вопль раздался над самым ухом с такой неожиданной мощностью, что Томас отпрыгнул как ужаленный, повернулся, выхватывая меч. Сверху звякнуло, вниз брызнули цветные осколки. Стекло звякнуло на каменных плитах, а сверху пахнуло вонью. Окно заслонила темная крылатая тварь, Томас рассмотрел только мохнатую когтистую лапу... Медные когти ухватились за решетку и пытались ее согнуть или выломать.

Один из рыцарей быстро поднял что-то из угла, приложил к плечу. Щелкнуло металлом, за окном страшно вскрикнул получеловеческий голос, полный боли и разочарования. Тень исчезла, блеснуло звездное небо. В помещение пахнуло свежим ночным воздухом.

Макдональд рывкнул:

– Кто нарушил мой запрет проносить в церковь оружие?.. Ты, Георг? Благодарю!

Рыцарь с облегчением отнял от плеча арбалет, двое тут же бросились помогать ему крутить ворот, а еще один услужливо подавал пучок коротких металлических стрел.

Наконец Томас сквозь шум крови в ушах услышал странный крик, тонкий и далекий, но исполненный скрытой мощи. И тут же в яростном визге, зубовном скрежете, воплях нечистой силы послышались разочарование, ярость побежденных.

Он тряхнул головой, отступил, шатаясь, и ощутил, как стал слышнее хор перепуганных монахов. Их трепещущие разрозненные голоса взмыли ввысь, слились в победном гимне, в нем была радость победителей, а у гроба священники поднимались с колен, бледные и трясущиеся, но лица оживали на глазах.

Рядом голос калики произнес озадаченно:

– Во как все меняется...

– Что? – не понял Томас. Он чувствовал, как по лбу текут горячие струи пота, щиплют глаза. – Что меняется?

– Да, грю, простой петух заменил всех жар-птиц, фениксов, рухов... До чего дожили! Петуху рады... Что ж, иная нечисть, иные герои.

Оруженосец вытер Томасу лоб шелковым платком. Томас чувствовал, как дрожат пальцы мужественного мальчика. Глаза очистились, вся церковь озарилась радостным светом: пламя свечей приподнялось, тьма с писком поднялась под самые своды, да и там схоронилась лишь за толстыми балками. Только сейчас Томас рассмотрел, что страшные космы, что тянутся оттуда, – это просто толстый слой сажки на могучей паутине, которую раскачивают теплые потоки воздуха.

День отсыпались, ели и пили, слушали рассказы челяди о страшных случаях, когда ведьмы утаскивали с собой несчастных, посмеявшихся помешать их обрядам. К вечеру, суровые и мрачные, полные недобрых предчувствий, облачились в доспехи. Монахи и священники, отрабатывая щедрую плату, уже ушли в церковь.

Томас со вздохом надел через плечо широкую перевязь с мечом.

– Пора.

– Что-то у меня недоброе чувство, – сказал Макдональд.

Томас сказал угрюмо:

– Две ночи выстояли? Кто говорит, что не выстоим и третью? Видно, проклятая бабка много напылила, если вся нечистая сила боится ее потерять.

– Это первый раз трудно, – поддакнул дядя Эдвин. – А потом человек привыкает. На третью ночь все будет привычно, знакомо. Как будто вы всю жизнь так прожили!

– Да, – согласился Олег, – такая битва за никчемную, по сути, душу! Хорошие времена наступают.

Томас не понял, но переспрашивать не стал. Тесной гурьбой вышли, на той стороне двора угрюмо выросло здание церкви. За двое суток оно стало страшнее, потемнело, камни сплавившись в единую стену, щелочки не отыскать, а решетки на выбитых окнах в закатных лучах выглядели совсем рыжими.

Макдональд покачал головой:

– Неделию тому поставили, а вся поржавела. От слюней их поганных, что ли?

– Или грызли, – предположил другой рыцарь.

– Да, зубы у них еще те.

Прозвучал дикий волчий вой, огромная стая выла прямо за стенами замка. По эту сторону начинали бесноваться собаки, но не бросались к стенам, а пытались забиться поглубже в щели, прятались под крыльцо, старались проникнуть в покои и затаиться под столами среди людей. Над головами почти неслышно пролетали гигантские нетопыри. Когда Томас вскидывал голову, всякий раз видел красные угольки глаз, устремленных прямо на него.

Макдональд опередил, и когда Томас с рыцарями догнали, старый кастелян задумчиво рассматривал ворота, качал головой. Томас смолчал, боялся выдать себя дрожью в голосе. Церковные ворота будто опалил язык гигантского пожара. Почернели, медные рукояти расплавились и оплыли, будто воск на солнце. Черный нагар закрыл сцены из жизни святого семейства. Томас отмахнулся – уже поздно что-то делать.

Когда переступили порог, холодок страха пробежал по коже у каждого. Томас искоса оглянул лица рыцарей, увидел посеревшие, вытянувшиеся лица. Гроб на помосте стал вроде еще массивнее, выше, а иконы совсем почернели, оттуда сверкали только красные искорки, похожие на глаза нетопырей.

– Зажечь все свечи! – раздался властный голос Макдональда.

Рыцари с поспешностью простолюдинов расхватили факелы и бросились вдоль стен. Один носил огромный пучок новых свечей, их ставили рядом с огарками, сразу поджигали, и когда уже факелы бросили под ноги и затоптали, у Томаса в груди стало холодно, будто ведро воды превратилось в лед.

Священники в белоснежных одеждах выглядели серыми тенями и едва-едва маячили в полумраке гнетущего зала. Свечи горели, освещая только себя, воздух был с тяжелым запахом ладана, горелого дерева и... серы.

Томас нервно оглянулся, крикнул сорванным голосом:

– Макдональд! Огден!.. Где монахи? Пусть начинают петь.

– Но... еще рано. Голоса сорвут, поди... Охрипнут. Да и, правду сказать, некому уже петь. Трое-четверо ушли еще после второй ночи, никакие деньги им не нужны, трусы, а на эту ночь не пришло больше половины. Вон двое оставшихся пытаются взобраться на хоры... Да, накачали их, но иначе бы вовсе не пришли. А так даже не знают, где они. Остальные ушли. Заставить не удастся...

Томас зарычал:

– Я король или не король?

– Но, ваше величество, все страшатся силы, что превосходит мощь земных королей. Я не думаю, что их можно заставить.

Томас в отчаянии огляделся:

– Сэр Винстон! Сэр Чосер! Вся надежда на вас. Вы должны заменить тех трусов.

Олег видел, как отшатнулся рыцарь по имени Чосер, а сэр Винстон сделал шаг назад. Чосер воскликнул:

– Ваше величество! Да ежели я запою, да еще в церкви, то мне уж точно в аду гореть!.. Томас, ты ж знаешь, что я, кроме похабных песен, никогда и ничего... Да и то когда надирался так, что домой за ноги приволакивали.

– Выучишь, – бросил Томас зло. – А ты, Винстон, я слышал твой рев на поле брани! Да неужели ты струсил?

Винстон пробормотал:

– Я не трушу, но ослиный рев благозвучнее моего пения. Не будет ли это оскорблением небес?

Томас взорвался:

– К черту небеса! Нам надо, чтобы дьявол не утащил эту бабку к своей матери. Видишь, той подруга понадобилась. Главное, чтобы мы держали оборону. Я не думаю, что дьявол такой уж знаток пения. Если надо, я велю прикатить бочку вина. Но только чтобы вы пели церковное, а не солдатское!

Чосер все еще колебался, а Винстон почесал в затылке. Похоже, к бочке вина хотел запросить и гулящих девок, но все же пересилил себя, вздохнул и сказал твердо:

– Сделаем. Только не забудь, ваше величество, насчет пустующих земель за Верхними Мхами...

– Твои будут, – пообещал Томас твердо. – Хоть они и не совсем пустующие, но... освободим. Только продержитесь, как держался ты в битве за знамя при Гусьярде.

А Чосер сделал последнюю попытку:

– Ваше величество, тогда бы и тебе с нами, а? Пели бы вместе.

Томас содрогнулся, железо на нем мелко зазвенело.

– Ни за что!.. Я хотел сказать, что мой долг с мечом в руке охранять гроб. Там будет самая рубка, как за знамя.

Олег видел, как два рыцаря, обнявшись, словно перед последним боем, полезли на хоры. Петь начали еще на ступеньках, чело Томаса чуть разгладилось. Правда, пение вскоре оборвалось, монахи совали рыцарям псалтыри, те, судя по их жестам, с негодованием объясняли, что они – благородные рыцари, им грамота вообще до этого места, затем Олег ревниво заметил, что нашли разумную середину, как водится у англов, после чего все четверо заревели мощно и громко, как водится на Руси.

Поблизости прошел суровый Макдональд, внезапно вперил грозные очи в коренастого воина, широкого в плечах и с выпуклой, как бок бочки, грудью, которую закрывала роскошная борода.

– Ты почему ходишь с таким веником?

– Хочу быть похожим на героя битвы под Гусьярдом МакОгона!

Макдональд рявкнул:

– Чтобы к вечеру... ладно, к утру был похож на кастеляна Макдональда!

Глава 4

Ворота затрясло. За окнами возник и распространился во все стороны дикий волчий вой. Донесся металлический скрежет, словно зубы или клювы грызли железные решетки. В церкви стояла такая мгла, что Томас не мог отличить: в самом ли деле вдруг заметались крылатые тени или же усталые глаза видят то, что подсказывает воображение.

– Надо держаться, – процедил Томас с ненавистью. – Ему нас не сломить, мохнатому!

Ворота сотрясались, словно в них били океанские волны. Начали вздрагивать стены, мелькнул во мраке и прочертил светящуюся дугу слабый огонек упавшей свечи. От постоянного неумолчного грохота начало ломить в висках, в ушах появился настёрный комариный звон. Томас ощутил, как заныли зубы, будто рядом водили по стеклу гигантским ножом.

Колокольный звон доносился все слабее. И грохот в самом храме, и Томас боялся даже представить, что творилось за крепкими стенами церкви. Камни вздрагивали, свечи одна за другой, а то и целыми светящимися заборчиками отлеплялись от стен и падали на каменные плиты. Расплавленным воском пахло все сильнее, но волосы зашевелились на загривке Томаса, когда ноздри уловили усиливающийся серный запах.

Он видел, как пал ниц священник, как другой распростерся перед гробом, остальные в ужасе пятились, похожие на призрачные тени. С хоров слышалось пение, надсадное и хриплое, Томас различил голоса сэра Чосера и сэра Винстона, который стойко зарабатывал пустошь за Верхними Мхами. К удивлению Томаса, слышались и голоса двух монахов, не в меру веселые.

Земля дрогнула, он едва удержался на ногах. Церковь зашаталась, ее будто ухватила огромная лапа и тряхнула. Со стен звездным дождем посыпались свечи, на миг стало светлее. На полу фитили горели во всю длину, Томасу они показались светящимися червями...

Взвились и умолкли голоса монахов. Священники лежали лицами вниз, никто не смел поднять в ужасе глаз. Гроб начал подрагивать, цепи натянулись, от них пошел нестерпимо тонкий звон. На помощь рыцарям у врат бросились другие. Вместе налегли на створки, удерживая напор снаружи, а двое из всех сил цеплялись за железный засов: подрагивая, он медленно выползал из железных дуг.

– Да не спите же! – закричал Томас бесстрашно.

Священник лежал на полу, накрыв голову толстой книгой с изображением креста. Томас подхватил с пола его чашу со святой водой, на бегу наступив на книгу, добежал до ворот в тот миг, когда засов уже почти покинул железные уши.

Томас с разбегу плеснул из чаши. Засов задымился, замер, даже словно обвис обессиленно. Рыцари со стуком засунули его обратно. Лица их были бледные, глаза как блюдца.

– Спасибо, ваше величество!

– Держитесь стойко! – велел Томас. – Вот вам чаша.

Бегом вернулся, по железной голове сверху что-то щелкнуло, потом по плечу. Он успел заметить, как из мрака выныривали страшные птицы с зубастыми пастями, от них мерзко пахло, а гадили белыми ядовитыми струями. Где попадало на камень, там взвивались дымки, а воск вспыхивал нехорошим бледным пламенем.

Он дважды поскользнулся как на льду, нелепо замахал руками. Чтобы удержаться, пробежал дальше, чем рассчитывал, с разбегу ударился грудью о гроб. Раздался звон, Томас ухватился обеими ладонями за края гроба, чтобы оттолкнуться, и замер, прикованный неземным холодом. В гробу словно бы лежала глыба льда, которая осталась еще со дня творения, когда Господь разбил взрызг тело инеистого великана Имира...

– Томас, – слышал он предостерегающее, – сэр Томас!

Он с трудом толкнулся ладонями, но и отступив на шаг, чувствовал, как внутри все заледенело, а сердце превратилось в кровавую сосульку.

В сознание пробился грохот, визг, по голове и плечам что-то ударило. Затем раздался страшный лязг, в дверь храма словно ударили тараном. Ворота затряслись, выгнулись и вдруг слетели вместе с петлями. В квадратном проеме раскрылся страшный лик ночи с ее бледным туманом, где жутко ходили огромные хищные тени.

В церкви полыхнуло багровое пламя. Запах серы стал сильным, торжествующим. Воздух накалился, Томас ухватился обеими руками за тесный ворот, он задыхался, ибо вся церковь стала внезапно жерлом адовой печи, а стены запылали жаром.

Через проем двигался в церковь огромный полыхающий факел. Раздались крики ужаса, проклятия. Кто-то из рыцарей метнул в огненное чудовище нож, тот растаял голубым дымком. Томас смутно видел очертания огромного человека, но вот факел остался посреди церкви, а из него, как из огненного кокона, вышел пышущий жаром двуногий зверь, весь красный, как будто с содранной кожей, с огромной головой и устрашающей пастью.

– Смертные! – взревел он страшно, и со стен посыпались изразцы. – Падите ниц перед Хозяином!

Томас тщетно пытался вытащить меч, тот словно залип в ножнах, а демон подошел к гробу, не обращая внимания на отползающих, как черви, священников, властно вытянул руку:

– Сгиньте!

Цепи звякнули, кольца со звоном раскатились по каменному полу. Демон повел дланью над обручами, те рассыпались серым пеплом, его тут же смахнул ветер от летающих тварей. Крышка медленно начала сдвигаться. Демон пошевелил пальцами в нетерпении, крышка поднялась и встала столбом.

Мертвая лежала восковая и неподвижная, но Томас даже издали видел, как ее лицо искажилось в диком ужасе. Демон сделал властный жест:

– Восстань, тварь!

На мертвом лице проступили крупные капли пота. Вздулись и задрожали жилы на шее, а ноздри затрепетали.

Демон покачал головой:

– Противишься? Мне?

От его страшного гласа холод пробежал по жилам Томаса и проник в самое сердце. Мертвая вздрогнула, и Томас увидел, как ее тело медленно поднимается, словно все еще противясь чужой воле. Вскоре она уже стояла в гробу: сгорбленная, страшная, с отвратительной ухмылкой на жестоком, коварном лице.

– То-то, – прорычал демон, – начала песню – пой до конца! Разве достойно в последний момент пытаться спастись чужими усилиями? Следуй за мной, тварь!.. Прямо в ад.

Он повернулся, и Томас даже вздрогнул от неожиданности, едва не столкнулся лицом к лицу с каликой. Озаренный багровым пламенем, он стоял как будто вынырнувший из кровавой купели, куда язычники сливают кровь христианских младенцев. Красные волосы, и без того как адово пламя, стояли дыбом, нечеловеческие глаза полыхали угрозой. Он чуть пригнулся и развел в стороны руки, став едва ли не страшнее демона.

– Оставь ее, – велел калика напряженно.

– Что? – прорычал демон, в жутком рыке было больше недоверия, чем ярости. – Ты, мерзкая тварь...

Он выбросил вперед огромную волосатую лапу, норовя то ли ударить калику в лицо, то ли ухватить за горло. Калика молниеносно выбросил вперед свой кулак, сам чуть дернул головой. Послышался сочный удар, будто молотом ударили по сырому бревну. Демон дернулся и отступил на шаг, чтобы не упасть на спину.

– Ах ты... смертный...

– Ты тоже... не бог... – ответил калика также сквозь зубы.

Демон взревел, церковь затряслась до основания, ринулся вперед, наткнулся на могучий кулак, его же руки ухватили воздух, снова бросился и снова промахнулся, а с четвертой или пятой попытки захватил святого отшельника в жуткие нечеловеческие объятия, сжал изо всех сил, свирепо взревел. Томас видел, как выгнулся от боли его друг, как, в свою очередь, ухватил врага, сомкнул руки на красной спине в замок, тот вскинул голову к сводам храма и взревел так, что затрещали и прогнулись балки, посыпались комья голубинового помета. Он начал давить в свою очередь, демон умолк и напрягся, так они стояли молча, упирались один в другого, пыхтели, каменные плиты под их ногами начали вдавливаться в землю.

Томас наконец высвободил меч, бросился к схватке. Из дымящейся мглы выныривали рыцари. Суровые, хоть и бледные, как призраки, они обнажили кто меч, кто кинжал, молча смотрели на короля, ожидая приказа. С хоров кубарем скатились сэр Чосер и сэр Винстон. Винстон знаками показывал, что охрип и петь уже не может, но готов послужить и дальше.

Демон внезапно дал калике подлейшую подножку, оба грохнулись, и храм вздрогнул до основания, а крышка гроба с сочным свинцовым лязгом упала по ту сторону алтаря. Мертвая ведьма стояла недвижимо, лишь блестящие, как слюда, глаза не отрывались от боя за ее душу.

Томас занес меч, противники покатались в сторону, он отпрыгнул, чтобы не быть раздавленным, снова поднял меч, забегал то справа, то слева, пробовал и с головы, и с ног, и даже когда наконец разобрался, что ноги как ноги – это его друга Олега, а с конскими копытами – это посланец ада, все равно не удавалось нанести удар: и катались чересчур быстро, и, если правду, страшно было поразить друга вместо врага, так как руки у обоих волосатые, могучие, покрытые красноватой шерстью, к тому же на обеих налипло столько воску, что скоро Томас вовсе перестал их отличать одного от другого.

- Томас, – услышал он хриплый голос, – рази...
- Не могу! – ответил Томас с мукой. – А вдруг тебя?
- Все равно рази...
- А потом этот утащит меня в ад за убийство друга?
- То... мас...

И тут все услышали самый прекраснейший из воплей, какой доводилось слышать: дурачки бодрый крик петуха! Ободренный Томас наконец собрал все свое мужество, вдруг услышал, как среди борющихся промелькнуло слово «павук», их клубок сразу же распался, оба вскочили на ноги, один торопливо начал стряхивать что-то с плеча, а второй ухватил ведьму за руку, гикнул, свистнул, по церкви пронесся смерч, выдул дым...

В зияющем проломе видно было, как промелькнул багровый, как заря, всадник на красном коне, а на седле рассмотрели горбатую фигурку. Вслед со зловещим свистом и шумом унеслись вихри, вихрики, внутри можно было рассмотреть вертящиеся с огромной скоростью злобные лица, крючковатые руки, когти.

Запоздало прогремел второй крик петуха, убивающий любую нечисть в мгновение ока. В мертвой тишине калика поднялся, скривился, ухватившись за поясницу:

- Черт... Он мне кости поломал!

Сплюнул со злости, но даже Макдональд смолчал, что в святой церкви. Томас дрожал от разочарования и ярости, смотрел то на пустой гроб, то в зияющий пролом.

- Все?... Он ее забрал?
- Говорил же тебе... – бросил калика зло. – Руби!
- Мог промахнуться, – огрызнулся Томас.
- Курей крал?

Их голоса становились громче, озлобленнее, и старый Макдональд на всякий случай вклинился между королем и его странноватым другом.

– Ваше величество... Почему вы так зачем орете? Все равно умнее получится стать не выйдет. В ином смысле много ума хуже, чем если бы его вовсе не было. Ну опять пролопоу-

шили, ясно же... Впервой ли? Все устали, надо отдохнуть. Здесь работа для святых отцов... Освятят, почистят, мусор уберут, а завтра за дело возьмется уже люди. Каменщики, плотники. Нам же пора в замок.

Измученные, с красными от усталости глазами, они оглядели разгромленную церковь. На залитом воском полу в слабом рассвете блестят осколки алтаря. На иконах свисают зеленые потеки плесени, похожие на плевки, а если где проглядывал лик святого, то страшно было встречаться с его сатанински горящими глазами.

Священник опасливо косился на обратном пути на отшельника, так похожего в своей звериной шкуре и с всклокоченными красными волосами на дьявола, старался, чтобы между ним и собой всегда оказывался кто-то из рыцарей. Олег заметил, скривился, потом неожиданно поинтересовался участливо:

– Святой отец, ваши священные коровы случайно не возжигают благовония?

Священник онемел от неслыханной наглости. Рыцари посматривали ожидающе. Он лепетал сдавленным от негодования голосом:

– Варвар, ты совсем дурак? Или тебе здесь Индия? У нас не бывает священных коров!

– А-а-а-а, – протянул Олег, – ну тогда... горит твой храм.

Священник в панике обернулся. Из церкви валил густой жирный дым, словно там коптились и подгорали мясные туши. Остроконечная крыша лопнула, оттуда вырвался острый, как клинок, язык пламени. Торжествующе загудело, а черное воронье снялось с окрестных деревьев, носилось вокруг, оглушительно каркая и роняя перья.

Томас равнодушно отвернулся. Синие глаза горели холодным огнем, брови грозно сшиблись на переносице. Макдональд кивнул:

– Хорошее место для кузницы. Я думаю пригласить еще пару неплохих оружейников. В замке я уже проверил: мечи старые, смешно думать, что на что-то годятся, хотя все же годятся. А храм можно построить потом, за оградой. Все равно церковь никто не тронет, так что нечего ей место занимать за крепостными стенами!

Глава 5

Томас со злостью прислушался к грохоту в нижнем пиршественном зале.

– Веселятся, будто самого Сатану отогнали!

– Если человек в наше время поет, – заметил калика глубокомысленно, – он либо пьян, либо придурок.

Он лежал под стеной на широком ложе. Сапоги в отшельническом рассеянии не снял, пачкал белое белье с нежнейшими кружевами. Одну могучую длань в великой задумчивости закинул за голову, другой с треском драл крепкими когтями волосатую грудь.

– Что с воза упало, то и пропили...

– Что упало? – рыкнул Томас.

– Две тысячи золотых монет. Столько ты отсыпал от щедрот? Теперь средь шумного быдла случайно... гм... А в самом деле явился не простой чертик, не простой...

– Ну да, – сказал Томас язвительно, – так и признаешься, что тебе простой черт кости переломал!

– Ну, простого и ребенок задавит. Простой – это так... дым, пар, напоминание. Здесь же был кто-то из таких, кто мог бы уйти без драки, ан нет – не утерпел! Если бы петух не помог... подумать только!.. то не знаю, не знаю...

Томас поморщился от воплей, рыцари били железными кружками по столу и орали похабную песню о старушке, что уехала вместе с чертом. От грохота вздрагивали даже стены.

– Сэр калика, – сказал он измученно, – ты видишь, я совсем раздавлен. У меня были все надежды, что либо как-то увяжемся с этой парой, либо проклятая ведьма из благодарности – как будто ведьмы знают благодарность! – укажет нам туда дорогу. Но что делать сейчас?

Олег с кряхтением поднялся, Томас видел, как он бережно ощупывает бок. Похоже, калика в самом деле схлестнулся с непростым чертом.

– А чего, – вдруг вспомнил Томас, – вы там о пауках рассуждали?

Калика от двери отмахнулся:

– Проведал, гад, что я в детстве пауков боялся. Да и сейчас не больно... Гавкнул врасплох, я вздрогнул, а он тут и саданул меня так, что я... Словом, ему удалось, а нам нет. Ладно, что с воза упало, того не вырубешь топором. Пойдем, хорошо бы пошарить в ее колдовской комнате.

Томас бурей вылетел за ним в коридор. В залах и на лестницах слышались песни. Мужественные рыцари праздновали победу над Сатаной и его войском.

– А ты хоть знаешь, где она?

– А что знать, – отмахнулся калика, – у халдеев всегда в самой высокой башне. Чтоб, значит, до звезд дотянуться.

– А она разве халдейка?

– Все мы халдеи.

Четверо рыцарей тут же встали из-за стола. Макдональд кивнул одобрительно, и они, громыхая железом, довольно твердо пошли за своим сюзереном.

В башню вела обычная витая лестница, подниматься можно только по одному, простой воин сумеет оборонять башню от тысячного войска, пока не свалится сам от усталости, каменные ступени, стертые посередине, будто по ним ходили не только легкие женские ноги, пусть и старушечьи. Олег чувствовал чье-то присутствие, словно за ним присматривал кто-то огромный и невидимый, а Томас непроизвольно ежился, поглядывал на стены.

Наконец Томас остановился перед металлической дверью. На ней были намалеваны колдовские символы, хвостатые звезды, странные знаки. Томас зябко передернул плечами.

– Проклятая ведьма! Тут еще и заклятия...

– Да ладно тебе, – сказал калика равнодушно.

Он коснулся двери, подергал за ручку, хмыкнул, стукнул ребром ладони повыше рукояти, а потом в низ двери, и та распахнулась.

Томас ахнул:

– Ты знаешь и христианское... э-э... противохристианское колдовство?

Калика буркнул:

– Какое, к черту, христианское! Так еще гиксосы своих чертей вызывали.

Он шагнул через порог, а Томас, чувствуя на спине взгляды рыцарей, выпрямился и вошел с достоинством подлинного христианина. На всякий случай он прошептал «Ave Maria» и сложил пальцы крестом.

В тесной комнате стоял старый медный котел на чугунной треноге, на столе пустыми глазницами зияли три черепа, высушенные кисти рук, крылья летучих мышей, блестящие камешки, на стенах висели пучки трав, листьев, ветки омелы и проклятого христианами бедного дерева осины.

– Ага, – сказал калика удовлетворенно, – это от халдеев, это от халдеев, это от хохлов, а это и вовсе от хеттов... Станьте у стен. По-благородному станьте, на меня не обращайтесь внимания.

Томас спросил с надеждой:

– Ты берешься вызвать демона?

– А ты против?

– Как король – да... но, сэр калика, прошу тебя, не останавливайся и ни о чем меня не спрашивай! Делай свое богомерзкое дело.

Калика бросил коротко:

– Тогда проследи, чтобы не приперся тот дурак со святой водой. Хотя и трус, но дурное рвение может подвигнуть...

Он что-то бурчал еще, все тише и тише, раскладывал травы, присматривался, начертил на полу пятиконечную звезду, оглядел с удовлетворением, поправил линию, наконец отступил и еще раз сказал уже совсем строго:

– Ни звука, ясно? Не шевелиться.

Томас сказал сэру Винстону строго:

– Никого сюда не пускать! Ни-ко-го!

– Но, мой лорд, – осмелился сказать Винстон, – то, что мы творим, не слишком ли... э-э... противозаконно установкам Господа нашего...

– Не слишком, – ответил Томас твердо. – Мы шли на священную войну с неверными сарацинами, воевали, не щадя жизней, за Гроб Господень, но когда было нужно – заключали с ними перемирие, даже покупали у них еду, нанимали в проводники! И все это было разрешено святыми отцами Рима!

Винстон просветлел, отступил вниз, вскоре слышно стало, как он остановил кого-то на лестнице, там слышались раздраженные голоса, даже звякнуло железо. Наконец оттуда донеслось только сопение кучки здоровых мужчин, зажатых в тесном пространстве. Томас поглядывал с нетерпением и страхом: только бы никто не вмешался, не нарушил, не поломал.

Калика властно поднял обе ладони. Лицо его было торжественное. Все замерли. Внутри звезды словно бы пронесся ветерок, потом Томас понял, что это сквозняк из единственного окна.

Калика нахмурился, сказал что-то на незнакомом наречии. Опять в торжественной страшной тиши все ждали, затаив дыхание. Наконец Томас прошептал, еще не веря:

– Ничего...

– Сам вижу, – огрызнулся калика.

– Но ты ж говорил...

– Ну и что? – ответил калика еще рассерженнее. – Раз на раз не приходится. Что-то сорвалось. Не так повернулся, не с тем ударением... Хотя и воруете друг у друга, но иной раз что-то добавляете, а то и само за столетия меняется незаметненько для вас самих. Но я знаю, что кто с ничем пришел, тот от ничего и погибнет...

Он повторил заклинание еще и еще, всякий раз чуть меняя интонацию, и вдруг в середине звезды на мгновение вспыхнул свет. Калика сам посветлел лицом, кивнул довольно, пошел бубнить дальше, свет мерцал, усиливался, наконец там вспыхнул оранжевый огонь, брызнул искрами, повалил дым. И в столбе дыма поднялся во весь немалый рост багровый зверь. Он раскрыл пасть, пахнуло смрадом, рыкнул, раскинул в стороны огромные руки, почти упираясь в противоположные стены. В правой лапе держал боевой молот размером с наковальню.

– Сгинь, – велел калика.

Демон моментально исчез, как пропал и дым, только сизая струйка поползла под ноги Томасу. Тот не дрогнул, только спросил напряженно:

– Зачем прогнал?

– Это Черный Слуга, – объяснил калика. – Только для боев. Даже разговаривать не умеет.

Томас покосился на замерших у двери рыцарей. На их лицах можно было бы писать, как на беленых стенах домов простолюдинов.

– Какой же он черный? – только и нашелся что спросить.

– А хрен его знает, почему так зовут...

Взвился синий дым, в его облаке предстал живой, как ртуть, оранжевый демон, весь блестящий и переливающийся. Калика спросил подозрительно:

– Как зовут?

– Тхожей, господин.

– Сгинь, – велел калика, и демон исчез с радостным воплем. – Ишь, никто работать на человека не хочет. Да и то, кто лучше человека сделает?.. Томас, не горячись. Это демон, что умеет становиться быстрым как молния... ну, не как молния, но все же быстрым конем. Но ты знаешь, куда нам скакать?

По взмаху ладони появился крохотный демон, размером с котенка, только стоял, как суслик, на задних лапах. Калика протянул руку, демон послушно запрыгнул на ладонь. Между крохотных рожек проскакивали голубые искорки. Калика бросил:

– Как зовут, козявка?

– Асмодей, господин!

– Асмодей? – не поверил калика. – Слышал о тебе, но думал, что ты побольше... Что ж, ты умеешь побольше других олухов.

Демон пропищал тонким быстрым голоском:

– Да, я умею многое! Но ограничения есть: бессмертия не даю, теорему Ферма не решаю, на небеса не вхож...

– погоди, – прервал Томас. – Какая теорема? Я что тебе, иудей? Или какой-то еще засушенный книжник? Я король, и мне изволится...

Демон перевел взгляд крохотных, как бусинки, глаз с калики на Томаса.

– Король?.. Да еще свеженький? Понятно. Золото, замки, войско. Дам войско, дабы побить соседа...

– Мне не то надо, – прорычал Томас.

– Не то? – удивился демон. – Ага, тогда бессмертие? Всякий, дорвавшись до власти, хочет, чтобы никогда не кончалась. Бессмертие, правда, дать никто не волен, зато какие-то гарантии неуязвимости на некий срок и на определенных условиях...

– К черту бессмертие! – рявкнул Томас. – Мне нужна женщина.

Демон подпрыгнул, щекоча крохотными ножками ладонь Олега.

– Это просто! Проще пареной репы. Могу любого цвета, возраста и положения. Даже монашенку... Монашенки особенно...

Томас рыкнул:

– Мне нужна моя женщина! Она сейчас в преисподней...

– А где ей еще быть? – удивился демон. – Все женщины там... Одни уже, другие потом, но все будут там. Могу посодействовать с Еленой Прекрасной, Сафо, Умилрой, Авдотьей Рязаночкой... гм, нет, с Авдотьей не получится, зато Гвеньевера, Моргана, Далила...

– Нет, – отрезал Томас. – Мне нужна моя единственная. Ее зовут Ярослава. Ее недавно уволок один такой обгорелый.

Демон скорбно покачал крохотной рогатой головкой:

– Это будет трудно.

– Трудно? – не поверил Томас. – Труднее, чем Елену Прекрасную?

– Всяк знает, где Елена, – объяснил демон. – Всяк знает, где Сафо и на какой козе к ней подъехать. А где искать женщину не столь именитую? Ну-ну, пока не столь именитую. Вы можете пересмотреть всех женщин на белом свете? То-то. А в аду женщин в десятки раз больше. Они ведь все там, начиная с самой первой, Лилит. И второй – Евой.

Калика покачал головой:

– Врешь... Никакой ты не Асмодей. Всяк знает, что Лилит – лучшее творение Бога и свободно бывает везде, где хочет. Хоть в аду, хоть на земле. А Еву с Адамом вывел их прапра-внук, когда на кресте кончился. Ни хрена не знаешь, мелочь пузатая, а щеки дуешь!.. Ладно, тогда последний вопрос... Кто из чертей волен явиться в наш мир и украсть... или послать кого-то, чтобы для него украли...

Томас напряженно замер. Демон всплеснул короткими ручками:

– Только сам Сатана! Остальным не в их власти. Разве что поневоле, как я сейчас. Но Сатана не явится, у него своя гордость...

– И все?

– Н-нет... – ответил демон, колеблясь.

– Кто еще?

– Ну... говорят, в этот мир отлучается Вельзевул. Это правая рука Сатаны, он силен и грозен... но он еще и умеет обходить все ловушки, что на него ставят те, что наверху. На самом верху! А больше... нет, больше почти никто. А если кто и выберется, то всю добычу тащит Вельзевулу.

Олег буркнул:

– Это все, что знаешь?.. Брысь.

Он перевернул ладонь тыльной стороной вверх, даже большой палец опустил вниз обре-кающе, и демон исчез с пристыженным воплем. Томас тяжело вздохнул, слышно было, как нервно переступали с ноги на ногу рыцари. Оба крестились торопливо, шептали молитвы, но умолкали всякий раз, когда в их сторону оглядывался страшный язычник с красными, как огонь, волосами.

– И что же? – спросил Томас, когда калика некоторое время безуспешно вздымал длани, творил заклания, швырял пучки травы в середину звезды.

– Что-то больше никто не идет, – признался калика. – То ли бабка больше не умела, то ли звезда такая слабенькая.

– А ты?

– Что?

– Ты разве не можешь?

Калика искренне изумился:

– Я что, чернокнижник?

Томас поперхнулся готовым ответом, успел подумать, что калика в самом деле из другого мира, ибо чернокнижники – это христиане, отрекшиеся от Спасителя, предавшие его, а калика чернокнижных мерзостей не знает, с демонами не водился, могил не раскапывал, а младенцев невинных если и убивал, то не из подлости, а по убеждениям своей веры.

– Так ты, значит, – спросил он без надежды, – в этой магии не разберешься?

– Больно она подлая, Томас. От тайного предательства! А я Христу твоему открытый противник.

Рыцари нервно дергались. Их ладони то прыгали как лягушки на рукояти мечей, то отдергивались, будто отброшенные ударом копыт боевого коня: помнили, как этот диковатый разделся с колдунами Стоунхенджа.

Томас взмолился:

– Тогда почему бы тебе не прибегнуть к своей магии? Как ее... волшеб! Пусть я буду за это проклят и гореть мне в аду, но лишь бы спасти ту, которой я так мало уделял внимания и ласки!

– Тебе гореть в аду?

– Разве не я тебя подтолкнул? Так что и отвечаю я.

– Магия, – пробурчал Олег с тоской. – Дело даже не в этике, хотя без этики человек еще не человек, а так... всего лишь разумное нечто. Просто я давно ею не пользовался. А с нею как с музыкой... Один сказал, что если день не поиграет на своей проклятой дуде... или не на дуде?.. то мать замечает, что начал играть хуже. Если не поиграет три дня, замечают и друзья. А не поиграет неделю – замечают все.

– Кто сказал?

– Не помню. Или еще не сказал... а скажет. У меня от этой дурной попойки все путается. Одно наползает на другое, как жаба на жабу по весне. В магии, сэр Томас, слишком много от дикой силы. А я всегда ненавидел силу. Любую. Даже добрую.

Томас недоверчиво смерил взглядом могучую фигуру калики. Скалы бы ломать, а не гнуть спину над поисками Истины в темной пещере. Сто лет, говорит, просидел в пещере! Да одна его ночка в половецком стане перечеркнет любую святость.

– И что же мне? – прошептал он беспомощно.

– Не знаю, – ответил калика с досадой. – Я ведь чужой в этом христианском мире!

Глава 6

В своих королевских покоях Томас велел слугам подать крепкого вина – горе заесть нельзя, а запить можно, – но калика притронулся только к головке сыра. Челюсти его двигались медленно, взгляд был устремлен на стену так пристально, что Томас то и дело оглядывался, но стена как стена, никакая харя не выступает из серых камней.

– Олег, – сказал он горячо, – мне дядя рассказывал, что однажды Одиссею боги предложили на выбор прожить долгую счастливую жизнь на своем маленьком острове в неизвестности или же прожить коротко, но с великой славой. Одиссей выбрал короткую жизнь, но чтобы со славой. Тогда боги, восхищенные его мужеством, даровали ему жизнь со славой, но и долгую. Увы, это были времена гнусного язычества, а сейчас законы иные... Но я все же хочу прожить славно... а не как Мафусаил, о котором священник чуть не рыдает от умиления. Ну, который прожил девятьсот с лишним лет, но таким пустоцветом, что никаких великих деяний за собой не оставил!

Олег задумчиво смотрел на покрасневшее лицо молодого рыцаря. Вдохнул, тряхнул головой, словно отгоняя выющиеся над ним как мухи думы.

– Ну, это ваша церковная брехня, что Мафусаил прожил бесполезно. Это выгодно так церкви рассказывать... На самом деле даже имя его значит «убивающий мечом». Он доходил до пределов земли, чтобы узнать у своего деда Эноха о предстоящем потопе, а умер перед самым потопом. Кстати, сам потоп был отсрочен на неделю из-за траура по Мафусаилу... Такие почести пустоцветам не оказывают! Но я понял, что ты хотел сказать. Готов рискнуть не только жизнью, но и душой, только бы вызволить... вызволить Ярославу. Или хотя бы попытаться вызволить. Так?

– Так! – выкрикнул Томас. Лицо его было бледным. – Разве не видишь, что мне жизнь без нее не жизнь? Она... сама чистота, сама святость! Недаром же Непорочная Дева так помогла тогда, ибо чуяла и в ней непорочность...

Олег раздраженно отмахнулся:

– Да брось ты о непорочности, о своих чудесных зачатиях!.. Подумаешь, чудо.

Томас подскочил, словно вместо тяжелого железа обнаружил на своих плечах старую волчью шкуру.

– Ты думаешь, что говоришь? Такое никогда и нигде...

– Да ну?.. – сказал калика саркастически. – Гильгамеш был зачат и рожден девою, запертой ее отцом в башне, Заратустра родился от стебля травы, Конфуций – от драгоценного камня, Яо – от красного дракона, Шэн-нун – от горного духа, а все Рамзесы, Аменхотепы, Саргоны? В Греции вовсе боги так шлодили с земными женщинами, что половина тамошних царских домов ведет род от... непорочного зачатия! Да что там какая-то вшивая Эллада... У нас на Руси все девки, от царевны до простой рыбацки, то и дело зачинают то от съеденной рыбы, то от зернышка, то от купания в воде, то от ветра, от лучей солнца... Рассвирепевших родителей это, правда, не убеждает, тут же за кнут, а еще и ворота в дегте, так что корзины плывут по всем рекам, заморишься вылавливать, но куда против правды?

Томас ошарашенно пробормотал:

– Ну тогда... это... прости, я ж не знал! Так у вас прямо святая страна...

– Ее так и зовут, – подтвердил Олег, – Святая Русь! Потому столько юродивых и дураков.

– Даже жаль, что я так мало там побывал, – сказал Томас с сожалением.

– Конечно. Умному в стране непуганых дураков только и показать себя. Правда, ты тоже этот... ну, рыцарь. Зато вон как сверкаешь в доспехах, а у нас и люди, и вороны любят все блестящее!

– Ну... у нас тоже, – сказал Томас осторожно. – И чтоб перья, перья на шлеме... Яркие! А что?

Калика внезапно хлопнул ладонью по столу:

– Да ладно, перья так перья. Больше тянуть – все потерять. Вели седлать коней. Выступаем сейчас же.

Томас дернулся, глаза испуганно прыгнули за окно на заходящее солнце.

– Уже вечер...

Калика от удивления переменялся в лице:

– Что с тобой? Разве не за Ярославой едем?

Томас сказал несчастным голосом:

– Сэр калика... Тебе все равно гореть в огне, а я христианин! Сегодня день святого... черт, как же его... но сегодня нельзя садиться на коня, обнажать оружие, нельзя начинать какие-то дела, а можно только заканчивать.

Калика смотрел, раскрыв рот. Когда опомнился, сказал почти враждебно:

– Ты что, иудей?

– Почему вдруг? – оскорбился Томас. Он брезгливо оглядел себя: чем это он, благородный англ, похож на презренного иудея?

– Это им вера запрещает работать в субботу. Ах да, ваша вера тоже иудейская.

Томас оскорбился еще больше:

– Наша вера христианская!

– Как будто Христос и все его пророки не иудеи! А во всех молитвах нынешние англы не поют: «Славен наш бог в Израиле!» Черт бы побрал вас, христиан. Тогда считай, что мы лишь заканчиваем. Свадьбу заканчиваем!

Томас чуть повеселел, в глазах появилась надежда, но опомнился, вздохнул так, словно поднял своего коня вместе с седлом и попоной.

– Но нельзя и садиться в боевое седло.

– Пойдем пешком, – предложил Олег.

– Да, но... далеко ли уйдем? Я ведь не дикарь в волчьей шкуре, я человек. А человек должен быть в железе! Я без него что голый. Век на дворе железный, если ты еще не заметил за поисками Истины. А утром на конях все равно наверхстаем.

Калика плюнул ему под ноги, ушел вконец рассерженный. Томас, чувствуя себя одновременно и виноватым, и исполненным гордости за стойкость в христианских добродетелях, велел коней усиленно кормить отборной пшеницей и поить ключевой водой.

Томас отослал рыцарей, а сам, оставшись один, снова ощутил такое отчаяние, что как воочию увидел свои руки, вонзающие острый меч себе в грудь. Нельзя бросаться словами, как нельзя произносить клятвы или обещания всуе. Не подумав, брякнул, ибо звучало хорошо, красиво, и удар меча вслед за ответом «да» был хорош настолько, что рыцари со смехом пересказывали друг другу трое суток...

И вот теперь расплата...

За дверью слышалось негромкое позвякивание, даже легкое царапанье, словно с той стороны кто-то пытался приложиться к двери ухом, не снимая шлема. Томас подумал горько, что на этот раз не помешают... Но калика сказал, что все еще можно попытаться освободить Ярославу!

Он подошел к двери, рывком распахнул. Рыцари отскочили, вытянулись. Томас спросил тревожно:

– Что с доблестным сэром Олегом из Гипербореи? Он не уехал?

Рыцари переглянулись, один ответил, опустив глаза:

– Я только что видел его во дворе.

– Что он... делает?

Рыцарь ответил с достоинством:

– Ваш странный гость хотел было перековать коня перед дорогой... но я объяснил, что в день святого Боромира нельзя заниматься никакой работой.

Томас поморщился, спросил с опаской:

– Что он сказал?

Рыцарь переступил с ноги на ногу, покосился на других. Те сделали каменные лица.

– Ну... не очень много.

– Да? – переспросил Томас недоверчиво.

– Но выразительно.

Томас поспешно отступил и закрыл дверь.

Рано утром Олег с насмешливым одобрением наблюдал, как одевают Томаса. Он уже был похож на металлическую статую, но на него надевали еще и еще, скрепляли, уже и лица не видать, только синие глаза поблескивают в узкую щелочку. Что ж, человека, который готов таскать на себе такую тяжесть, можно уважать уже за то, что готов к нелегкой дороге.

Макдональд собирал сюзерена деловито, умело, с достоинством старого бывалого воина. Цыкнул на священника, тот робко заглянул в комнату.

– Мой король, на вас креста нет... А я принес освященный в купели!

Томас движением длани заставил замолчать. Макдональд все же смотрел вопросительно, христианский рыцарь без креста, что черт без рогатины, и Томас нехотя ответил:

– У меня свой. Невеста подарила... Вульф, подай из ларца!

Оруженосец принес массивный крест размером с ладонь, толстый, из отполированной стали. Томас бережно принял обеими руками, благоговейно поцеловал, но было видно, что думает в этот миг о потерянной невесте, а не о самом кресте. Олег скривился, будто хлебнул вместо вина уксуса, но смолчал. Томас перестал замечать на его шее обереги, не заметит и он оберег новой веры.

Макдональд сказал твердо:

– Мой сюзерен, вы не должны ехать один.

Томас возразил:

– Я не один.

Макдональд с сомнением посмотрел на Олега. Дикарь в звериной шкуре, с длинными рыжими волосами, что падают на плечи, неопрятная борода. Дикарь не выглядит достойным спутником молодому королю. Пусть даже, как говорят, помог доблестному Томасу в битве с демонами. Хотя такой больше навредит, чем поможет.

– Пусть вдвоем, – сказал он упрямо, – но и двоим опасно...

– Нас не двое, – ответил Томас звучно. Он выпрямился, молодой и красивый, хлопнул железной ладонью по рукояти меча. – Со мной Шлеморуб, а также мой боевой конь, которому нет во всей Британии соперника. Нас четверо, а если считать и дубинку сэра калики, он ее зовет посохом, то нас пятеро. А это уже боевой отряд!

Макдональд смотрел с прежним сомнением. Дядя Эдвин сказал с великой печалью, рвущей сердца:

– Я знаю Томаса. Он возьмет всех, если на пир, но если в самом деле впереди огонь и кровь... Томас, мальчик мой, ты – единственный в роду Мальтонов! Мы жили честно, за чужими спинами не прятались, боевой клич Мальтонов звучал во всех битвах. Но железный град сражений выбил все наше поле... И теперь ты – последний.

Томас обнял отца и дядю. Он прятал заблестевшие глаза, в горле стоял комок. Он отправлялся туда, откуда еще ни один воин Христа не вернулся.

Из конюшни вывели его коня, укрывали попоной, седлали. Конюхи были серьезны и молчаливы. Рыцари обнажили мечи и ударили рукоятями о щиты. Над двором пронесся глухой звон железа, предвещающий кровь, боль и смерть вне надежных стен замка.

Конь калики шел легко, помахивал гривой, на ходу норовил ухватить клочок травы, листья с куста. Сам Олег сидел в седле неподвижный, погруженный в думы. Конь Томаса двигался тяжело, ровно, сам рыцарь весит не меньше калики, да еще тяжелые доспехи, щит, длинное копье, которое держит острием вверх, а нижним концом упер в стремя.

Замок постепенно удалялся, а впереди вырастала стена темного леса. И хотя дорожка вела к деревьям широкая, утоптанная, Томас внезапно ощутил, что мир все еще дик, неустроен, всюду чудища и дикие звери. До отъезда в Святую землю был уверен, что здесь середина белого света, но когда побывал там, узрел руины древнейших городов, увидел храмы, которым тысячи и тысячи лет – подумать о таком страшно! – когда не нашел ни единого дикого дерева, все высажены людьми, то ощутил с потрясающей ясностью, что живет не в центре, а на краю отвоєванного у дикости мира, а за краем – тьма, неведомое...

Потрясение тогда не испугало, как случилось бы со слабой душой, а наполнило гордостью. Только на краю мира, на острие цивилизации можно совершать подвиги во славу Пречистой Девы! Нести свет огнем и мечом язычникам, истреблять чудовищ, которых в Старом Свете давно перебили герои, подобные Персею и Гераклу: там даже в древнюю эпоху Ахилла и Гектора чудовищ уже не осталось, и героям пришлось истреблять друг друга, после чего перевелись вовсе, а здесь самое время героических подвигов...

Деревья сомкнулись сзади, нависали с боков, сразу потемнело. Божий свет остался там, по ту сторону крон, а здесь пахло гнилью, муравьями, старым перепрелым мхом. На дорожку с обеих сторон напирала кусты, деревья опускали ветви пониже, дабы никто не смел здесь пройти, кроме диких зверей. Лес знал своих, а человека впускать не хотел.

Калика ехал молчаливый. Томас косился на его прямую спину с развернутыми совсем не по-отшельнически плечами, порывался вступить в ученую беседу, можно бы поговорить и об устройстве мира, но почему-то робел. Вдруг да калика в самом деле как раз сейчас отыскивает ту самую Истину, узнав которую все люди враз запоют от счастья. Хотя, по чести говоря, сейчас куда нужнее философский камень или меч, который не выщербится и не переломится в трудный час.

– Мне внутренний голос говорит, – сказал Томас, – что с Богом в сердце и верой в душе мы если и не достигнем цели, то погибнем достойно...

Калика хмыкнул с пренебрежением:

– Внутренний голос! И это говорит железный рыцарь, завоеватель Сарацинии, герой штурма башни Давида!

– Внутренний голос не обманывает, – сказал Томас твердо.

– Да, конечно, – согласился калика. Ехал молча, вдруг оживился: – Помню как-то... Совсем я был молод, зелен, неопытен. Шел по лесу, вдруг вижу – навстречу прут человек пять разбойников. Здоровенные, как медведи, злые, свирепые. Я едва успел шмыгнуть в кусты. Затаился, дрожу как заяц. Они не заметили, идут мимо. Так бы и обошлось, как вдруг внутренний голос говорит: да что ты сидишь, счастье теряешь? Выйди из кустов, подойди к вожаку, дай в морду! Я в ответ: сдурел? Да они меня размечут на клочья! А голос настаивает. Решился я, хоть душа тряслась как овечий хвост. Разбойники уже прошли мимо, а я тут вылез из кустов, крикнул: погодите!

Он скривился, как от острой зубной боли. Томас спросил жадно:

– И что дальше?

– Ну что... Подошел я, ноги трясутся, сердце колотится как овечий хвост. А они стоят, как огромные волки на задних лапах, смотрят выжидающе. Ну, подошел я, дал жожаку в морду...

Он опять замолчал, спина его сгорбилась. Ехал насупленный, похожий на лопух под дождем. Томас спросил нетерпеливо:

– И что дальше?

Олег бросил нехотя:

– Тут внутренний голос и говорит: ты как хочешь, а я пошел...

Томас раскрыл рот, вот тебе и поговорил о мудрости, пыхтел и пытался сообразить, как же калика вывернулся, расспрашивать нехорошо, явно же не хочет рассказывать, а сам Олег, словно бы чтобы отвести от себя разговор, с преувеличенным неодобрением начал коситься на огромный, с ладонь, крест на груди Томаса. Тот болтался на толстой цепочке, гнусно звякал по стальному доспеху. Чересчур тяжелый, без привычной филигранной резьбы или позолоты...

– Выходит, ты тоже с оберегом, – сказал он насмешливо.

Томас ошетинился, прикрыл ладонью крест, оберегая от дурного глаза:

– Я ж говорил, Яра подарила!.. В твоей стране делали ваши умельцы.

– То-то что-то знакомое, – буркнул Олег с неудовольствием. – Наши умельцы что хошь переиначат... Не тяжело-то? Вон у меня оберег из черепашьего панциря, он же и застежка на перевязи: и легко, и польза. Ты ж почти король, тебе бы поменьше, но из чистого золота! А то и чтоб камешки по всему кресту, как бородавки на большой старой жабе.

Томас огрызнулся:

– А мне булатный даже больше нравится! А что тяжелый, так я ж не слабая девица, чтобы выбирать полегче!..

Олег отвел взор, ощутив неловкость. Томас что угодно скажет, только бы защитит от нападков подарок любимой женщины. А вообще-то за ним не было припадков благочестия. Это изделие неуклюжего деревенского кузнеца носит лишь потому, что его касались руки любимой...

Солнце опустилось за деревья, и, когда проезжали широкую полянку, калика сказал:

– Здесь и заночуем.

Конь Томаса взглянул влажными благодарными глазами. С удил падали желтые клочья пены, а брюхо было в мыле. Хотя вскачь не пускались, но и шагом везти рыцаря в полном вооружении мог далеко не всякий конь, не всякий.

Томас слез нехотя, злое нетерпение дергало во все стороны. Он ждал, что калика расседлает коней, разожжет костер, но тот сказал наставительно:

– Ты давай... Обустройство любого королевства идет с очага. А то у нас рассуждают, как обустроить Русь, а сами с печи не слезают. Я же пройдуся, погляжу.

– Что-то случилось? – спросил Томас настороженно. – Если по нужде, то давай не стесняйся. Только отойди вон к тем кустам, чтоб ветер был отсюда.

Калика загадочно усмехнулся, отступил к деревьям и бесшумно слился с сумерками. Томас выругался. Попробовал бы, дикарь лохматый, ходить так, чтобы веточка не хрустнула, когда на плечах доспехи весом с наковальню!

Стреноженные кони мирно щипали траву, почти невидимые в темноте, Томас их ощущал только по здоровому запаху. Сам он разогревал у костра ломти мяса, насадив на тонкие прутики, предавался размышлениям. Когда за деревьями послышался треск, он уже знал, что калика топает нарочито, чтобы он сдуру не выстрелил из арбалета. Забыл, видать, что арбалета не захватили.

– Что-нибудь отыскал? – спросил он.

Из темноты послышалось:

– А разве я что-то потерял?

Он вышел к костру, огромный и взлохмаченный, словно в глубине схватился с баньши или хотя бы с троллем, сел прямо на землю. Томас протянул прут с ломтиками жареного мяса.

– А чего ж уходил так далеко?

– Да так... Подумать надо было.

Томас фыркнул:

– А здесь?

– А здесь то ты, то кони. А там тишь, животного тепла не чувствуешь. Мыслится лучше, чувствуется, вчувствуется...

– И что... начуял?

Олег долго жевал, а когда в руках остался только голый прутик с еще горячими капельками жира, хладнокровно ответил:

– А ничего.

Томас взвыл от разочарования:

– Стоило ли ходить так далеко? Ничего не чуют можно и здесь.

Олег взглянул коротко, легкая усмешка коснулась губ и сразу исчезла.

– Ты прав, герой. Но я схожу позже. Не все птицы заснули, крот шел под землей слишком близко, какой-то дурной барсук вышел из норы, что-то копал. Когда все утихнет, пойду пощупаю, что и как течет по свету.

Когда за ним снова без звука сомкнулись кусты, Томас поспешно отогнал мысли о колдовских деяниях, с обнаженным мечом на коленях приготовился бдиль до его возвращения. Костер полыхал жарко, оранжевые языки пламени плясали над багровыми углями, что еще сохраняли очертания поленьев, но уже жутко и багрово светились насквозь. Томас вздрогнул, когда из пламени внезапно выглянула перекошенная харя, взгляд был ненавидящий, тут же все исчезло. Томас сидел с бешено бьющимся сердцем, приходил в себя, а языки огня стали багровыми, угли трескались и выбрасывали искры, те зло шипели, затем в пламени снова промелькнуло чужое лицо. Томас начал всматриваться, подавив дрожь, лица сменяли друг друга с такой быстротой, что не успевал рассмотреть, это не то, когда смотришь в облака и видишь неспешных чудовищ, замки, подъемные мосты, верблюдов, сарацинские шатры, – в пламени металась злобная тварь, толкались, спеша рассмотреть его, запомнить, а то и дотянуться прямо оттуда... и Томас с жутким холодком осознал, что сквозь этот костер он зрительно видит пламя ада, а там видят его, сидящего на земле у простого честного костра!

Он отодвинулся, пробормотал молитву Пречистой. Руки вздрагивали, по спине поползла струйка пота. Губы похолодели, едва выговаривали трудные слова молитвы, хотя этих слов было всего три, дальше Томас всякий раз забывал.

Красное полено с треском рассыпалось на горку светящихся изнутри камней, оглушительно хлопнуло, багровые угольки, как рассерженные пчелы, метнулись со злым шипением. Вспышка ослепила, он на миг закрыл глаза, даже под опущенными веками плавали широкие красные пятна. Поспешно протер глаза, не подожгли бы разлетевшиеся искры траву, как вдруг услышал негромкое покашливание.

В двух шагах стоял не то горбун, не то гном. Лохматый, грязный, с грубым лицом простолудина, он пытался выглядеть доброжелательным, но Томас ясно видел подлость во взгляде и низость в перекошенной роже. Даже одет странно: кожаные портки, добротные сапоги, но жилет из толстой кожи наброшен прямо на голое тело. Грудь настолько заросла черными волосами, что в ней наполовину затерялся амулет, явно нечестивый. Уши острые, почти нечеловеческие, глаза навыворот смотрят нагло, а в шапке черных как смоль волос можно свить гнездо. Или спрятать рога. Томас с отвращением смотрел на длинный горбатый нос, что нависал над верхней губой, а та, в свою очередь, карнизом нависала над нижней, ибо подбородка почти не было.

– Хороший костер, сэр Томас, – проговорил горбун остороженько.

Томас рассматривал его хмуро, отвечать не спешил. То, что его знают, неудивительно: не так уж и далеко отъехал. К тому же простолюдин должен знать знатных рыцарей. А если это черт, все равно раздражение при виде наглой хари подавляет чувство беспокойства. Никто не смеет смотреть так нагло, с затаенной усмешечкой, как будто знает, что у собеседника что-то расстегнуто, но сообщить не спешит, пусть увидят и другие.

– Неплохой, – буркнул он.

Синие глаза смотрели холодно, к костру не приглашал: сам напросится, по роже видно. Из земли ли вылез или же из костра: уж больно вспыхнуло... Томас потянул ноздрями – от горбуна пахло серой.

Горбун переступил с ноги на ногу:

– Сэр Томас, когда под рукой нет меча, рыцарь хватается и за простую палку! Я мог бы подсказать то, что ищет и не находит твой друг... довольно знающий, надо признать.

Сердце Томаса подпрыгнуло. Он быстро взглянул в ту сторону, куда ушел Олег. Вот бы в самом деле поднести подарочек этому зануде: возвращается, а Томас спокойно так указывает дорогу, по которой можно пробраться в глубь преисподней!

– И что взамен? – спросил он сдержанно. – Душу, конечно?

Горбун всплеснул руками:

– О, зохен вей, зачем так сразу? Игру начинают по маленькой.

Томас огрызнулся:

– Сам знаю. Но что у вас, чертей, считается маленькой?

– О, сэр Томас...

– Ну-ну, говори.

– Я ставлю дорогу против вон того великолепного коня...

– То чужой конь, – предупредил Томас. – Можно играть только на белого.

– Тем лучше, – приятно изумился горбун. – Настоящий королевский конь. Я о таком даже помыслить не смел...

Он умолк, глаза выжидательно следили за Томасом. Томас после минутного колебания указал место у костра в двух шагах от себя, где ветер дул от него. Горбун, часто кланяясь, разом потеряв наглый вид, смиренно приблизился, осторожно сел.

– Доставай костяшки, – велел Томас.

Горбун послушно сунул руку под полу жилета, а когда вытащил, пальцы сжимали такую огромную кружку, выточенную из слоновой кости, что Томас невольно изумился, как там помещалась и почему не оттопыривалось. Горбун потряс стакан, собирався выбросить содержимое на землю, но Томас властно протянул ладонь:

– Дай-ка сюда!

– Как будет угодно рыцарю...

Стакан оказался тяжел, как только его и поднимает этот с пейсами, а кости, которые высыпал себе на ладонь, были горячие и тяжелые, будто их недавно выхватили из адского горна. Грани светились оранжевым светом. Томасу почудились смутно просвечивающие колдовские знаки. Он трижды перекрестил эти гнусные сарацинские штучки, которые немало головной боли доставили крестоносцам, прошептал начало молитвы Пресвятой Деве, лишь тогда ссыпал обратно, потряс, глядя на странного горбуна, рывком высыпал на каменную плиту.

Костяшки с сухим пощелкиванием разбежались по всему камню. Томас удовлетворенно улыбнулся. Он знал, что верная рука не подведет и на этот раз, как не подвела в день жаркой и кровавой битвы за Антиохию, когда за час до сражения он выиграл коня у сэра Дугласа, доспехи у сэра Тревера Болотного, золотую уздечку у сэра Триптонома, а доблестного, но неудачливого сэра Крис де Бурга оставил вовсе голым.

– Две пятерки и шестерка, – заявил он. – Что значит верная рука и верность Пресвятой Деве. А что покажет твоя сторона?

Горбун угрюмо собрал кубики в стакан, долго тряс. Глаза его тревожно поблескивали. Томасу почудились страх и колебание. Наконец ночной гость решился, кубики с прежним веселым стуком разбежались по камню, замерли, уставившись в звездное небо белыми боками с черными точками.

– Две пятерки... и шестерка, – проговорил он с облегчением. – Фу... Выходит, удача тоже может помочь бедному иудею.

Томас уязвленно нахмурился. Удача существует лишь для слабых, ленивых и неумных. А сильные презирают удачу, предпочитают успех, что достойнее мужчин.

Он метнул кости. Две шестерки и пятерка! Улыбаясь, он жестом пригласил черта, а это наверняка он, вон какие пейсы, повторить попытку. Хмурясь, горбун нервно жевал губу, длинный нос подергивался, как у суслика. Наконец решился, осторожно высыпал кости на середину камня.

У Томаса дернулось сердце. Две шестерки и пятерка!

– Ну, – сказал он, – трижды такое чудо не повторяется. Поглядим, что даст судьба в этот раз...

Но на душе было холодно, он чувствовал ледяное дыхание беды. На всякий случай перекрестил кости, перекрестил стаканчик, еще бы святой водой сбрызнуть, на всякий случай подержал над рукоятью своего меча, где был гвоздь из Креста Господня... когда-то был, и под пристальным взглядом незнакомца – держись, нечисть! – со стуком опрокинул кружку на камень. Звонко щелкнуло, мелкий осколок просвистел по воздуху. Горбун даже отпрянул, слышно было, как во тьме щелкнуло о дерево.

Томас не успел поймать взглядом раскатившиеся кубики, как горбун просветлел лицом, уже окрепнувшим голосом сказал укоризненно:

– Ты великий воин, но зачем же стаканчик ломать?.. Вот и выпало по силе, а не по...

Томас застыл. Все три кости замерли, на белых квадратиках сиротливо чернело по одной черной точке. Уже обреченно смотрел, как черт небрежно встряхнул костяшки, неспешно высыпал, с гадкой улыбкой превосходства глядя рыцарю в глаза. Какая бы мелочь ни выпала, все равно будет больше...

Челюсти Томаса стиснулись так, что превратились в одно целое. Черту мало победы, еще и поглумился напоследок: все три шестерки!

Горбун поднялся, стаканчик и кости мгновенно исчезли. Томас успел подумать в бес- сильной ярости, что наплевать бы на все условности, схватить эту мразь за тонкую шею, да- вать так, чтобы сладко захрустели кости, а то и шмякнуть с размаху о дерево...

...Но лишь вздохнул, только эти условности делают человека человеком, как повторяет калика, а горбун тем временем отступил к коням, в глазах было все еще опасливое выраже- ние, явно читал рыцаря по глазам, и даже когда нащупал уздечку коня, лицо еще дергалось от страха.

– Какая удача, – сказал он торопливо, – теперь я поскачу вперед...

– Скачи, – сказал Томас с ненавистью, – скажи, я иду.

– Да уж... предупрежу. Чтобы встретили...

Из-под ног горбуна вспыхнул адский огонь. На Томаса пахнуло запахом горячей смолы и серы, и чужак вместе с конем исчез в этом пламени. Томас успел услышать жалобный крик коня, только сейчас понявшего, что хозяин его предал, подло проиграл в презренные кости.

Когда огонь исчез, Томас тупо уставился на черное обугленное место. Чувство вины сда- вило грудь, дыхание остановилось. В середине круга лежали обугленные кости, конский череп. Пустые глазницы смотрели с немym укором.

Он не знал, сколько так простоял в оцепенении, очнулся только от треска кустов. Олег ломился напролом, как сытый медведь. Его конь, ломая кусты, ломанулся навстречу, слышны были сочные хлопки в темноте, калика что-то бормотал, успокаивая, а конь, похоже, жаловался на знатного рыцаря.

Олег вышел в слабо освещенный круг, лицо было сумрачное. Покосился на груды костей:

– Да, перед дорогой надо набить требуху... Неизвестно, покормят ли там, куда лезем...

Но все-таки коня зря сожрал.

Томас съежился, чувствуя себя распоследним подлецом на свете. С трудом удержался от желания опустить забрало, чтобы не видеть пронизывающих зеленых глаз. Калика свистнул, его конь осторожно приблизился, обойдя Томаса по большой дуге. На его железную фигуру косился с опаской и осуждением.

– Это был черт, – проговорил Томас глухо. – Заморочил, напустил искушение, ввел в... э-э... иску. И выиграл нечестно.

Калика потянул носом, прислушался, веки опустились, отгораживая глаза от мира. Проговорил медленно:

– Не чую магии... И колдовства нет... Увы, сэр Томас. Нечестивые чары ты бы рассеял своими молитвами. Тот, кто с тобой играл, выиграл честно.

Томас вспыхнул:

– Это был старый такой иудей! Они все к старости чертями становятся.

– Пусть черт. Но играл без колдовства. Обидно, да?

Зубы скрипнули, с такой силой Томас стиснул челюсти. Лучше бы черт выиграл колдовством, не так унижительно. Нет стыда честному игроку продуть обманщику. А так... И слабое утешение, что черт мог обучаться игре больше лет, чем жили все Мальтоны вместе взятые.

Он все еще ожидал занудной проповеди о пагубности игры в кости, осужденной даже церковью, но калика лишь двинул плечами:

– Ладно. Легко пришло, легко ушло. Пора двигаться, уже рассветает.

– Почему легко? – проворчал Томас. – Я за этого коня заплатил...

– Разве короли платят?

С той же неспешностью он взгромоздился на коня, спокойный и отрешенный, конь тряхнул гривой и мерным шагом двинулся через поляну, будто знал дорогу. Томас остолбенело смотрел вслед. Не то что ожидал, что калика уступит коня, но все-таки как-то должно было иначе. Даже то, что приходит легко, уходит довольно тяжело, а за своего коня он платил настоящими золотыми монетами, ибо боевому коню цены нет, ему жизнь вверяешь в бою!

Однако калика не оглядывался, конь равнодушно помахивал хвостом, словно заметал след, и Томас, сцепив зубы, двинулся следом. Он заставил себя забыть, что на нем добротные доспехи, выкованные лучшими оружейниками Британии, что его меч не каждый мужчина поднимет и двумя руками, что спину трет треугольный щит, окованный широкими и тяжелыми пластинами железа.

Деревья смутно серели в рассветном полумраке, коня калики Томас слышал по стуку копыт и всхрапыванию да еще пару раз растоптал конские каштаны, еще теплые, судя по запаху. Потом стволы вырисовались четко, дальше был свет, и когда Томас поравнялся с последними деревьями, прямо от его подошв разостлалось, как ковер, чистое от деревьев поле. Земля еще была черной, как смола в аду, но восток светился ровным матовым светом, а самый краешек виднокрая осторожно алел, робко наливаясь красками.

Калика не оглядывался, а Томасу самолюбие не позволяло спросить, что он начуял за ночное бдение. Если в самом деле чуял, а не спал, забравшись в дупло как филин. Еще подумает, что он заискивает, просит уступить коня.

Воздух посвежел, а когда впереди показалась ровная линия густых кустов, Томас уже почуял, хоть и не колдун, что впереди. Дорога пошла чуть вверх, потом конь калики вломился

в кусты. Запах реки стал сильнее, а когда кустарник кончился, впереди расстилалась водная ширь знаменитого Дона, на берегах которого пикты некогда разгромили кельтов, потом бритты побили пиктов, а затем англы вчистую истребили самих бриттов. Ученый дядя говаривал, что и норманны именно здесь разбили наголову англов, после чего английский язык уцелел только в глухих деревнях, а вся знать заговорила на французском...

Калика, не оглядываясь, направил коня к воде. Когда тот вошел почти до колен, Томас не выдержал:

– Сэр калика! А не проще ли поискать мост?

Олег оглянулся, Томас увидел в зеленых глазах великое изумление.

– Сэр Томас, как можно? Когда это герои искали мост... или даже брод?

Томас снова стиснул зубы. Конь осторожно входил в темную воду, фыркал, поглядывал на далекий берег, распределял силы, ибо калика, похоже, покидать седло не собирался. Река была чересчур широка, Томас со злостью вспомнил разговоры стариков, что Дон уже не тот, мелеет так быстро, что у правнуков козы будут скакать с берега на берег, не замочив копыта...

Олег нетерпеливо похлопал коня по шее, тот послушно двинулся в воду... Когда вошел по брюхо, Олег хлопнул себя по лбу, обернулся:

– Сэр Томас, я совсем забыл!.. Ты в этом железе плаваешь вряд ли лучше хорошего плотницкого топора... Прости, двуручного рыцарского меча. Я понимаю, переплывешь и сам, но лучше возмись за хвост моего коня. Могут нацепляться раки, а коня жалко, хвост больно пышный, он сам гордится...

Говорил он чересчур серьезно, убедительно, и Томас, пряча взгляд, поклялся жестоко отомстить, а сейчас, смирив гордое сердце, ухватился обеими руками за хвост. Меч и щит болтались за спиной, а великолепное рыцарское копье вовсе осталось на месте злополучной игры в кости.

Холодная вода хлынула в доспехи. Томас задержал дыхание, как будто окунулся в прорубь. Конь неспешно продвигался, дно уходило из-под ног, вода злобно хлынула во все щели. Двигаться становилось труднее. Когда вода поднялась калике до сапог, он лишь покосился удивленно, словно раздумывая, не поднять ли ноги повыше, но поленился, а конь вскоре поплыл. Сильный зверь, он резал волны, течение почти не сносило, но Томас почти ничего не ощущал, ибо железные доспехи тянули на дно со страшной силой.

Вода плескала в лицо, ноги утратили твердое дно, его медленно тащило над темной бездной. Конь перестал пытаться дергать хвостом, Томас уцепился крепче клеща. Вода плескала в лицо, он захлебывался, терпел изо всех сил, когда-то река кончится, когда-то ноги коснутся твердого, найти бы только силы самому выбрести на берег...

Калика сидел недвижимый, задумчивый. Сапоги его загребали воду, мешая коню плыть. Томас только и видел широкую спину, даже конский зад погрузился в воду. Внезапно калика с натугой повернулся, на лице было задумчивое выражение.

– Сэр Томас, а не скажешь ли, в какие дни положено стричь ногти?

Томас сначала решил, что ему почудилось в плеске волн. Но калика смотрел вопросительно, ждал ответа. Томас прохрипел, выплевывая воду:

– Что?

– В какие дни, говорю, положено обрезать ногти?

– Какие ногти? – простонал Томас. Он выплюнул воду, закашлялся. – Что за ногти?

– Да свои, – любезно сказал Олег. – В день Боромира наверняка нельзя, в великий пост – грех, по выходным – непристойно. Разве что в праздник обрезания... Томас, когда у вас обрезание?

Томас с водой выплюнул и злой ответ:

– Обрезание... не у нас...

– Гм... Когда же, странно...

Томас, озябший и синий от холода, который заморозил кожу и пробрался в глубины плоти, прошипел со злостью:

– Да когда хочет, тогда пусть и стрижет!

Калика удивленно вскинул рыжие брови, но голос был явно обрадованным:

– Да? А я боялся, что и на это есть запреты... Тпру!

Он остановил коня, тот перестал бить ногами, шумно дышал, отдыхал. Течения не было, Дон постепенно превращался в холодное мерзкое болото, и конь держался в воде почти на одном месте, лишь высунул умную морду с красиво вырезанными ноздрями. Томас остановившимися глазами смотрел, как калика поднял ноги, сидя на седле, неспешно разулся, пошевелил покрасневшими пальцами. Осмотрел критически, неодобрительно покачал головой. Его ладонь похлопала по седельной сумке, на свет появился короткий острый нож. Неспешно, наморщившись, начал срезать ноготь на большом пальце. Бережно, неторопливо, подравнивая края, подчищая омертвевшую кожу.

– Да-а, когти отрастил, как у орла. Хоть по деревьям лазай.

Холод пробрал Томаса уже до костей. Калика закончил с большим пальцем, перешел к остальным. Работал неторопливо, старательно, со знанием дела, любовно. Морщился, похмыкивал, покачивал головой. Наконец вытянул босую ногу, полюбовался:

– Любо... А то, словно у волка, уже по земле стучат.

Губы Томаса свело, даже свистнуть не удалось бы, даже положи сейчас перед ним всех женщин половецкого стана. А калика неспешно взялся за другую ногу. Крепкий ноготь поскрипывал, поддавался плохо. Томас слышал от дяди Эдвина, что кончики ногтей крепче самой лучшей стали, а у калики, судя по тому, как медленно скоблит ножом, крепче даже алмаза.

Холод пробрал уже до мозга костей. Калика бережно срезал желтые кусочки кожи, крохотные, как блохи, от удовольствия намурлыкивал песенку. Томас ощутил, как промерзают и мозги, а застывшие пальцы начали разжиматься. Не поддамся язычнику, поклялся он в затуманенном сознании. Не дам насмеяться над воином, что освобождал Святые земли. Надо продержаться и выйти на берег как ни в чем не бывало...

Калика закончил стричь, начал натягивать сапоги. Конь уже вздрагивал от холода, смотрел с удивлением. Насвистывая и напевая, Олег обулся, посмотрел на рыцаря. Тот висел на конском хвосте, неспешные волны перекачивались даже через голову. Он задерживал дыхание и делал вид, что рассматривает снующих рыбок.

– Трогай, – сказал Олег благожелательно коню. – К берегу, неча за рыбой гоняться... Впрочем, волосы подровнять, что ли?... А то такие патлы отросли...

Он покосился на Томаса. Тот тащился, как огромный рак, вцепившийся в конский хвост. Его шатало из стороны в сторону, он уже ничего не видел, а держался не столько на конском хвосте, сколько на рыцарской гордости. Калика спрятал усмешку:

– Ладно, как-нибудь позже.

Когда Томас выбирался на мелководье, из всех щелей хлестали струи, а из-за железного воротника выпрыгнула, напоследок ударив по лицу, довольно крупная рыбина. Оставляя глубокие следы, он с трудом выбрался на сушу. Калика уехал вперед, поглядывал по сторонам. Томас слышал, как он сказал коню благожелательно:

– Погоди, сейчас сэр рыцарь натаскает хвороста, у костра и согреемся. А травы-то, травы сколько! Хоть епископа корми. Всю ночь пасись, а это – вечность.

Томас намек понял, и хотя задубелые пальцы совсем не слушались, но сумел собрать сухих веток, а когда калика одним ловким ударом высек огонь и тот сразу безо всякого колдовства охватил клочья березовой коры, душа Томаса тоже начала отогреваться.

Глава 7

Когда он очнулся от короткого сна, Олег сидел все в той же позе, только багровых углей на месте костра была целая россыпь. Красные волосы волхва выглядели совсем пугающе, подсвеченные снизу.

– Проснулся? – сказал он вяло. – Мне порой кажется, что в каждой искорке успевают возникнуть целые миры... и тут же погаснуть в холодной ночи. Для нас это миг, а для них – целая вечность...

Томас спросил сиплым со сна голосом:

– Что-нибудь надумал?

– Вот я и говорю, – кивнул калика, – что в малом мире могут таиться великие тайны и возможности. Это для нас искорка, а для них – солнце с множеством планет, настоящий Мегамир... Ах, ты не об этом? Да что там надумывать, надо искать дороги. Коня придется оставить, ведь он не Слейпнир, не Бзоу, не Ал-Кула, даже не Араш или Гром, хотя Гром не подошел бы, нам бы Пегас или Арион, а то и сам Сивка-Бурка... Тебя можно бы на Конька-Горбунка...

Угли раскатились, Томас с проклятием отпрыгнул. Калика в задумчивости смотрел на ровный слой пепла. На нем проступили очертания, и Томас потрясенно понял, что перед каликой образовалась рельефная карта. Такую видел лишь в шатре императора, когда умельцы создали такое для руководителя похода в Сарацинию. Но перед каликой пепел сам сползался в кучки, строил горные хребты, оставлял ниточки черных провалов, ущелий, выравнивался в местах, где показывал равнины. Томас различил даже массивы, занятые лесами, там пепел слегка кучерявился.

Однако калика пребывал в задумчивости так долго, что Томас наконец решился потрогать его за плечо.

– Что-нибудь придумал?

– Что? А? – опомнился калика. Он тряхнул головой. – Да вот все думаю, сколько земля велика, а для правды нет места... Гм... Сейчас присмотрю, куда можно бы... Кто-то да остался из старых. Что бы в мире ни происходило, всегда находятся сумасшедшие, что цепляются за старое.

Томас посмотрел на него выразительно:

– А разве за ними надо далеко ехать?

– За некоторыми – очень далеко, – ответил Олег просто.

Томас сбегал к ручью, вымылся, разогрел взятые из дому ломти копченного в вишневых веточках мяса, а калика все бормотал, рассматривал горные хребты и долины, крохотные озера, леса и реки, губы шевелились, а брови сшибались с таким усилием на переносице, что Томасу дважды слышались высоко в небе глухие удары, после чего к западу мелькнули падающие звезды.

Томас сказал со стоном:

– А почему так далеко? Разве Гудвин не уволок ее сразу в ад? Да и черт проклятую ведьму поволок, думаю, не в кусты, а в самый большой котел... Говорят, сразу за церковью земля лопнула, как череп сарацина под мечом крестоносца, они туда и шмыгнули.

– И сейчас там дыра? – осведомился Олег.

– Нет, – пробормотал Томас, – затянулась, как пенка на горячем молоке. Но где-то ж есть норы... Вон те геродотовы муравьи до самого ада докапываются, ты сам говорил! Может быть, из ада и таскают? Не зря наш прелат говаривал, что золото – от дьявола. А муравьи везде живут, ты сам говорил! Английские муравьи.

Олег слушал, высматривал.

– Когда-то потусторонний мир был рядом. В соседнем лесу, за рекой, за горой... Можно было к обеду сходить туда, навестить умерших родителей и вернуться... Увы, те времена прошли. Попасть в загробный мир все труднее. Разве что у простых племен он все еще рядом...

– А зачем нам их мир?

– Из него легче перейти в нужный нам, – объяснил Олег. – Ты не больно умничай, Томас! У тебя и так лоб покраснел. Расплавится! Будь рыцарем без страха и упрека, весь в железе, а не только снаружи!

Солнце уже поднялось над лесом. Поляна пока еще оставалась в тени. Томас не сразу заметил, что губы калики шевелятся уже не расслабленно, лицо стало строгим, как вырезанное из камня, на лбу выступили крупные капли пота, а на висках вздулись жилы. Зеленые глаза неподвижно устали в одну точку. В них был страх, Томас с запоздалым холодком вдоль спинного хребта вспомнил страшные рассказы о могучих колдунах, что в самомнении неправильно произносили заклятие...

Он раскрыл уже рот, чтобы позвать калику, бог с ней, нечестивой магией, не было б хуже, но страх еще сильнее схватил за горло. А если именно он и напортит?

Настороженные чувства уловили далекий шорох крыльев куда раньше, чем он заметил бы в другое время. Резко вскинул голову... и с размаху сел на землю.

С востока высоко по небу неслись, круто снижаясь, два крылатых коня. Оба одинаково оранжевые, с такими же оранжевыми крыльями, они выглядели не крупнее уток, но Томас рассмотрел до мельчайших подробностей их худые жилистые ноги, могучие крылья, длинные гривы и роскошные хвосты, что красиво стелились по ветру.

Он прошептал, боясь нарушить заклятие Олега:

– Сэр Олег!.. Два коня... С крыльями!

Олег спросил, не отрывая взора от горной гряды под ногами:

– Сюда?

– Похоже...

Калика поднял покрасневшие глаза, где повисли темные мешки.

– Так что ж ты молчал?

– Да я вроде не...

– Мог бы раньше. Думаешь, легко их было заловить и вести под облаками?

Кони сделали круг над поляной, пронесся ветер, взвились сухие листья и стебли. Серебряные кузнечики в испуге брызгали во все стороны. Неуклюже отпрыгнул и Томас. Кони пронеслись над головами, у края поляны успели развернуться, одного занесло боком, кусты затрепщали, а второй легко коснулся копытами земли. Прогремела частая дробь, конь пробежал через поляну и остановился перед Олегом.

В глазах калики была скрываемая радость.

– Получилось, – выдохнул он. – А ты седлай того, что в кустах валяется, как медведь в малиннике.

Томас не мог оторвать зачарованных глаз от чудесных коней. Второй выбрался из кустов, подбежал, в нем чувствовались легкость и сила. Крылья на бегу складывал, блестящие, как солнце, глазам больно, Томас рассмотрел длинные плотные перья, туго прижатые одно к другому, от коней вкусно пахло слабым конским потом. Темные умные глаза смотрели вопрошающе. Ему стало неудобно, он кивнул на Олега:

– Это сэр калика вас вызвал... Он и скажет, что дальше.

– Седлать и ехать, – сказал калика сварливо. – Они исчезнут с заходом солнца.

– Сэр калика!

– Даже если будем выше облаков, – закончил калика.

Томас суетливо накрыл спину крылатого коня потничком, а затем и попоной, мучаясь, что такую нежную кожу покрывает грубой тканью, хоть и расписной, а когда взвалил еще и седло, тяжелое и с прилипшей грязью, чуть не взвыл от стыда. Рядом калика оседлал коня быстро и сноровисто, умело пропуская подпругу под крыльями, Томас косил глазом, повторял, запоминал, вдруг да еще когда придется вот так... Если бы душа не терзалась стыдом, что сам своими руками отдал Яру... когда ляпал дурным языком, как корова хвостом, то возликовал бы даже от чудесности происходящего, а сейчас угрюмо взобрался на спину крылатого, калика свистнул, и кони тут же взяли в галоп.

Томас задержал дыхание, когда по сторонам распахнулись мощные крылья. Калика унесся вперед, но Томас видел только своего коня, земля под ними уносилась назад все быстрее и быстрее, наконец замелькала так, что слилась в серо-зеленую полосу. Крылья начали равномерно бить по воздуху, стук копыт на миг прервался, затем снова копыта застучали быстро и сухо. Томас ощутил под собой толчок, топот оборвался, только крылья сильно и часто били справа и слева, могучие мышцы спины потряхивали седло, Томас увидел, как земля уходит вниз, впереди угрожающе быстро выростала стена деревьев...

Спина под ним подпрыгнула, и деревья внезапно ушли вниз, конь пронесся над самыми вершинками. Копыта поджал, то ли чтобы не задевали за деревья, то ли чтобы не мешали в полете. Томас чувствовал страх и восторг, пошевелиться боялся, это не широкая надежная спина Змея, где лежишь как на крыше сарая, да еще и привяжешься, дабы не сдуло, здесь спереди и сзади пустота, а по бокам часто, как у летящей утки, хлопает, оранжевые перья блестят так, что глаза щуришь, как монгол...

Калика несся далеко впереди, Томас судорожно перевел дух. Конем пока управлять не надо, он скачет... или летит за своим крылатым братом. Иначе он бы науправлял!

Калика оглянулся, умело придержал коня:

– Ну как тебе?

– Неплохие кони! – крикнул Томас, он надеялся, что голос не слишком дрожит. – Чем их кормят?

– А кто знает. Тебе не дует?

– Пока нет.

– Замерзнешь – скажи.

– С чего бы? – удивился Томас, ибо в голосе калики чувствовалась нешуточная забота.

Калика пришпорил скакуна, а Томас внезапно ощутил, что от доспехов в самом деле идет холод, будто вытащил их из сугроба. Да и встречный ветер, что сперва лишь приятно охлаждал, сейчас выстуживает до костей.

Он напрягся, согревая себя мышечными усилиями, задержал дыхание. Конь шел воздушным галопом, скачки были плавные, длинные, но и проваливался, правда, глубже, потому что удерживался не на копытах, а на крыльях, отчего у Томаса всякий раз неприятно дергалось внутри, а желудок карабкался к горлу, чтобы сразу же, отяжелев, плюхнуться обратно.

Калика нетерпеливо выкрикнул, Томас видел, как конь под ним вытянулся, как утка, и суматошно заработал крыльями. Калика пригнулся, пряча лицо за роскошной гривой. Томас старался не смотреть на прижатые к брюху копыта коня калики, было в этом что-то страшноватое, сам робко начал поторапливать своего скакуна.

Крылья коня Олега сперва часто били по воздуху, теперь же за ними нельзя было уследить глазом, только что не жужжали, как у мухи, зато калика несся по прямой как стрела, и Томас прятался за конской шеей, молился только об одном – чтобы не сбросило встречным ударом ветра.

Он скосил глаз вниз, кровь заглодела. Под стремением, куда надежно всажен его сапог, на жутком удалении проплывает зеленый ковер леса, река видна как узенький ручеек, а впереди открывается страшный необъятный мир, какого никогда не узришь с поверхности!

– Вывози, конячка, – взмолился он. Как ни прятался за конем, ветер ухитрялся врываться и в узенькую щель опущенного забрала, холодил и, как холодное острое мизерикордии, колол лицо. Воздух уплотнился как стена, конь проламывался с усилием. Томас чувствовал, как все силы крылатого зверя уходят не на то, чтобы не упасть, а чтобы нестись вперед очень быстро.

Впереди чуть слева начала вырастать гигантская черная гора. От нее веяло несокрушимой мощью и чем-то недобрым, Томас не успел понять, когда заметил словно бы тонкую стену, протянувшуюся от горы. Стена уходила в неизвестность, но кони мчались и мчались чуть ниже облаков, и постепенно показалась другая черная гора, двойник первой. Калика направил крылатого коня через плотину, Томас ахнул.

С той стороны простиралась необъятная долина. Томас не увидел ни земли, ни травы – только люди, плотно стоящие люди. Они как бушующее море наваливались на плотину, передние вынимали из-под нее корзины с землей. Их тут же передавали над головами дальше, слышались исступленные крики, рев. Взамен передавали пустые корзины.

Калика чуть придержал коня, Томас догнал, кони летели крыло в крыло.

– Подкоп? – крикнул Томас с дрожью в голосе.

Калика кивнул. Лицо его было недвижимо, он глядел вперед. Встречный ветер трепал его красные волосы.

– Что за люди? – прокричал Томас ему в ухо. – Они ж великаны! Я никогда не видел таких здоровяков.

– Йаджудж и Маджудж, – буркнул калика.

Томас подождал, но калика явно был уверен, что все объяснил. Плотина осталась далеко внизу и позади, но Томас все еще видел огромное пространство земли, заполненное людьми. Они задыхались от тесноты, и страшно было представить, что случится, ежели они сумеют разрушить плотину.

– Плотина выдержит? – крикнул он.

Калика ответил с глубокой и неожиданной горечью:

– Сэр Томас, на земле ничего не вечно. Волк Фенрир порвет цепь, собака Амирани истончит цепь, Антихрист явится, Гог и Магог приведут войска, Брахма проснется, Басаврюк выбежит из-под земли... Помолчи, я не слышу, что говорит конь.

Томас, глубоко обиженный, конь ему важнее, нашел себе собеседника, умолк. И пусть беседуют, они как раз пара: язычник и безбожный конь.

Калика то уносился вперед, то подпускал Томаса, сам что-то высматривал внизу. Лес кончился, земля пошла бугристая, вся в холмах, потом сменилась ровными долинами, но теперь на горизонте встали синие горы.

Конь калики пошел быстрее, Олег заставил его снизиться, Томас с ужасом смотрел на горные вершины, что проносились прямо под копытами. Воздух был чист и немыслимо прозрачен, хотя Томас предпочел бы густой туман: он мог разглядеть каждый камешек на дне ущелий, каждый выступ, о который так легко раздробить все кости.

Калика обернулся, показал ладонью вниз. Томас пытался кивнуть, но голова примерзла к плечам, и вообще боялся шевельнуться, чтобы не соскользнуть с седла, такого узкого и как намыленного. Да и стремяна что-то ерзают, подпруги ослабли. Он не раз ужасался, как на поле брани обезумевший конь волочит вскачь хозяина, застрявшего ногой в стремени, но какой тот счастливцев в сравнении с тем, кого конь так же потащит вниз головой над облаками!

Конь бил крыльями реже, горная вершина пронеслась на уровне копыт слева, потом острые каменные пики замелькали по бокам, ушли вверх. Конь несся между двумя каменными стенами, пугающе отвесными, словно неизвестный великан рассек их исполинским мечом. Ветер здесь набрасывался то справа, то слева, Томас судорожно цеплялся за седло.

Конь расправил крылья, провалился вниз. Томаса подбросило, звонко застучали копыта, оранжевые крылья повернулись против встречного ветра. Конь бежал, откидываясь назад, едва не садясь на круп, а последние футы Томас слышал только скрежет и даже запах горящего камня.

Когда конь замер, бока ходили ходуном, брюхо в мыле, а с удил капала пена. Передние копыта стояли в двух дюймах над краем массивной плиты. Томас невольно заглянул, что там впереди, отпрянул и закрыл глаза. Так и слезал с седла, жмурясь, старательно отворачивая лицо от бездонной пропасти.

Могучий голос калики, ненавистно жизнерадостный, произнес со значением:

– Вот оно то место...

– Какое? – спросил Томас, только бы показать, что он не потерял сознание от ужаса.

– Где один наш предок сделал первое в мире кольцо. Да не простое, а с камешком! Не в ухо, не в нос или в пуп, как некоторые и доселе носят, а для ношения на персте. Его так и стали называть – перстень...

«Черт бы тебя побрал, – подумал Томас ненавидяще, – с твоими умничаньями. Ну повидал, ну побродил, ну знаешь много... Так не тычь же постоянно в глаза, озвереть можно».

Калика что-то шепнул одному коню на ухо, другому, они переглянулись, соржались, побежали к краю пропасти и разом бросились в провал. Сердце Томаса ухнуло, но вскоре увидел, как с той стороны ущелья взметнулись две оранжевые стрелы. Гривы и хвосты развевались по ветру, кони походили на крупные наконечники из золота.

Томас перевел дух, но в сторону пропасти старался не смотреть. Калика оглядывал скалы, на лице его было задумчивое выражение. «Не буду спрашивать, – мстительно подумал Томас. – Не дождешься. Ишь, похвастать знаниями хочется! На что мне лишние знания? Мне Ярославу спасти надо, а не дознаваться, как и почему первопредок сделал первое в мире кольцо...»

– Вот тут он и был прикован, – объяснил Олег со значением, так и не дождавшись Томаса, – да-да, вон даже дырки в скале... Потом Таргитай, когда забрел в эти края, разбил палицей его оковы, долбанул по башке ястреба: отклевался, дескать, освободил. А тот, в память о пережитом, одно звено цепи надел на палец, а в него вставил камешек из этой проклятой скалы... Ага, вон там видна узенькая тропка вдоль скалы. Смотри, сколько веков, а не сгинула! Правда, ветры дуют с той стороны, там за это время гору изгрызли, как мыши голову сыра...

Томас качнулся, правой рукой придержался за стену. Тело превратилось в сосульку, он слышал, как внутри звенят, перекатываясь, обледенелые сердце и прочие внутренности. Или это его пот замерз так, что свернулся в шарики размером с голубиное яйцо.

Калика недовольно оглянулся:

– Опять спишь как конь, стоя?

– Да запомнил я, запомнил, – сказал Томас тоскливо. – Первое кольцо с камнем было сделано здесь. Тебе бы его в нос вдеть!

Удовлетворенный калика двинулся по узенькому карнизу, что едва выступал из отвесной стены. Идти приходилось боком, прижимаясь животом к стене, но и так Томас чувствовал за спиной бездонную пропасть, ноги становились ватными, а пальцы отказывались хвататься за неровности.

Голос калики впереди показался Томасу злобным карканьем:

– Ага, все-таки выветрилось... вот здесь вовсе ухватиться не за что! Я ж говорил, не бывает вечных дорог...

«Чтоб ты сгинул, – подумал Томас в бессилии. – Чему радуется! Прав он, видите ли. Да лучше бы сто тысяч раз не прав, но чтоб дорога как дорога».

Пот заливал глаза, шипел, попадая на железо. Томас смутно подивился, как быстро разогрелся, прямо от ледяной глыбы в пар, еще чуть – и сплавится в литую железную болванку. А

калика все идет, дикарь в звериной шкуре, никто не может заставить его скинуть эту волчовку. И волосы отросли, красной волной закрывают плечи...

– Передых, – донесся голос издали. Томасу показалось, что голос донесся из-за тридцати земель, но оказалось, что калика остановился в трех шагах впереди. Зеленые глаза смотрели сочувствующе.

– Я... могу... идти, – прохрипел Томас.

– Да-да, – согласился калика вяло. – Это мне отдых требуется. Что-то уставать начинаю.

Томас с ненавистью смотрел в безмятежное лицо, что даже не порозовело. Дышит проклятый язычник так же ровно, но посмотрел на него, рыцаря-крестоносца, и тут же сел под каменной стеной, подпер плечами, чтоб не упала. Томас, сдерживая стон, осторожно опустился на другом конце площадки, стараясь сделать это легко, как бабочка, но загремело железом, будто с вершины горы сбросили баллисту.

Дрожащими руками снял шлем. В глазах плыло и расплывалось, соленый пот стекал широкой полосой, щекотал шею, промочил вязаную рубашку под доспехами, а когда Томас украдкой посмотрел вниз, на камне из-под него вытекала теплая лужа. С яростью поглядел на Олега, поклялся свирепо, что если этот гнусный колдун сострит по этому поводу, то вот те крест, он тут же поднимется и отправится в преисподнюю сам, без всяких попутчиков.

Шлем был в грязи, а когда кое-как стер, из блестящей поверхности на него взглянуло настолько измученное лицо, что хоть сейчас в святые, что занимаются умерщвлением плоти.

Как сквозь густой туман, услышал язвительный голос калики:

– Хорош, красив... Да, красота – страшная сила...

– С чего бы? – огрызнулся Томас. – Да мы, рыцари, как звери бьемся за торжество красоты! Сколько уже городов сожгли...

– В чем согласен с вашим христианством, – продолжал калика неспешно, рассудительно, – что вера Христа всякую красоту телесную в грязь топчет. Еще и плюет сверху. Уроды и неумытые для вашей религии самые лучшие люди.

Томас с подозрением поднял налитые кровью глаза на калику.

– Ты чего?

– Да вспомнил одну, – вздохнул Олег. Он полузакрыв глаза. – Как она заиграла, когда ей дали флейту! Понимаешь, с первого же раза заиграла!.. Другому хоть кол на голове теши, а эта сразу... А если бы малость поучилась, то вовсе бы лучшего музыканта на белом свете не было бы. И мир стал бы другим, ибо искусство улучшает мир, облагораживает.

Томас спросил еще настороженнее, чувствовал подвох:

– И что случилось? Почему мы все еще в дерьме по уши?

Калика разочарованно махнул рукой:

– Увидела, как безобразно раздуваются ее щеки. Мол, из-за спины видно! Разозлилась, выбросила флейту вовсе... Ее потом подобрал Марсий. Играл намного хуже, но все равно на это время прекращались войны, ворье забывало красть, а мужья меньше лупили жен. А если бы играла она?

Он печально качал головой. Томас спросил осторожно:

– Она очень красивая?

– Краше не было, – ответил калика убежденно. – Ни на земле, ни на небесах. Да и сама знала, к несчастью. Из-за этого даже рожать не решилась. Да что там рожать, вовсе осталась яловой.

Он сказал с такой горечью, что у Томаса сердце защемило от сочувствия к другу. Как переживает за человечество!

– Ничего, – попытался как-то утешить, – Пречистая Дева тоже... яловая, как ты говоришь.

– Яловая, а какого сына родила, – огрызнулся калика. – Мир перевернул! А эта все безукоризненность берегла. И добереглась. Хоть краше не было, но говорили о других, восхищались другими. Сам знаешь, яблочным цветом любимся по весне, но ждем яблок... Она сильнее самого Ареса, но славили других... Так и прожила пустоцветом. То бишь девственницей.

– Гм... ага... – пробормотал Томас. Он смутно догадывался, о ком это калика. Волосы на затылке начали приподниматься. – Так детей... гм... и не было?

– Ни одного, – ответил калика с горечью, – а как я только не улещивал! Эх... сколько будешь сидеть? Скалу просидишь.

Не дожидаясь, когда Томас возденет себя, прямо из лежачего положения оказался на ногах, изогнувшись в спине, как гадкая кошка, что помощница черта, подхватил посох и побрел себе, страждущий за человечество. Томас поспешно поднялся, сперва на четвереньки, чуть было не пошел в этой позе – совсем не позор для рыцаря ходить как лев, – но руки больно коротки, а зад высоковат, тоже подхватил меч, щит не снимал, и снова скала поплыла справа, а каменная тропка пошла круто вздыматься выше и выше.

Калика подждал его в узком месте, помог перебраться через завал, а Томас сказал, не сдержавшись:

– Не печалься. Мы все упускаем какие-то возможности. У нас это зовется остроумием на лестнице.

– А у нас «после драки кулаками...». Да ладно, чего других винить? Сам сплеховал. Сдуру подарил ей свой браслет с левой руки! Мол, на ее тонкий стан. Она надела вместо пояса, гордилась. А потом сообразила, что ежели забрюхатеть – какой там браслет, разве что обруч для бочки подойдет...

Перед глазами Томаса замедленными рывками уходила вниз покрытая каплями его пота, как дерево грибами, гранитная стена. Он прижимался щекой так, что обдирал кожу. Калику боялся и слушать, это хуже, чем опустить голову и посмотреть вниз. Такие бездны раскрываются, что уже не оторопь берет, руки-ноги немеют.

– А может, дозналась, что подруг обрюхатил раньше? – доносился рассудительный голос. – Эх, эта безрассудная молодость!.. Знать бы где упасть, соломку бы подстелил. У подруг ни кожи ни рожи, только и того, что все сорок стерегли сад с молодильными яблоками...

Голос отдалился, затих. Томас рискнул вздеть взор. Подошвы из свиной кожи как раз исчезли наверху за краем. Карабкается, язычник проклятый, гореть ему в огне, как муха по стене. Это ж какое племя вышло из того сада, спросить при случае. Только не здесь, тут пошатнись – враз уподобишься гордым орлам, сложившим крылья. А пошатнешься точно, когда ответит!

Глава 8

Что-то хрипело, рычало, он дважды хватался за меч, пока сообразил, что сам дышит как Змей, что из поднебесья рухнул брюхом на эти скалы. Невольно вспомнилось раннее детство, когда он с отцом зимой шел через перевал. Ему тогда было лет восемь, если не семь. Ночь застала в пути. Легли прямо на снег. Он тогда скатал ком снега, положил под голову. Отец увидел, пинком выбил из-под головы: «Не разнеживайся, сынок!» Теперь он снова ощутил себя тем же изнеженным ребенком, ибо на взгляд калики, оказывается, спать можно не только на камнях, не снимая доспехов, но и стоя как конь, разве что прислонившись к скале, а то и вовсе на ходу.

Он шел как в забытии, заставляя себя переставлять ноги, хвататься за выступы скал, держаться, идти, не плакать и не выть от усталости и боли в растертых подошвах. Впереди то расплывалось мутное пятно: серое посредине, красное сверху, то исчезало. Наконец начало увеличиваться, словно калика остановился, ждал. Томас вяло позвал:

– Сэр калика!

Пятно сдвинулось, вместо красного появился оттенок темно-коричневого. Томас горстью смахнул пот, вытер лицо и глаза, а когда посмотрел на калику, тот уже выглядел как никогда рельефным и четким, но...

Впереди, загораживая дорогу, стояли трое горных великанов. Ростом всего на две головы выше, они, однако, были настолько широки, что каждый мог бы загородить ворота в любом замке. Все трое в звериных шкурах, только явно сшитых из туров, в руках по дубине из цельного ствола дерева, ноги голые, но Томас разглядел, какая толстая подошва у каждого, конь позавидует, а жилы на ногах и руках выглядят как змеи, что нажрались и лениво перекатываются под кожей.

– Ребята, – проговорил Олег громко, – мы с вами не воюем.

Великаны переглянулись, средний из них проревел:

– Гр... Мы... воюем... со всеми!

Голос его был полужвериный, огромный, как и они сами, такой же мохнатый, но говорил великан так медленно, что Томас успел остыть и вытащить свой двуручный меч.

– Я вижу, – сказал калика убеждающе, – что вы прямо-таки странствующие рыцари!.. Тем тоже только бы удаль показать да силой помериться. Но с нас нечего взять, заранее предупреждаю. Моя шкура вам мала, да и железо моего друга... зачем?

– Мы... убивать, – заявил второй великан.

Он без торопливости шагнул вперед. Исполинская дубина начала подниматься. Олег оглянулся на Томаса:

– Ты как?

– Беру левого, – прохрипел Томас.

– А я – его соседа, – сказал Олег.

Дубина великана взвилась над головой, он торжествующе взревел и со страшной силой обрушил свое оружие. Олег без спешки отступил. Дубина ударила в камни, плато подпрыгнуло, а Олег очень быстро ударил острым концом посоха великана в живот. Тот охнул, отступил на шаг, замахал руками, оказавшись на краю пропасти...

Томас одновременно с каликой ударил мечом своего великана по коленям. Он чувствовал, что, даже измученный и в тяжелых доспехах, двигается быстрее неуклюжего великана. Великан только протянул к нему огромную ладонь размером с рыцарский щит, на которой могла бы поместиться дрофа, как Томас ударил снова, а когда великан пошатнулся, с боевым кличем толкнул его в грудь.

Оба великана замедленно, как во сне, валились в пропасть. На широких звериных лицах не было даже удивления. Они удивятся, успел подумать Томас, когда грохнутся вниз о камни. А лететь долго, вон облачко проползло на этом же уровне...

С обнаженным мечом он повернулся к оставшемуся великану. Над головой тонко свистнуло, Томас ощутил, как брызнуло слизью и кровью, а в глазу великана появилось длинное перо. Он медленно повалился на спину, и тогда лишь Томас, соображая со скоростью великана размером с эту гору, понял, что перо укреплено на пруте толщиной в палец. Стрела вошла в глаз и пробила череп, как спелую тыкву.

В двух десятках шагов со скалы торопливо спускалась, прыгая с камня на камень, рослая девушка, сильно потемневшая на солнце, с длинной косой, в легкой охотничьей одежде и голыми коленями. В руке у нее был лук, а из-за плеча торчали оперенные стрелы.

– Э... э... спасибо, – сказал Томас. – Это было приятно, хотя нам и самим бы не трудно...

Девушка оглядела обоих коричневыми глазами, в них были тоска и глубокое отчаяние. Губы чуть дрогнули, но совсем не в усмешке:

– Я просто не люблю, когда схватка неравна. А так трое – на троих!

Калика подошел к краю, долго смотрел вниз. Покачал головой, а затем спросил вдруг, не поворачиваясь:

– Как тебя зовут, красавица?

Девушка ответила нехотя:

– Камари. Мое имя в этих краях не знают.

Калика повернулся, его зеленые глаза внимательно пробежали по ее смуглому лицу. Томасу почудилось, что в глазах безбожного друга промелькнула такая же печаль, как в глазах этой странной девушки.

– Да, – ответил калика, – ты в самом деле не любишь, когда на одного... вдвоем или втроем. И у тебя есть на то причины. Верно?

Девушка тряхнула головой, взгляд стал дерзким, но губы вдруг напухли и задрожали:

– Да. Я это ненавижу.

– Камари, – сказал калика, Томас изумился голосу калики, он не предполагал, что тот умеет прикидываться таким сердечным, – когда-то это имя знали... Еще как знали! Теперь забыли. Но придет время, надеюсь, твоим именем будут называть девочек. Да что там девочек! Даже коз будут так звать, а это уже признание... Ты все еще ждешь?

Она насторожилась:

– Ты о чем?

– О нем, – ответил Олег, голос его потеплел. – Боги, это ж сколько веков ты бродишь в этих местах?

Томас в изумлении увидел, как вдруг холодная и невозмутимая женщина задрожала как осиновый лист на ветру. Тоненьким голоском вскрикнула жалко:

– Ты о нем знаешь?

– Кто не знает Амирани? – ответил Олег вопросом на вопрос. – Когда я видел его в последний раз, сил у него хватало, ярости – тоже. Его пса держит на земле преданность хозяину, Амирани не хочет умирать, пока не отомстит богам, ты просто хочешь дожидаться... Всех нас что-то держит... какое-то время.

Он впал в задумчивость, почти забыл про невесту неведомого Томасу плененного богами героя, забыл про Томаса, смотрел в землю, брови сдвинулись, губы шевелились. Томас сложил пальцы крестом и про себя прошептал молитву Пречистой Деве. По крайней мере первые три слова, которые знал.

– Спасибо, что помните, – ответила Камари просто.

Она проводила его тоскующим взглядом, но калика, похоже, уже забыл о ней, и Томас почти возненавидел его за такую безучастность к людским мукам. Стена постепенно отодви-

гальс, а каменная площадка раздвинулась, превратилась в каменистое плато. Встретили стадо горных козлов, те подпустили совсем близко, мохнатые и могучие, калика погрозил им пальцем, они нехотя отодвинулись.

Томас наконец рискнул спросить:

– Те великаны... они здесь охотятся?

– Вряд ли, – буркнул калика.

– Тогда что?

– Кто-то их послал встретить нас, – сказал калика равнодушно.

Томас сурово улыбнулся:

– Да? Я так и думал. Но этот неизвестный убедился, что и мы чего-то стоим.

– Гм... Думаю, ему просто передали нас остановить. Но не предупредили, что мы, как ты говоришь, что-то стоим.

Томас спросил в спину:

– Значит, попробуют еще?

– Конечно. И в другой раз мы так просто не отделаемся.

Голос его был равнодушный, отстраненный. Томас зябко повел плечами. Ладно, они вдвоем в самом деле чего-то стоят. Уже доказали по дороге из жарких земель Сарацинии, подтверждали в Британии.

Впереди раздался сухой треск, словно переломили дерево. Красная стена вздрогнула, по ней пробежала трещина. Посыпался щебень, а у основания вывалился камешек размером с быка. Калика даже не сбавил шаг, шел, мерно постукивая посохом. Красные волосы трепало ветром.

Томас прибавил шаг. Сердце клонилось в ожидании опасностей. Калика обошел камень, Томас видел, как он пригнулся и шагнул в полумрак. Мелькнули и пропали красные волосы. После паузы послышались удаляющиеся шаги.

– Мог бы и подождать! – вскрикнул Томас. – Я ж не знал...

Он бегом вдвинулся в узкий ход, наткнулся на камни, железо звякало. Впереди в полной тьме то начинал светиться камень на верхушке посоха, то пропадал, и Томас в бессильном отчаянии стучался о стены, искал дорогу на ощупь. Губы шептали молитву Пречистой Деве, но когда в рот попал комок такой гадостной пыли, словно это было окаменевшее дерьмо летучей мыши, он прервал молитву такими словами, что почувствовал, как даже спина покраснела, а весь низ съёжился.

Наконец спереди послышалось нетерпеливое:

– Ты там не спишь?

– Сэр калика!

– А что там, не могу понять.

– Я ж не вижу в темноте!

– Эх, черт, – сказал калика сокрушенно, – как я мог забыть? Прости, сэр Томас.

На этот раз он пошел всего в двух шагах, заботливо оглядывался, и Томас начал верить, что калика не знал или забыл, что люди не видят в темноте, они не совы и не летучие мыши. И не ведьмаки проклятые!

Он прислушался, почудились далекие удары. Калика двигался с осторожностью, пригибался, поворачивался боком, с трудом протискивался в узких местах.

Далекий стук превратился в тяжелые бухающие удары. Земля под ногами начала вздрагивать. Калика чуть ускорил шаг, исчез, Томас увидел, как впереди открывается огромная мрачная пещера. Спотыкаясь, он почти бегом выскочил, ахнул.

На той стороне слабо освещенной пещеры чернел другой такой же ход, калика шел к нему вдоль стены. А в середине пещеры огромный потный гигант пытался вытащить из земли кол.

Под мокрой от пота кожей вздувались толстые мышцы, передвигались, как бобыры под шкурой, воздух был пропитан потом, тяжелым смрадом.

У ног гиганта лежал тощий облезлый пес. Увидев чужаков, он угрожающе раскрыл пасть. Плечи Томаса передернулись от жалости и отвращения. Беззубые десны сочились кровью, от зубов не осталось даже пеньков. Передними лапами держал цепь, устало и иступленно лизал ее, и Томас потрясенно увидел, что толстое железо звеньев истончилось, как сосулька на солнце, будто пес лижет их уже не одно столетие. Гигант не оборачивался, весь багровый от чудовищных усилий, и кол хоть и медленно, со скрипом, но выдвигался из земли, твердой, как сама скала.

Калика обернулся:

– Сэр Томас, пойдем. Не могу смотреть...

– Что с ним?

– Не помню, то ли кол сам войдет в землю, то ли этот бугай его сам ненароком вобьет, вон какой неуклюжий, то ли еще чего... Иначе бы давно освободился, а Сизиф вкатил бы свой камень!

Томас сказал дрожащим голосом:

– Похоже, он поссорился с мужиком покрепче себя.

Олег двинулся в щель, исчез, только доносились осторожные шаги в темноте. Томас крикнул ему в спину:

– Неужели это тот, кого она ждет?

– Да, – был затихающий ответ.

Томас, повинувшись вдруг вспыхнувшему чувству, обернулся:

– Амирани! Она ждет.

Плечи гиганта застыли. Он все так же держал кол, не давая погрузиться обратно. Томас сказал громче, настойчивее:

– Ее зовут Камари. Она научилась стрелять из лука. Она живет здесь, в горах. Теперь я понимаю, почему все скалы окрест с округлыми краями! Она все время ждет, что ты вытащишь этот проклятый кол, и потому хочет быть рядом, когда выйдешь.

Гигант взревел, мышцы спины вздулись еще страшнее. Пещера наполнилась скрипом и скрежетом. Кол пополз все выше и выше, медленно истончаясь, и Томас уже мог вычислить, какой он длины. Со свода посыпались мелкие камешки. Томас попятился, кол пошел вверх быстрее, пес с изумленно-радостным визгом попятился, и тут выступ закрыл пещеру с прикованным героем. Томас повернулся и бросился догонять калику.

Олег заворчал, когда рыцарь ткнулся ему в спину, спросил недовольно:

– Что там за рев?

– Амирани...

– Я знаю, как его зовут. Чего ревет?

Томас прислушался, губы его раздвинулись в усмешке. Потом сообразил, что калика не видит, пояснил с радостным изумлением:

– Он тоже ее не забыл.

– Ну?

– Иначе бы не стал так... Откуда и силы взялись.

Сзади грохот и треск не ослабевали, а будто бы даже стали громче. В спины толкнула волна спертого воздуха. Снова был треск, будто трещала раздираемая надвое скала.

Калика наконец пробормотал с недоумением:

– Чего это он разбушевался?

– Скалу ломает, – определил Томас.

– До скалы не дотянуться, – хмыкнул калика.

Томас сказал победно:

– Дотянулся! Он вытащил этот чертов кол!.. А сейчас проламывается к выходу. Только бы собаку не забыл взять, здоровяк...

Калика даже остановился, прислушиваясь. Лица его Томас не видел, но голос в темноте прозвучал явно озадаченно:

– Не понимаю... Столько веков не мог, а сейчас вдруг... Что его так зацепило?

Томас смолчал с чувством жалости.

Слабый свет от головки посоха осветил стену. Сплошную, без единой трещины. Подземный ход кончился, Томас чувствовал, как варится в собственном поту. Дышать стало тяжело, он понял, что дышит собственным воздухом, который перегнал через себя несколько раз.

Калика постучал посохом в стену. Томас слышал, как в голосе калики послышались не свойственные мудрости нотки:

– А, была не была!

Томас зажмурился, отступил подальше. Калика мощно ударил острым концом в стену. Свет вспыхнул ярче, затем из-под ног послышался далекий рокот. Стены шевельнулись, затрепщали. Посыпалась каменная крошка. Томас слышал, как вся гора содрогается, постанывает.

Внезапно впереди затрепцало, блеснула полоска света. Калика вскрикнул:

– Быстрее!

Томас бросился за ним, к ногам будто привязали крылья. Они выбежали на свежий воздух, следом заворчал, грохнуло, и уstraшенный Томас увидел, как их проход завалила огромная глыба. Сверху рухнула целая скала, а камни продолжали валиться, образуя широкую каменную насыпь.

Пришлось подобно горным козлам скакать через валуны, у Томаса начали подгибаться колени. Сзади затихал грохот, но тяжелое пыльное облако по-прежнему стояло недвижимо, как красноватая стена гранита.

Томас спросил хрипло:

– Что значит «была не была»?

– Заклятие, – ответил калика странным голосом. – Я не знал, помню ли еще... Мы либо выскочили бы, либо нас бы задавило.

Томас зябко передернул плечами. Железо звякнуло. Дрогнувшим голосом спросил:

– Надо ли было так...

– Ты ж сам сказал, что без Яры тебе не жить.

– А тебе зачем рисковать?

Калика уже брел между камнями, ответил, не оборачиваясь, голос прозвучал с прежней странной беспечностью:

– Не знаю. Просто иной раз: а, пропади оно все!

Томас огляделся по сторонам. Горы вздымались, как заостренные мечи, калика кивнул на едва заметную тропку, что вела вниз:

– Уже близко.

Томас спросил удивленно:

– А чего мы ломались сквозь гору, как два кабана через хлебное поле? А перелететь эти горы?

– Пока это никому не удавалось, – ответил калика.

– А ты пробовал?

– Нет, – ответил калика, не заметив оскорбительного для мужчины подозрения в трусости. – Да и зачем? Умный гору обойдет.

– Гм...

Он шагнул за каликой, далеко-далеко послышался грохот обвала. Оглянулся, вроде бы ничего необычного: только и того, что стена дальнего ущелья пошла паутиной трещин, вспу-

чилась, словно гигантский нарыв. Беззвучно-огромные куски камня, целые скалы обрушились вниз, а в темном проходе возникла сгорбленная фигура. Человек отшатнулся, закрыл лицо ладонями, ослепленный, попятился в темноту. Запоздало донесся тяжелый грохот, глыбы рушились на дно, раскалывались в щебень.

Калика уже спускался, Томас успел еще раз увидеть в темном проходе гиганта. Теперь тот бережно прижимал к груди собаку, лицо прятал в ее шерсти, двигался вслепую.

Донесся слабый крик. В долине мелькнула легкая фигурка. Женщина неслась в сторону расколотой горы как стрела, коса расплелась, черные волосы трепало ветром, а руки женщины едва не отрывались, пытаясь обогнать хозяйку.

Выступ закрыл их, но улыбка еще долго не сходила с сумрачного лица рыцаря.

– Хоть они, – прошептал он.

Калика услышал, буркнул:

– Ты что там шепчешь?

– Пусть хоть они, говорю.

– Нашел сопереживальцев, – проговорил калика с издевкой, но Томас слышал, как голос друга потеплел. – Странно, что ничто и никто ему не мог помочь, а ты вон... одним словом.

Томас сказал счастливо:

– Зато каким! Твоими заклинаниями только сапоги вытирать такому слову! Да оно и не ходит в сапогах.

– Уже близко, – подбодрил Олег. – Вон по той тропке опустимся вниз. Там, в благодатной долине, нас ждет ответ.

Томас, изнемогая под тяжестью доспехов, назло поддал ходу, даже обогнал, благо дорога вот-вот пойдет наконец вниз. Калика слышал лишь тяжелые шаги, пыхтение, громоподобное жужжание железа. Затем грохот затих, слышалось только надсадное сопение, а когда калика свернул за угол, услышал голос рыцаря:

– Этого парня зовут Ответ?

Дорога круто пошла вниз, среди зелени виднелись кусты и ручей, но дорогу загородил тяжелый воин в полтора человеческих роста. Справа поднималась отвесная скала, слева в двух шагах от края каменной плиты открывался обрыв. Воин в отличие от горных великанов был в тяжелых доспехах страннойковки, как отметил Томас, издали чувствуется их невероятная прочность, рогатый шлем надвинут на глаза, глаза круглые, как у орла. В одной руке держит меч, длинный и с голубоватыми знаками по лезвию, а в другой руке щит – огромный, в половину роста воина, целиком из металла.

Что-то насторожило Томаса именно в щите, хотя сам воин выглядел настоящим зверем.

– Я думаю, он нас не пропустит.

– Похоже, – согласился калика сухо.

Томас подобрал камень с куриное яйцо, быстро и без размаху швырнул в сторону воина. Тот не повел глазом, оставался недвижим, но в последний момент щит с непостижимой скоростью дернулся вверх, звонко стукнуло. Томас успел увидеть брызнувшие в стороны осколки.

– Ну и что? – поинтересовался калика.

– Чересчур быстро, – сказал Томас. – Давай попробуем вместе.

Они подобрали по камню, калика взвесил на ладони настоящий валун, Томас видел, как он примеривается, оценивает взглядом расстояние.

– Бросим разом, – предложил Томас. – Ты в ноги, я в голову... Бросили!

Два камня вылетели из их рук с шуршанием, будто неслись по верхушкам пшеничного поля. Томас зря опасался, что калика не добросит: его камень даже чуть опередил, но воин по-прежнему стоял недвижимо, в круглых глазах была насмешка. И опять лишь в самый последний миг щит рванулся вниз, затем в неувловимое мгновение поднялся вверх, треск камня

Томаса слился с гулом, который прокатился от удара булыжника. Осколки сухо ударили в каменную стену, а воин опустил щит краем к ноге, стоял надменно и вызывающе, загораживая дорогу.

– Не могу поверить, – прошептал Томас со страхом в голосе. – Он двигает щитом со скоростью молнии!

– Шустрый, – согласился калика.

– Только и всего?

– А чего тебе?

Голос отважного рыцаря дрогнул:

– Я слыхивал про меч, что сам двигается, охраняя хозяина. Может летящую стрелу перехватить, падающее перышко рассечет, только бы не упало на хозяина! Но то меч, а это – щит. Как-то глупо.

Калика смотрел с удивлением. Вздрыгнул, словно вынырнув из океана воспоминаний.

– Меч?.. Ах да, который потом в орало... Ну, меч и щит всегда ноздря в ноздрю. Как только начинают ковать мечи покрепче, тут же в другом месте совершенствуют и щиты. Это и есть прогресс.

Томас проговорил тоскливо:

– Это ж магия.

– Она, – сказал калика несчастливым голосом, – будь неладна.

Томас прошептал осевшим голосом:

– Ты что же... сам не поволшбишь? Тебе ж все одно гореть в аду!

– Да и ты, – огрызнулся Олег, – вроде бы сам туда рвешься.

– Я лучше паду, какдохлый, но гордый конь, чем вернусь, как живой, но трусливый бобер! Или даже сверну с дороги.

Калика вытянул шею, заглядывая за край пропасти.

– Да, сворачивать не стоит. А вернуться можно. Мудрый разве прет напролом?

Томас сказал сердито:

– Разве я похож на мудрого?

– Да с тобой и я уже не похож, – вздохнул калика. – Иначе разве бы пошел?

Томас настороженно посмотрел на топор в руке калики. Топор невелик, средний такой, лезвие блестит на солнце, на длинной прямой рукояти нелепый крюк, свою ж руку можно поранить. Глупое оружие диких русов.

– Его так не достать, – объяснил Олег. – Сколько ни кидай, хоть скалы из катапульты, хоть быстрые молнии, щит все отобьет.

Томас спросил с надеждой:

– Так ты его... магией?

Олег сурово покачал головой:

– Тогда нам вовсе туда не добраться.

– А как?

– А по-деревенски.

Он примерил топор к руке, подбросил, поймал за рукоять, затем отступил на шаг, глазом отметил расстояние до воина.

– А это отобьешь, хлопец?

Взмахнул широко и мощно, топор вырвался, как брошенный пращей камень. На миг Томасу почудилось, что воин либо не успеет вздернуть щит, ибо топор летит в голову, либо топор прошибет щит насквозь...

Но щит неуловимо быстро, глазом не увидеть, дернулся на вершок выше. Глухо стукнуло. Томас застонал от досады. Олег удивился:

– Ну, чего стоишь? Примерзнешь.

Он буднично пошел по тропке навстречу страшному воину. Тот как башня загораживал путь. Исполинский щит дрогнул и медленно заскользил вниз. Спина калики загораживала воина, но когда тот, как груда железа, рухнул ему под ноги, Томас с воплем бросился вдогонку. Калика на ходу выдернул топор, вытер окровавленное лезвие о спину павшего, там была короткая накидка. Томас догнал, когда калика переступил павшего и брел дальше.

Череп воина до самой переносицы был разрублен. Калика уходил все дальше, а Томас поспешно старался понять принцип действия славянского оружия: топор на лету ударяется рукоятью о край щита, зацепляется и... с размаху с удесятеренной силой достает лезвием укрывшегося за ним воина!

– Да, – сказал он с почтительным уважением, – это еще почище того приема! Ну, когда ты поразил стрелами людей Шахрая! Помнишь, укрылись за передвижным щитом, мерзавцы?

– Это когда ты отдал Яру, да еще и доплатил?

Томас яростно засопел, но умолк.

Глава 9

Томас жадно устремился к зелени, верхушки деревьев колыхались всего в полусотне футов. От земли тянуло свежестью, благодатной влагой. Истомленное жаждой тело чувствовало близость ручья с чистой холодной водой...

Внезапно калика сказал удивленно:

– Ты куды?

Томас кивнул молча, не в силах разжать спекшиеся жаждой губы. Уши вздрогнули, как у зверя, он уловил слабое журчание воды.

– Чего? – спросил калика подозрительно. – А, искупаться восхотел... Нет, рыба задохнется. Да и некогда.

Он свернул в неприметную щель, оттуда несло таким жаром, словно там был вход в ад. Томас брел, натываясь на стены, но, к счастью, проход почти сразу вывел в долину, которая показалась Томасу вырубленной внутри горы гигантской пещерой. Под ногами был камень, даже не плиты, а умело вырубленный ровный пол, сглаженный молотами, затем отшлифованный множеством ног. На той стороне прямо из горы выступал языческий храм. По крайней мере высокие арки входа, каменные драконы, звери, воины-великаны, а сам вход пугающе зиял чернотой.

Томас дивился, а калика махнул рукой:

– Старые горы...

Вид у него был такой, что этим все сказано, и Томас спросил почти враждебно:

– Ну и что?

– Здесь все источено, как червяками. То мрамор ломали для царских дворцов, от них ныне песка не осталось, то целыми племенами прятались от чужаков, то опять же что-то рыли, искали, выгребали... Эти пещеры только дурак или ленивый не приспособлял для чего-нибудь нового, своего.

Дыхание Томаса чуть выровнялось, но пот все еще заливал глаза. На подгибающихся ногах он тащился за Олегом, считал шаги. Вот еще пять шагов – и упадет. Вот еще три – и рухнет. Вот два – и грохнется, как куча железа... Он видел словно сквозь пелену дождя, как из темного входа храма вышли двое. Один тут же метнулся назад, а затем, к отчаянию Томаса, оттуда, как муравьи, начали выплескиваться воины в бронзовых доспехах, надетых прямо на голое тело. Они не выглядели особо опасными, но их десятки, а потом уже и сотни, а Томас чувствовал, что не отобьется даже от воровья.

Воины выстроились в три ряда, загородив вход. Их острые копья смотрели прямо в лица чужаков. Навстречу вышли двое в длинных одеждах, Томас признал в них жрецов, хоть и языческих. Что-то роднит, хоть он и раньше не любил признаваться, христианских священников и сарацинских мулл, а теперь еще и всевозможных языческих жрецов.

– Нам не пройти, – сказал он тихонько.

– Сурьезные ребята, – согласился калика.

Он не сбавил шаг, будто подозревал, что Томас просто устал и хочет отдохнуть. Томас сказал предостерегающе:

– Они нас как жуков насадят на свои палки.

Калика подумал, сказал:

– Да, острые.

Но шагу не сбавил. Томас опустил ладонь на рукоять меча. Он чувствовал, что не только махать им, даже вытащить из ножен не сумеет, но спросил уже безнадежно:

– Опять будет рубка?.. И алой кровью своей вспоим ненасытных пьяниц: железо, сталь и свинец... Гм, почему свинец...

Калика бросил с отвращением:

– Тебе бы все драться, петух в железках.

– А как же ты надеешься...

Он не договорил, копьа уже почти упирались Олегу в грудь, когда оба жреца, всмотревшись в него, внезапно пали ниц с восторженно отчаянными воплями:

– О, великий МAUDГальяна!

– О, сотрясший одним пальцем дворец Шакры!

– О, победивший Нандопанонду, царя нагов!

– О, имеющий махапурушалакшану!

– О...

Калика благословил их небрежным движением длани, миновал с той безучастностью, с какой верблюд проходит мимо христианского храма. Копья опустились, Томас с трепетом стал свидетелем удивительного зрелища, когда сотни воинов разом опустились на колени, затем простерлись по земле, будто стараясь как ящерицы раздвинуть песок и уйти вглубь. А жрецы, видя, что странствующий мудрец не желает быть оторванным от благочестивых размышлений, остались на месте, лишь воздели руки вдогонку.

Томас ошарашенно оглядывался:

– Чего это они?.. Какой-то мауда... тьфу!... и не выговоришь.

– Обознались, – буркнул Олег безучастно.

Погруженный в свои благочестивые думы – «Знаю твое благочестие», – подумал Томас сварливо, – он вошел в темный ход. Вдали горели светильники, пахло растопленным бараньим жиром. Просторный зал освещен слабо, в глазах после яркого солнца поплыли светлые круги. Вокруг двигались тени, Томас не мог отличить, какие из них настоящие, а какие нечестивые призраки.

Чувствуя себя не в себе, он спросил лишь затем, чтобы слышать человеческий голос, пусть даже свой, и не потерять калику:

– А зачем дворец сотрясал? Это ж целая гора – не дерево со спелыми грушами!

– А Шакра больно щеки дул, – ответил калика отстраненно, глаза были отсутствующие, он мыслями был далеко, – надо было щелкнуть по носу... А скажи, сэр рыцарь, тебе ничего странного не показалось, когда мы сюда шли?

Томасу казалось странным все, даже чудовищным, особенно то, что калика когда-то сотрясал чей-то дворец, да еще как сотрясал, – видно по этим, распластанным, но калика явно ждал другого ответа. И Томас сделал вид, что ушел в глубокое раздумье. Жалел только, что под шлемом да еще в темноте не видно, как морщится его лоб, а брови сходятся на переносице.

Калика исчез, Томас видел только раскоряченную тень, что шарил по алтарю. Грюкнуло, звякнуло, ближайšie к алтарю светильники вспыхнули ярче. Калика, огромный и косматый, угрожающе навис над алтарем, перебирал что-то, ворчал, хмыкал, наконец с треском выломал крышку, а когда вынул руку из внутренностей алтаря, на ладони лежала золотая веточка, от которой шел чистый трепетный свет.

– Во, – сказал он удовлетворенно, – сколько лежит, а все как новенькая!

Он спрыгнул со ступенек, там их было целых три, Томас видел в зеленых глазах радость. Калика словно помолодел, встретившись со своими былыми деяниями. Томас не решился спрашивать, в прошлом ли году тряс несчастный дворец или в позапрошлом веке.

– Грабить храм нехорошо, – сказал он укоряюще.

– Так это ж языческий, – сказал калика язвительно.

– Тебе нехорошо, – уточнил Томас. – А мне можно. Мне даже нужно! Ибо я должен попираť реликвии дьявола, тем самым умножая славу Пречистой Девы. Что это у тебя?

– Всего лишь золотая ветвь, – сказал калика задумчиво. – Странно, как много значения люди придают... предметам. Что ветвь, когда у каждого в душе цветут роскошные сады?

– Сады? – спросил Томас с подозрением. – Да еще роскошные?

Калика поглядел на него, глаза в полумраке блестели как у филина, вздохнул. Плечи опустились.

– Да, – сказал он совсем другим голосом, – сады... гм...

Он спрятал золотую ветвь под полу, кивнул, и они вышли навстречу свету, что больно ударил по глазам, привыкшим к полутьме. Воины снова простерлись ниц, жрецы поспешили к Олегу. Он бросил им несколько слов, повелительно-благожелательных, они поклонились и проскользнули мимо в храм.

– Поспешим, – сказал Олег. – Надо идти.

Томас часто оглядывался, а когда спустились в долину, не вытерпел:

– Ты их ограбил!.. Но почему отдали так просто? У них такая охрана!

Олег буркнул:

– Это мой храм.

– Твой...

Томас ощутил, что начинает заикаться. Спина калики мерно колыхалась перед глазами, рыжие волосы слиплись от пота и грязи, став похожими на большое воронье гнездо. Он выглядел как никогда раньше диким человеком.

– Мой, – повторил калика с досадой. – Чего глаза вытаращил? Человеку всегда хочется кому-то кланяться. Я все пытался отучить... но раз уж не могут без этого, то пусть хоть... Да и не ограбил, я им там взамен оставил другую штучку. Нечто новое!

Томас спросил дрожащим голосом:

– А что?

Калика буркнул, не оборачиваясь:

– Да нечто в духе времени. Мир меняется, им надо меняться тоже.

– Покажи, – попросил Томас.

При солнечном свете золотая веточка выглядела поблекшей. Золото не сияло, Томасу почудилось вовсе не золото, а тусклая медь. Веточка короткая. Листочков всего три.

– И это все? – спросил он разочарованно.

Калика бросил раздраженно:

– Мы в квесте, забыл? За что и не люблю эту дурь. Туда пойдешь – возьми это, туда – то, в третьем месте – еще какую-то мелочь, а потом еще и ломай голову, как сложить, чтобы дверь открылась, решетка поднялась или какой-нибудь пустячный засов отодвинулся. Так и жизнь пройдет, а ты все драконов бьешь по головам, принцесс спасаешь, совсем будто от безделья на стенку лезешь.

Томасу почудился камешек в его суверенные владения.

– А что делать, если другое не умею?

Внезапно из-под ног раздался дикий вопль. Томас отпрыгнул, дико посмотрел по сторонам. Стояла звенящая тишина, даже калика остановился, вокруг только голые камни, стены.

– Что только не чудится, – пробормотал он испуганно. На лице выступили капли пота. Калика смотрел внимательно, в зеленых глазах было странное выражение. Томас ступил снова, крик раздался прямо из-под сапога.

Томас подскочил, хотя вроде бы уже готов к неожиданностям. С мечом в руке огляделся, в глазах страх:

– Сэр калика! Демоны, да?

– Какие демоны...

– А что же?

– Обыкновенный базланит.

Томас вытаращил глаза:

– Что?

Олег с неохотой поправился:

– Ну, не совсем и обыкновенный... Вообще-то ему цены нет, но сейчас нам не до редких камней. Ну, ты знаешь, смарагд излечивает от ядовитых пауков, медянок и желтопузиков, изумруд лечит боли в печени, а базланит испускает такой радостный вопль...

– Ничего себе радостный, – пробормотал Томас, он вытер мокрое лицо.

– ...всякий раз, когда на него наступает настоящий король.

Томас обошел каменную плиту, наполовину вдавленную в землю, подозрительно посмотрел на Олега:

– А вы с ним не сговорились?

– Томас...

– А что? От тебя всего ждешь.

– Мне-то что, король ты или нет? Наоборот, из тебя бы неплохой калика получился. Со временем, конечно.

Томас отшатнулся. И лишь много погодя, когда спустились в долину, а калика разжег огонь на берегу ручья, Томас внезапно вспомнил, что сам калика обошел этот самый базланит по широкой дуге.

Томас сам не помнил, как освободился от доспехов. Калика разжег костер, а он все сидел в ручье. Ледяная горная вода нагрелась от его тела так, что шел пар, а ниже по течению рыбешек уносило кверху брюхом. Что ж, не каждая речная рыба выдержит аромат благородного рыцарского пота. Морская разве что...

Он пошевелил, растопырив, пальцами ног. Ледяные струйки ласково щекотали кожу, очень медленно – калика там уже ест! – охлаждали раскаленное, как в горне, тело. Когда он с трудом выбрался, ноги все еще подкашивались, калика лежал у костра, зеленые глаза пристально всматривались в небо. Снова Томасу почудился гнетущий взгляд кого-то неслыханно огромного, мороз пробежал по все еще разгоряченной коже.

Калика небрежно повел дланью:

– Там мясо. Я завернул в листья, дабы не слишком остыло.

– Рыцари не перебирают, – сказал Томас бодро, ибо калика оставил ему кус, которого хватило бы и на его коня, если бы конь ел мясо. И если бы коня не продул в кости.

Помрачнев, он уже с безучастностью поглощал еду. В желудке довольно рычало, там внутри жадно набрасывались на каждый ломоть. Томас чувствовал, как усталость медленно испаряется из тела, а мышцы наливаются молодой силой.

– Ладно, – сказал он, оживая, – мы еще добудем и коней, и любимую женщину, и богатства... А о наших подвигах будут петь песни. Не так ли, сэр Олег?

Олег лежал на спине, могучие длани были закинута за голову. По широкой груди бродил крупный кузнечик, чесал лапки, длинными усиками исследовал странное пространство.

– Подвиги, богатство, – сказал он с тоскливым недовольством, – это мечта голодных. Но так как человек почти никогда не успевает добыть хотя бы часть того, что мечтает... Но когда успевает...

Он задумался. Томас спросил враждебно:

– И что же?

Калика с таким усилием повернулся на бок, словно переворачивал гору, на лице отразилось брезгливое сострадание. Томас вскипел, но держал себя в руках. От этого заносчивого язычника пока что слишком много зависит.

– И что же? – повторил он ядовито.

Калика поискал глазами, указал пальцем на широкую гранитную плиту. Изъеденная временем, щербатая, ничем от других не отличимая. В середине едва заметная выемка, не поместится даже кулачок ребенка. Рыцарь вскинул брови:

– И что же?

– Здесь умер калика. Странник, дервиш... зови как хочешь. Он оперся о посох, задумался и так умер. Трое суток простоял, пока люди заметили, что он мертв. Привыкли, знаешь ли, что всегда в мыслях, отвечает не всегда...

Томас буркнул, все еще сердясь:

– Святой человек, значит. Но трое суток...

– Кто знает, сколько бы простоял, – заметил Олег, – но червяк подгрыз посох, и мудрец упал.

Томас сказал наставительно:

– Святой человек! Наш прелат говорил, святые мощи не поддаются тлению. Еще при жизни от святости и умерщвления плоти на них жира остается меньше, чем на лесном таракане, так что провоняться нечем. А тут еще такая жара! Но к чему ты приплел, когда мы говорили о подвигах и богатстве?

– А этот калика раньше был царем, у которого было все. И горы золота, и кольцо непростое, все демоны слушались, да и самого недаром звали Премудрым... У него уже было царство, богатство, а уж жен больше, чем у кого-либо на земле.

Томас прервал:

– Даже больше, чем у тебя?

Калика поперхнулся, задумался, сказал с неуверенностью:

– Я, собственно, никогда этим не увлекался... Тьфу, конечно же, у меня никогда не было столько жен! У него ж они все жили в одном таком дворце, двенадцать дверей, четыреста стражей, пять тысяч служанок, драконы на дверях, только с крыши и можно было... Ты не сбивай, не сбивай!

Томас зябко передернул плечами. Он уже догадывался, о ком речь, ученый дядя рассказывал одно, прелат – другое, ведь если не хочешь умереть от жажды – пьешь из одной кружки даже с сарацином.

– Хочешь сказать, что когда нахватаешь всего-всего, то дальше один путь – в калики?

Олег пожал плечами, уже потеряв интерес к разговору. Глаза его стали отсутствующими.

– Разве он один?

Томас подумал, поморщил лоб:

– Нет, еще есть ты!.. А что, таких больше?

– Томас, знал бы ты, сколько народу уходит в пещеры, леса, пустыни, горы... не спасаясь от врагов, а спасаясь от друзей! Все нажитое оставляют, ибо вдруг понимают, как это мало... даже если это горы золота. Эх, да ладно... Давай спать.

Томас тоскливо посмотрел на звездное небо. Чувство вины сжало сердце. Не уснуть, понял он. Тысячи и тысячи глаз смотрят укоризненно и осуждающе. Калика говорит: одно слово глупое скажешь – навек в дурни попадешь, а он не просто в дурни... Расплачивайся за гордое словцо, сказанное красиво, но бездумно...

– Расскажи что-нибудь, – попросил он жалобно. – Перед сном. Ладно, о подвигах не любишь, тогда хоть о походах, набегах... Ладно-ладно, и о походах не нужно. Тогда о женщинах прошлого, ты их тоже знаешь, хотя не могу понять, как это не выходя из пещеры... Правда ли, что самая красивая женщина на свете была Елена Прекрасная, из-за которой греки истребили скифов?..

Калика зевнул, его косматая голова на звездном небе казалась головой лохматого чудища.

– Бред... Самая красивая – Лилит. Говорят, она же и самая совершенная из всех женщин. Ни одна из рожденных человеком не может сравниться с единственной, созданной Богом! Он вообще создавал ее для себя, не для сопливых, но затем спохватился, переломил себя – дело всей жизни страдать не должно от чувств! – и предназначил Лилит для первого на земле человека, Адама. Ну, сам знаешь, как пошло. Взял ком глины... хотя здесь для меня неясность,

слепил Адама. А потом велел Лилит поклониться Адаму. Она, понятное дело, возмутилась: почему? С какой стати? А твой бог и объявляет, что это, дескать, муж твой. А Лилит уперлась, как коза, которую ведут на базар: не стану, и все. Он мне муж, а я ему жена. Но я из той же глины. Почему должна кланяться, если мы равны?

Он умолк на миг, Томас тут же нетерпеливо поторопил:

– Ну-ну! Что ты на самом интересном засыпаешь!

– А? – вскинулся Олег, и Томас в негодовании понял, что калика в самом деле заснул или почти заснул. – О чем я? Ах да, тогда твой бог подумал и определил, что то, что делает Лилит, отныне будет зваться гордыней, а саму гордыню причислил к самым великим грехам... будут именоваться смертными, и так будет для всего живого на свете. Хотя нет, звери невинны только для человека. Так что, дорогой мой гордый рыцарь, гм...

Томас спросил с еще большим нетерпением:

– А что же эта, как ее... Лилит? Про Адама и Еву я слышал, а что случилось с Лилит?

Калика зевнул, почесал волосатую грудь.

– Хрен ее знает. Она ведь не человек... как остальные, не ангел, не демон. Даже самая совершенная из женщин – Бог творил ее в свои лучшие минуты лучшего дня! – но кто знает, что сделало с нею время?

Он зевнул, зубы жутко клацнули. На миг он показался Томасу похожим на большого волка, что умеет оборачиваться человеком. Но в следующее мгновение жестокое лицо расслабилось, стало умиротворенным, глаза полус закрылись.

Томас промолвил зачарованно:

– Как чудесно... Расскажи что-нибудь еще... такое же божественное.

Калика снова зевнул с подвыванием, почесался, заговорил медленно, уже укладываясь на сон:

– Но как это было на самом деле, сейчас никто не упомнит. Другие маги, знающие, как было на самом деле, говорят, что Бог, создав Адама, велел ангелам слепить еще десяток таких же мужиков. Ну, ангелы устроили целый цех: один лепил головы, другой – руки, третий – ноги, четвертый – туловище... А одному досталось лепить то, чем все размножаемся. Ну, ему выпало легче всего: подвигал меж ладоней ком глины, вот тебе и штучка. Лепит себе и лепит. А когда собрали девять новых людей, оказалось, что глина кончилась, потому что последний налепил этих штук уже на целое войско крестоносцев. Ну, ту глину снова смешали, из нее и слепили десятого. Так что каждого десятого теперь как называют, сам знаешь...

Он заснул на полуслове. Томас подбросил веточек в костер. В голове вертелись неясные образы, но сложен путь мысли мудрого человека, в рыцарской голове философские понятия вязнут, он все никак не мог понять, что имел в виду сэр калика, хотя иногда казалось, что вот-вот ухватит мысль за хвост, поймает, и разом сгинет непреодолимая пропасть, разделяющая книжную мудрость и молодую отвагу.

Рассвет застал Томаса с такими же красными глазами, как угли костра, над которыми нахохлился. Лицо осунулось и вытянулось, как у его боевого коня, который сейчас возит чертей в преисподней. Олег поднялся свежий, как умытый ночной росой месяц.

– Да ты никак не спал вовсе? Зря. Не убивайся так. Я ж говорю, на красивую женщину даже пес не гавкнет. Ладно, пошли.

Ему показалось, что Томас все порывается что-то спросить, но о чем может спрашивать молодой рыцарь, как не о потерянной невесте? И Олег все ускорял шаг.

Впереди показался продолговатый холмик. Томас назвал бы его могилой... будь это близ селения, но откуда могила среди голой степи? Правда, калика твердит, что женских могил нет в поле, значит, здесь лежит странствующий рыцарь...

Чем ближе подходили, тем сильнее холод сковывал Томаса. Ноги словно примерзали к земле, он с трудом заставил их двигаться. Могила приближалась, в воздухе появился запах, от которого мурашки страха пробежали по всему телу. Он узнал запах крови. Свежепролитой крови, но никогда еще не видел такой древней могилы.

От нее пахло древностью, возле нее умирала трава, земля покрылась пылью старости. А на самой могиле что-то пузырилось, Томас рассмотрел что-то вроде красного шевелящегося ковра. Оттуда шел запах крови, он усиливался, и волосы встали дыбом на затылке. Запах крови был силен. От нее шел жар, в ней чувствовалась ярая мощь, вместе с тем Томас с ужасом ощутил, что это не простая кровь. Совсем не простая.

Кровь вскипала на могиле, пузырилась, издали похожая на толстый алый ковер. Томас перевел потрясенный взор на калику. Тот выглядел угрюмым и постаревшим. Томас сказал тихо, страшась нарушить священную тишину:

– Здесь... похоронен бог?

Калика покачал головой. Губы были плотно сжаты.

– Нет.

– Прости... я понимаю, кто-то из твоей родни... Но как он может нам помочь? Если сейчас выкопается, то я – вот те крест! – рубану мечом. Я покойников боюсь, меня один как-то во сне давил...

– Здесь могила первого кочевника на земле. Его убил землепашец, который защищал свои поля. Этот вот, что лежит здесь, своими стадами уничтожал его посевы.

Томас прошептал, чувствуя потребность стоять на стороне справедливости всегда и во всем:

– Прости, но землепашец поступил верно... Но что это за кровь?

– Вопиет, – объяснил Олег. – То есть вызывает. К отмщению, естественно. К несчастью, кочевник был братом землепашца! И, хуже того, к еще большему несчастью, их бог... теперь и ваш, христианский, тогда предпочел дары кочевника – тот зарезал целого барана, – а подношение землепашца отверг... Еще бы, тот положил на жертвенный камень что-то вроде пучка морковки. Но теперь видно, чью правоту доказало будущее, то есть наше время. Увы, слово не воробей... Первый убийца был проклят и осужден вечно скитаться по земле. А здесь кровь все еще вопиет, вызывает, напоминает, требует крови за ту кровь...

Томас долго смотрел на пузырящийся ковер из вечно вскипающей крови. Кровавые пузыри надувались, лопались, кровь была горяча, свежая кровь первых людей, с запасом жизненной силы для всего человечества...

– А что может напомнить?

Калика остро взглянул на молодого рыцаря:

– Ощутил? Даже Бог только предполагает. Хоть и лучше большинства людей. В те времена можно ли было предугадать все эти народы, арбалеты, огромные корабли, начисто заселенные земли? Последних кочевников истребляют, как диких зверей! И по праву, если на то пошло. Ведь кочевники что могут создать? Только рыцарский кодекс чести.

Томас обиженно дернулся. А калика уже рвал траву с могилки, нюхал, буднично совал в сумку. Велел деловито:

– Вон там выдери с корнями. Только не повреди.

Томас оскорбленно дернулся:

– Я тебе что, колдун?

– Ну, на колдуна, конечно же, не тянешь, – согласился Олег, – даже на подметальщика в его хижине, но с паршивой овцы... Землю с корешков стряхивай бережно, в них вся целебная сила.

Томас сопел зло, но копал, стряхивал, сдувал песчинки, бережно складывал в мешок, расправляя корешки, а калика уже без всякого почтения взобрался на могилку сапожищами, приложил ладонь козырьком к глазам, оглядывал дали.

– Кажись, все, – сказал он наконец. – Пошли.

Когда отошли на десяток шагов, Томас вдруг оглянулся:

– Постой! За сотни лет дождь и ветер даже горы стесывают так, что кочерыжки торчат, а тут могила хоть и простая, но землю не разметало...

Калика даже не оглянулся:

– Следят.

– Кто?

– Не знаю, – буркнул он. Похоже, вопрос ему не нравился. Он, как заметил Томас, вообще не любил рассуждать о смерти. – То ли ученики... хотя он, как известно, никакой школы не основал... гм, если не считать школой ту резню, начало которой положил он... то ли родня, что вернее. А то и сама мать... ну, ты ее знаешь... приглядывает. Вот только цветы не носит. И венка я ни разу не видел.

Глава 10

Плато заметно поднималось, вдали в синеве проступила темная гряда гор, только вершины сияли холодно и предостерегающе. Олег на ходу шептал, разводил руками. Воздух вокруг него начал потрескивать.

Томас терпеливо ждал, но, когда среди безжизненной степи прямо над головой раздалось мощное хлопанье, кровь застыла в жилах. Обрушилась волна тугого воздуха, Томас в испуге пригнулся, а калика раздраженно замахал руками:

– Туда!.. Левее!.. Дурень, чуть на головы не сел.

Впереди по длинной косой дуге рухнуло огромное, как сарай, зеленое, пробежало, часто перебирая толстыми неуклюжими лапами. Перепончатые крылья были выставлены навстречу ветру и едва не лопались, их выворачивало наизнанку. Томас едва успел отпрыгнуть от толстого, как бревно, хвоста, усыпанного острыми шипами.

– Змей! – ахнул он. – Это его ты вышептывал?

– Да вот сам прилетать никак не научится... Залезай, надо торопиться.

Змей уже лег, крылья встали на спину, и Томас поспешно покарабкался по лапе, выбрал место на спине между шипами, каждый в половину человеческого роста. Шипы белесые, обветренные, концы затупились, а иные и вовсе торчат как гнилые пеньки, то ли обломанные, когда Змей валялся на спине, то ли сбитые в драках за самку.

Калика уже с заливкой Змея оглянулся:

– Готов?

– Поехали, – сказал Томас, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Я ж уже летал на похожем сарае с крыльями. И даже управлял! Тот был покрупнее.

– Нам сейчас перебирать некогда, – огрызнулся калика уязвленно. Он похлопал Змея по шее, тот повернул голову, посмотрел долгим взглядом в лицо калики. Олег отрицательно покачал головой. Змей вздохнул, поднялся на ноги и побежал.

Томас вцепился в шип, задержал дыхание и напрягся. Поднялся встречный ветер, спина под ним запрыгала, потом был мощный толчок, его прижало книзу, доспехи стали вдвое тяжелее. По бокам крылья хлопали часто и гулко, словно по ветру трепало сорванные паруса. Теперь Томас в прорезь шлема видел только синеющие вдали вершины. Холодный ветер врвался в щель, холодил кожу, глаза начали слезиться.

Красные волосы калики трепетали как пламя, раздуваемое ветром. Томас видел только спину, но представил себе, как сурово и напряженно, лишь чуть прищурившись, Олег озирает проплывающие внизу вершины гор, высматривает то самое место, откуда можно пытаться пройти в ад...

Томас напрягал мышцы, заставляя застывающую кровь согревать ноги, задерживал дыхание, так становится теплее, наконец доспехи стали весить легче, он понял, что Змей снижается.

Горы приблизились, одна вершина прошла на уровне Змея, затем Змей влетел в широкое ущелье, далеко внизу виднелись крохотные деревья. Все было в зелени, Томас увидел приземистые древние храмы, домики прислуги, стадо коров на лугу. Змей снизился еще, Томас взялся за шип обеими руками, изготовился к тряске: Змей садится еще хуже, чем взлетает, однако по бокам мощно ляпнуло по воздуху, доспехи стали такими тяжелыми, что он взвыл, задержал дыхание, чувствуя, как глаза вылезают из орбит.

– Что... – прохрипел он, – что... стряслось?

– Неладное, – откликнулся Олег.

– Со Змеем?

– Внизу! – крикнул Олег. Ветер срывал слова и уносил, Томас едва слышал, а калика говорил словно нехотя, чувствовалось, как напряженно думает над чем-то другим. – Там нечисто. Не пойму что, но чутье... да, чутье предостерегает...

Томас вскрикнул, чувствуя, как начинает сразу превращаться в сосульку:

– Ты ж против чутья!

– Пусть не чутье, – поправился Олег, – а опыт... Там нас ждут совсем не друзья.

Томас сказал зло:

– А тебе не чудятся враги за каждым камнем? С чего стали бы захватывать этот монастырь, будто знают, что ты явишься сюда?

Олег слегка повернул голову, их взгляды встретились.

– Может быть, – сказал Олег медленно, – знают. Может быть, зная меня, могут просчитать мои поступки наперед. А может быть, что меня пугает больше всего, мы столкнулись с чем-то, что намного сильнее Семи Тайных...

Томас изумился:

– Что может быть сильнее? Разве что Господь Бог.

– Я этого не исключаю, – проговорил Олег глухо.

Он отвернулся, а Томас ощутил, как новая волна холода, уже изнутри, прокатилась по внутренностям. Олег богохульствует, Бог должен быть за них, а если что, то Пресвятая Дева замолвит слово. Всякое ворье спасает, а они ж не ворье... Правда, калика – язычник, но Дева его не трогает. Может, и правда, после того как он сказал довольно громко, что она молодая и красивая, Пресвятая Дева и к нему стала относиться теплее... Неужели проклятый язычник прав, любой женщине – даже Пресвятой Деве! – нравятся похвалы, даже грубые? Ведь этот грубиян похвалил тогда не ее святость, а прямую спину, молодость, длинные ноги...

Спина под Томасом внезапно провалилась, он на миг завис в воздухе. В желудке появилось странное ощущение пустоты. Тело сковало страхом, он чувствовал себя падающим, затем шлепнулся на твердое, раскрыл рот для вопля...

По шлему ударило с силой, будто обрушился раскаленный молот. В глазах замелькали оранжевые искры, он ударился лбом о костяной шип, спина снова ушла вниз, в уши прорезался запоздалый крик:

– Держись крепче!

Змей круто свернул, навстречу понеслась высокая каменная стена. Над головой треснуло, мимо пронеслась невиданная стрела: Томас видел только, как за ней сторает воздух, оставляя длинный дымный след. Сзади треснуло, Томас непроизвольно пригнулся, над головой прошипело, пахло серой, второй дымный след ушел далеко вперед. Стена приближалась со страшной быстротой. Дымный след достиг ее, в том месте вспыхнуло красным, посыпались камни, затем до ушей Томаса донесся далекий грохот, гул.

Змей неся прямо на стену. Томас сцепил зубы, только бы не заорать, убьются же, мокрое пятно останется, а Змей, дурак с крыльями, летит так, будто спешит разбиться, только бы не служить перевозчиком.

Над головой пронеслись еще два разряда молний, Олег умело бросал Змея из стороны в сторону, заставлял проваливаться, иногда резко вздымал выше, и Томаса придавливали собственные доспехи.

Стена стремительно вырастала, Томас готов был зажмуриться, как вдруг глаз ухватил тонкую щель, даже трещину, больше похожую издали на тень. Змей с разгону влетел, цапнул камни и тут же сложил крылья, начал падать по дуге, но щель расширилась, Томас перевел дыхание, все еще мокрый, как мышь в половодье.

Они неслись между двух отвесных стен, что уходили к небесам, а земля лишь угадывалась далеко внизу. Томас едва не слетел, когда Змей резко свернул, калика быстро поворачивал его то влево, то вправо, и Змей послушно огибал острые углы.

Калика оглянулся, лицо было багровое от усилий.

– Держись! Сейчас начнется!

Что начнется? – мелькнуло у Томаса паническое. Неужто будет еще хуже?

Непроизвольно оглянулся, так оглядывается чуткий лесной зверь, и как раз перед новым поворотом увидел, как за ними следом в узкое ущелье ворвался другой Змей: быстрый и злой, из пасти пламя, а глаза как два костра. Уступ закрыл их, но мурашки ужаса продолжали бегать по спине Томаса. Калика даже подался вперед, так напряженно всматривается в щель между стенами. Ущелье навстречу несло ровное, и Томас содрогнулся, представив, как быстрый и злой Змей догоняет их в этой западне. А люди, что бьют в них молниями, под стать Змею. Другим бы с таким зверем не управиться...

Олег воткнул острый конец посоха в шею Змею. Томас видел, как блестящее острие мучительно медленно погружается между щитков, ветер срывал капли крови, а потом уносило целые струи. Змей кричал, суетливо бил крыльями, но погоня, хоть и очень медленно, наступала. Калика оглядывался, вздрагивал и втягивал голову в плечи даже тогда, когда молнии распарывали воздух высоко, но Змея держал крепко, тот едва не разбивался о стены, когда на полном лету прижимался то к одной стене, то к другой.

Томас услышал хриплый крик:

– Железо! Да развернись же к ним рылом наконец!..

Томас спохватился, привстал, держась за спицу гребня, спину под ним качало, как палубу крохотного корабля, и он со страху просто молниеносно, не помня как, перебрался лицом к преследователям. Теперь перед ним была уходящая вдаль спина с уменьшающимся гребнем, вытянутый хвост этой исполинской ящерицы, а всего в трех полетах стрелы за ними стремительно неся легкий быстрый Змей.

– Их четверо! – закричал Томас. Он сглотнул, подавляя тошноту. – Двое вот сейчас поднимают что-то блестящее...

Спина под ним провалилась. На долгий страшный миг он завис в воздухе, с ужасом понимая, что не просто висит, а падает камнем. Да что там камнем, в этих доспехах он обгонит даже скалу, упавшую с неба. Желудок покарабкался к горлу. Томас с трудом повернул застывшую шею в сторону правого крыла, оно подтянулось к туловищу, похожее на скомканный ковер из толстых кож, подрагивало, а потом как будто его отбросили пинком: развернулось во всю ширь, застонало от напора воздуха снизу, а внизу зашипело, оттуда пахло жаром сгораемого воздуха. В зад пребольно ударило, Томас сразу ощутил вес доспехов, зашипел от боли, внизу защемило гребнем, если бы не доспехи... Сзади снова злое треснуло, калика закричал зло:

– Говори!.. Что они делают?

Ущелье стало еще теснее, но дальше стены шли на таком же удалении одна от другой. Томас вскрикивал:

– Снова поднимают это оружие... Готовятся... Стреляют!

Преследователи наконец поняли, что так достать беглецов не могут, их быстрый Змей захлопал крыльями чаще, некоторое время почти держался зубами за хвост их Змея, но с его спины уже не стреляли. Томас с жутковатым чувством понял, что при попадании могут врезаться в раненого Змея сами, и тогда все вместе упадут на далекое дно, усеянное острыми камнями.

– Что? – вскрикнул калика.

В голосе были напряжение и страх. Не оборачиваясь, он вел Змея на большой скорости по ущелью, согнулся, как перед прыжком. Томас вскрикнул:

– Начали обходить справа!

Калика на миг повернул голову, Томас увидел его сосредоточенное злое лицо, и тут же впереди ущелье начало слегка загибаться влево. Преследователи сделали рывок, крылья их Змея звучно били по воздуху, Томаса едва не сбрасывало тугим ветром.

Некоторое время шли рядом, Томас рассмотрел всех четверых, но никто из них не бросался молниями. Их лица были торжествующими, черный Змей медленно обходил их тяжелого, грузного Змея.

– Олег! – закричал Томас. – Берегись, впереди поворот!

– Вижу! – гаркнул калика.

– Пусть летит тише!.. Мы не сумеем свернуть!

– Да!

– Тогда это... гибель?

Он снова услышал в шуме ветра и хлопках крыльев:

– Да...

На лицах четверки появилось встревоженное выражение. Первый, что сидел на загривке Змея, резко подался назад, навалился на вбитый в шею кол, Змей вскрикнул от боли, выставил в стороны крылья парусами вперед, даже лапы выпрямил, упираясь во встречный ветер.

К удивлению Томаса, враги не отстали, на лицах троих успел увидеть ужас, успел понять, что Олег тоже в этот же момент остановил Змея...

Как две огромные скалы, они пронеслись вперед, на повороте зеленый Змей волей-неволей ударил черного собрата правым боком в левый, того швырнуло на каменную стену, а зеленому толчка хватило, чтобы успеть свернуть перед поворотом. Красноватый камень пронесся так близко, что едва не оцарапал Змею бок, он даже крыло загнул под брюхо. Опустились ниже, едва не падая, затем Змей суматошно замолотил крыльями.

Черный Змей, как успел увидеть Томас, ударился о стену, вдогонку донесся хруст крыла, треск. По каменной стене брызнуло мокрой полосой, а Змея бесформенной кучей швырнуло по крутой дуге вниз, вперемишку со сбитыми камнями.

Ущелье впереди расширялось, высокие стены начали понижаться. Олег оглянулся, лицо было злое и веселое, крикнул мощно:

– Теперь держись крепче!

Томас не понял зачем, все уже позади, но старый ворон зря не каркнет, послушно уцепился, и тут Змей внезапно нырнул вниз, будто утка за рыбой на дно. Сердце Томаса остановилось, он не мог оторвать глаз от приближающихся камней внизу. Затем эти камни ушли вовсе, он увидел небо совсем не там, где ему быть, в животе стало холодно и гадко, его качало и трясло, крылья хлопали со всех сторон, он цеплялся онемевшими пальцами, пока не ощутил, что снова на том же месте, они в том же ущелье, но только летят в обратную сторону.

– Ну как? – донеслось веселое.

– Плохо, – ответил Томас мужественно, стараясь не выдать дрожи в голосе.

– Почему?

– Мой пот был раньше только на поясице, – крикнул Томас, – а теперь, когда твой дурной сарай вздумал порхать кверху брюхом... то заливают глаза!

Калика хмыкнул с издевкой:

– Да ладно тебе – пот! Знаю, какого он цвета.

Змей торопливо и как-то суетливо снижался. Томас ощутил, что бедный зверь дрожит – то ли от пережитого страха, то ли от удара в бок, благодаря которому как раз и уцелел, а собрата с двойной мощью бросил на каменную стену.

Земля стремительно побежала навстречу, Змей выбросил в сторону крылья, упираясь в плотный воздух. Их подбросило, Томас стиснул зубы, железо на нем звякало, словно за этот полет потерял с десятков фунтов доброго английского мяса.

Змей с облегчением упал брюхом, крылья раскинулись от стены до стены. Калика соскочил, Томас позавидовал легкости, ему же из-за доспехов спускаться долго, а когда ощутил под ногами землю, калика уже суетился у останков черного Змея. Троих выбросило, четвертый лежал придавленный, костяная пластина распоролла его, как острый нож вскрывает устрицу.

Один еще пытался уползать, а когда калика подбежал, выхватил из складок одежды нож с зеленым лезвием. Томас ахнуть не успел, как нож, словно лучик, сам выскользнул из ладони, но калика, не замедляя бега, поймал в воздухе, словно брошенное ребенком яблоко. Раненый с рычанием сорвал с шеи талисман, Олег с разбегу прыгнул на его кисть. Томас слышал, как хрустнули тонкие кости.

– Кто? – спросил калика жестко.

Томас подбежал, тяжело дыша. Если бы не видел калику, то по голосу принял бы за герцога Крис де Бурга, свирепого и лютого, безжалостного даже к своим воинам. На лице была дикая ярость, и лишь чуть позже Томас запоздало понял, что отшельник напускает на себя свирепость для устрашения.

– Гореть тебе в аду... – прохрипел чужак.

Он откинулся, затылок ударился о камни, но глаза оставались яростными, ненавидящими.

– Да, – ответил калика жестко, – но мы потом, а ты – сейчас.

Он перенес вес на одну ногу, повернулся на пятке. Кости хрустнули снова, пальцы чужака перестали скрести ему сапог, бессильно и медленно раскрылись, как бутон расцветающей розы, такой же красный и заметный. Раненый стонал, лицо покрылось крупными каплями.

– Все равно...

Томас подобрал из безжизненной ладони треугольный камешек. В середине проскальзывали тени, но на ярком солнце рассмотреть больше не удалось. Он сунул в сумку на поясе, калика потом займется, оглядел остальных. Один торчал в такой же луже крови, распластаный и раздавленный, Томас прошел к остальным. Их выбросило в момент удара, а летать без Змея явно не умели.

За спиной послышался страшный вскрик. Томас не оборачивался. Даже цивилизованные народы, дабы получить важные для христианского мира сведения, вольны применять все средства, а уж от варвара тем более нельзя ждать, чтобы возлюбил ближнего, как себя самого...

Когда вернулся, калика с озабоченным видом рассматривал нож с зеленым лезвием. Томас поинтересовался:

– Колдовство?

– Оно, – подтвердил калика лаконично.

– Тогда ты как рыба в воде, – сказал Томас с облегчением.

Калика покачал головой:

– Увы...

– А что не так?

– А этого не знаю, – ответил калика.

Томас вздохнул с облегчением:

– Наконец-то! А то уж думал, что тебя убивать пора. Все знаешь, все видел, все понимаешь... И жить незачем. А что не так с этим ножом?

– На белом свете таких нет, – ответил калика сдержанно.

Томас молча смотрел в прямую спину человека, прозванного Вещим. Тот прошел по распластанному крылу Змея, как по огромной шкуре, подпрыгнул, в одно с виду легкое движение вскинул себя на загривок чудовища. Змей все еще лежал распластаный, как жаба под колесом, шею вытянул, кожистая перепонка закрыла глаза. Бока раздувались, правда, уже медленно, без прежней натуги. Из огромных вывернутых ноздрей струйки пара увлажнили гладкий валун перед мордой, из-под него тут же выбрались сороконожки, жадно припали к этим каплям.

Зеленые глаза волхва снова обрели прежний насмешливый блеск:

– Ну как, портки сменил? А то пот твой что-то пахнет...

Змей грустно вздохнул, когда Томас с надменным лицом, не отвечая на гнусные намеки, умогился среди шипов гребня. Калика похлопал по длинной чешуйчатой шее:

– Да ладно тебе, зеленый! Будто тебе самому не понравилось!

– Что? – переспросил Томас.

– А ты видел, как он саданул того черного?

Томас передернул плечами.

– Да-да, видел, – сказал он осевшим голосом. Перед глазами пронеслись страшные мгновения, мелькнула ужасная стена. – Да-да, он умело...

– А главное, в последний миг! – сказал калика. – Ты заметил? Еще бы чуть, от нас самих бы одни лепешки... Сочные такие, отбитые. От нас со Змеем. А от тебя – лепешка в жестянке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.